

**Людмила Давидюк, Людмила Дядечко,
Инна Халабаджах**

РУССКИЙ ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА

Интегрированный курс
Уровень стандарта

**Электронная хрестоматия к учебнику
для 11 класса с обучением на русском языке
заведений общего среднего
образования**

*Схвалено для використання
в закладах загальної середньої освіти*

УДК 811.161.1+821.161.1.09]*кл11(075.3)

Д13

*Схвалено для використання в закладах загальної середньої освіти
комісією з російської мови та інших мов національних меншин
Науково-методичної ради з питань освіти*

Міністерства освіти і науки України

(лист ДНУ «Інститут модернізації змісту освіти» від 16. 12.2019 р. № 22. 1/12-Г-1163)

АВТОРЫ РАЗДЕЛОВ:

Людмила ДАВИДЮК: теми 2–5, 7–12, 14–17, 20–25, 27–33, 38–39, 41, 44, 51, 58, 65–67, 68–70.

Людмила ДЯДЕЧКО: теми 1, 6, 13, 18, 19, 26, 34–36, 43, 46, 49, 56, 58, 64, 68–70.

Інна ХАЛАБАДЖАХ: теми 37, 40, 42, 45, 47–48, 50, 52–55, 57, 59–63.

Навчальне видання

ДАВИДЮК Людмила Володимирівна

ДЯДЕЧКО Людмила Петрівна

ХАЛАБАДЖАХ Інна Михайлівна

Російська мова та література

(інтегрований курс, рівень стандарту)

електронна хрестоматія

для 11 класу

з навчанням російською мовою

закладів загальної

середньої освіти

(Російською мовою)

За загальною редакцією

Л. В. Давидюк, Л. П. Дядечко

Головний редактор видавництва

І. В. Красуцька

Редактор *Т. М. Гревцева*

Головний художник *І. П. Медведовська*

Технічний редактор *Е. А. Авраменко*

Коректор *С. В. Войтенко*

Давидюк Л. В.

Русский язык и литература (интегрированный курс, уровень стандарта) : электронная хрестоматия к учебнику для 11 кл. с обучением на русском языке заведений общего среднего образования / Л. В. Давидюк, Л. П. Дядечко, И. М. Халабаджах / Под общей редакцией Л. В. Давидюк, Л. П. Дядечко. — Киев : УОИЦ «Орион», 2019.

ISBN 978-617-7712-99-1.

ISBN 978-617-7712-99-1.

ДОРОГИЕ ОДИННАДЦАТИКЛАССНИКИ И ОДИННАДЦАТИКЛАССНИЦЫ!

Современная школа ориентируется на всестороннее развитие личности, и значительное место в этом занимает изучение языка, литературы и культуры в их неразрывной взаимосвязи. Человек будущего — это прежде всего человек культуры, т.е. свободная личность с высоким самосознанием, с чувством собственного достоинства и чести, самоуважением и самодисциплиной. Человек культуры способен к независимым суждениям, уважает мнение других людей, ориентируется и в мире духовных ценностей, и в ситуациях окружающей жизни, умеет принимать решения и несёт ответственность за свои поступки.

Электронная хрестоматия и учебник помогут вам стать свободной личностью, духовной и творческой.

Хрестоматия (от греч. *chrēstos* «полезный» и *mathos* «знание») обычно учебное пособие, представляющее собой сборник избранных произведений или отрывков из них. Но перед вами не обычная хрестоматия, а действительно сборник полезных знаний.

В хрестоматии вы найдете:

- интересную информацию, которая значительно расширит ваш кругозор;
- занимательные задания, выполняя которые придется поломать голову;
- иллюстрации, помогающие почувствовать подлинный «вкус» той или иной эпохи;
- литературные произведения или отрывки из них, предназначенные для внимательного и вдумчивого чтения;
- авторский комментарий к художественным произведениям, которые помогут вам глубже понять культурный контекст произведения и эпохи его создания;
- истории создания многих литературных шедевров;
- художественный материал, который значительно облегчит выполнение домашних заданий и творческих проектов.

Ваш учебник по новому интегрированному предмету «Русский язык и литература» и электронная хрестоматия — это одно целое, один живой организм. Многие задания учебника можно выполнить, только обратившись к хрестоматии.

Мы уверены, что ваши занятия русским языком и литературой с помощью учебника и хрестоматии будут интересными и увлекательными. Вы узнаете много нового, научитесь чувствовать и действовать, быть ответственными, принимать решения, создавать ценности, т.е. станете Человеком Культуры — человеком будущего с открытым сердцем и пытливым умом.

С уважением к свободной и творческой личности

авторы

СОДЕРЖАНИЕ

1.	ЯЗЫК	Литературный язык как основа культуры речи	6
2.	РЕЧЬ	Понятие о культуре речи	7
3.	ЛИТЕРАТУРА	Русская литература и культура в XX веке	10
4.		Чтение — изучающее и критическое.	19
5.		Иван Бунин. «Легкое дыхание».	21
6.	ЯЗЫК	Понятие о языковой норме, ее функциях	26
7.	РЕЧЬ	Речевая (коммуникативная) ситуация и ее элементы	27
8.	ЛИТЕРАТУРА	Иван Бунин. «Темные аллеи»	32
9.	ЛИТЕРАТУРА. РЕЧЬ	Чтение художественного текста. Иван Бунин. «Чистый понедельник»	36
10.	РЕЧЬ	Слушание текста публицистического стиля	57
11, 12.	ЛИТЕРАТУРА. РЕЧЬ	Серебряный век как культурно-историческая эпоха в русской поэзии конца XIX — начала XX века. Доклад на научную тему	59
13.	ЯЗЫК	Орфоэпические и акцентологические нормы	61
14.	РЕЧЬ	Коммуникативные качества речи	62
15.	ЛИТЕРАТУРА	Иннокентий Анненский. Марина Цветаева	64
16.	РЕЧЬ	Понятие о речевом этикете, его функциях.	66
17.	ЛИТЕРАТУРА	Александр Блок	67
19.	ЯЗЫК	Лексические и фразеологические нормы	69
20, 21.	ЛИТЕРАТУРА. РЕЧЬ	Анна Ахматова. Выразительное чтение стихотворений.	72
24, 25.	ЛИТЕРАТУРА. РЕЧЬ	Владимир Маяковский. Подробный пересказ (устный и письменный)	76
26.	ЯЗЫК	Лексические и фразеологические нормы (продолжение)	90
27, 28.	ЛИТЕРАТУРА. РЕЧЬ	Сергей Есенин. Лирика. Сжатый пересказ	91
29- 30.	ЛИТЕРАТУРА. РЕЧЬ	Владимир Набоков. «Гроза». Эссе на основе литературного произведения.	94
31.	РЕЧЬ	Публичное выступление. Общие принципы, типы и жанры публичных выступлений	97
36.	ЯЗЫК	Словообразовательные и морфологические нормы	99
37.	ЛИТЕРАТУРА	Исаак Бабель. «Шабос-нахаму».	100
38- 39.	РЕЧЬ	Текст публичного выступления и его специфика как риторического произведения. Чтение и анализ лучших образцов публичных выступлений.	107
40.	ЛИТЕРАТУРА	Исаак Бабель. «Вечер у императрицы»	108
42.		Михаил Зощенко. «Исповедь». «Крестьянский самородок»	111
43.	ЯЗЫК	Синтаксические нормы	115

45.	ЛИТЕРАТУРА	Михаил Зощенко. «Обезьяний язык». «Западня» 116
47.		Михаил Булгаков. «Мастер и Маргарита» 121
48.	РЕЧЬ	Диалог-обсуждение проблематики литературного произведения 137
49.	ЯЗЫК	Орфографические нормы. 139
50.	ЛИТЕРАТУРА	Михаил Булгаков. «Мастер и Маргарита» 141
52.	РЕЧЬ	Выступление убеждающего характера. 165
53.	ЛИТЕРАТУРА	Михаил Булгаков. «Мастер и Маргарита»: «Каждому будет дано по его вере» 168
54.		Михаил Булгаков. «Мастер и Маргарита». 200
55.	РЕЧЬ	Статья в публицистическом стиле на актуальную социально-культурную тему 220
56.	ЯЗЫК	Пунктуационные нормы 222
57.	ЛИТЕРАТУРА	Михаил Булгаков. «Мастер и Маргарита» 225
59.		Василий Шукшин. «Чудик» 236
60.	РЕЧЬ	Дискуссия на актуальную тему. 245
61.	ЛИТЕРАТУРА	Василий Шукшин. «Выбираю деревню на жительство» 247
62.	РЕЧЬ	Эссе на актуальную тему. 254
63.	ЛИТЕРАТУРА	Василий Шукшин. Публицистика 258
64.	ЯЗЫК	Стилистические нормы. Динамичность и вариативность норм литературного языка 263
65-67.	ЛИТЕРАТУРА. РЕЧЬ	Иосиф Бродский. Выразительное чтение стихотворений 265

1 ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК КАК ОСНОВА КУЛЬТУРЫ РЕЧИ

К заданию 2.

I. Ознакомьтесь с лингвокультурологической классификацией славянских языков. Какие группы выделил в них итальянский ученый? Какие признаки легли в основу классификации?

Итальянский ученый Р. Пиккио, говоря о славянских литературных языках, разделил их на:

1) *Slavia Orthodoxa*, куда вошли восточнославянские народы и часть южнославянских, которые исповедуют православие (с культовым церковнославянским — старославянским в национальной редакции — языком) и используют кириллическую графику;

2) *Slavia Latina* — западнославянские народы и другая часть южнославянских (хорваты, словенцы), принявшие католицизм и пользующиеся латинской графикой.

II. Рассмотрите карту современных славянских языков. Какие группы в них выделяются с точки зрения их происхождения? Назовите языки из каждой группы, которые относятся к *Slavia Orthodoxa* и к *Slavia Latina*, если известно, что среди южнославянских народов кириллической графикой пользуются болгары, сербы, македонцы, боснийцы.

Карта распространения славянских языков

2 ПОНЯТИЕ О КУЛЬТУРЕ РЕЧИ

К заданию 4. Рассмотрите репродукцию портрета Джоконды кисти Леонардо да Винчи.

Леонардо да Винчи. Портрет госпожи Лизы дель Джокондо. Около 1503—1505 гг.

- Прочитайте фрагмент из книги Марианны Алферовой «Леонардо да Винчи. Настоящая история гения» о ответьте на вопрос, которым он начинается.

... почему эта картина производит столь поразительное, почти мистическое впечатление на зрителя? Стоит привести здесь одно высказывание, которое стало своего рода рекламой творения Леонардо.

Французский прозаик, поэт романтической школы, критик, либреттист и путешественник XIX века Теофиль Готье писал: «Джоконда! Это слово немедленно вызывает в памяти сфинкса красоты, который так загадочно улыбается с картины Леонардо... Опасно попасть под обаяние этого призрака... Ее улыбка обещает неизвестные наслаждения, она так божественно иронична... Если бы Дон Жуан встретил Джоконду, он бы узнал в ней все три тысячи женщин из своего списка».

Говорят, именно этот образ Готье породил «моду» на улыбку Джоконды и сделал картину буквально идиолом.

Каждый исследователь дает на поставленный вопрос свой ответ. Например, искусствовед Евсей Ротенберг считает, что «не много найдется во всем мировом искусстве портретов, равных «Моне Лизе» по силе выражения человеческой личности, воплощенной в единстве характера и интеллекта. Именно необычайная интеллектуальная заряженность леонардовского портрета отличает его от портретных образов кватроченто¹. Эта его особенность воспринимается тем острее, что она относится к женскому портрету, в котором характер модели прежде раскрывался в совершенно иной, преимущественно лирической образной тональности. Исходящее от «Моны Лизы» ощущение силы — это органическое сочетание внутренней собранности и чувства личной свободы, духовная гармония человека, опирающегося на его сознание собственной значительности. И сама улыбка ее отнюдь не выражает превосходства или пренебрежения; она воспринимается как результат спокойной уверенности в себе и полноты самообладания».

«Улыбка Моны Лизы, — пишет Кеннет Кларк в своей книге «Леонардо да Винчи: творческая биография», — это непревзойденный пример сложности внутренней жизни, уловленный и зафиксированный на полотне, именно того, что Леонардо в своих записных книжках называл основной целью искусства».

Каждый зритель этой картины находит в ней свое — одни покой в знаменитой улыбке, другие насмешку, но нет сомнения, что Мастеру каким-то волшебным образом удалось запечатлеть на этой картине самого себя.

¹ *Кватроченто* — общепринятое обозначение эпохи итальянского искусства XV века, соотносимой с периодом Раннего Возрождения.

К заданию 5.

Культурологическая справка

Автор стихотворения «Средь шумного бала...» — известный русский поэт **Алексей Константинович Толстой (1817–1875)**, представитель знатного дворянского рода: мать — внучка последнего гетмана Украины Кирилла Разумовского, отец — из старинного рода Толстых.

Стихотворение было написано в 1851 году и посвящено **Софье Андреевне Миллер (1827–1892)**, урожденной Бахметьевой. Встреча Алексея и Софьи произошла на маскараде в петербургском Большом театре зимой 1850–1851 года: 33-летний камер-юнкер увидел незнакомку в черной полумаске, которая поразила его тонким станом, звонким смехом и печальными глазами. Это была незаурядная женщина с необычной судьбой. Современники восхищались ее образованностью: она знала четырнадцать языков, прекрасно разбиралась в искусстве, литературе, философии, имела чарующий голос. Трагически завершилась любовь юной Софьи Бахметьевой и князя Григория Вяземского, обещавшего на ней жениться, но не сумевшего пойти наперекор семье. Брат покинутой девушки Петр Бахметьев вызвал князя на дуэль и был убит. Неудачным оказался и брак Софьи Андреевны с полковником-кавалергардом Львом Миллером.

Карл Брюллов. Портрет графа А. К. Толстого в юности. 1836 г.

Алексей Толстой влюбился без памяти и сделал предложение, однако прошло долгое время, прежде чем они смогли вступить в брак. Семья графа была категорически против, и муж Софьи Андреевны не давал развода. Толстой отправился на Крымскую войну, Софья — в путешествие по Европе.

Но в 1857 году, узнав, что Алексей умирает в тифозном бараке, Софья спешит в Одессу, привозит его домой, буквально выцарапывает из лап смерти и заставляет написать прошение об отставке. Больше они не расставались, однако повенчаться смогли лишь в 1863 году.

На замечательные стихи Петр Ильич Чайковский в 1878 году написал романс, который стал популярным. Его исполняли корифеи* оперной сцены: Леонид Собинов, Сергей Лемешев, Анатолий Соловьяненко, Галина Вишневская, Иван Петров, Тамара Милашкина, Муслим Магомаев, Дмитрий Хворостовский и др.

Неизвестный художник. Портрет Софьи Миллер

Корифей, -я, м. (книжн.). 1. В древней греческой трагедии — руководитель хора. 2. Выдающийся деятель науки или искусства. *Корифеи театра. Корифеи русской литературы.*

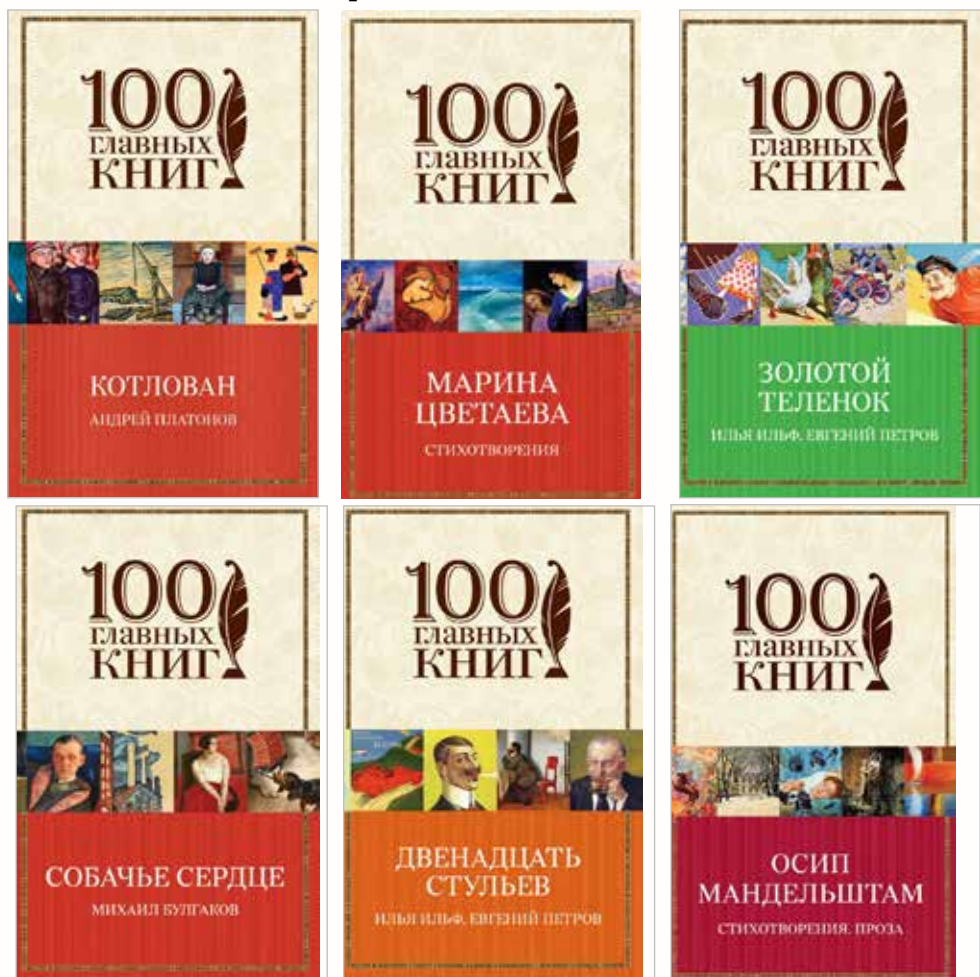
3 РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И КУЛЬТУРА В XX ВЕКЕ

К заданию 2.

Серия «Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие поколения»

<p>ЕВГЕНИЙ ИВАНОВИЧ ЗАМЯТИН МЫ Книга, изменившая мир. Писатель, объединивший поколения.</p>	<p>МИХАИЛ АФАНАСЬЕВИЧ БУЛГАКОВ СОБАЧЬЕ СЕРДЦЕ Книга, изменившая мир. Писатель, объединивший поколения.</p>
<p>АЛЕКСАНДР ИСАЕВИЧ СОЛЖЕНИЦЫН РАКОВЫЙ КОРПУС Книга, изменившая мир. Писатель, объединивший поколения.</p>	<p>ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ БУНИН МИТИНА ЛЮБОВЬ Книга, изменившая мир. Писатель, объединивший поколения.</p>

Серия «Сто главных книг»

Серия «Запрещенные книги»

Серия «Легендарные книги»

Серия «Красная книга русской прозы»

Серия «Вещественные доказательства»

К заданию 3.

Прочитайте фрагмент повести А. Куприна «Гранатовый браслет». Понравился ли вам отрывок? О чем он? Предположите, о чем может быть повесть.

Она разрезала ножницами ленту и бросила в корзину вместе с бумагой, на которой был написан ее адрес. Под бумагой оказался небольшой ювелирный футляр красного плюша, видимо, только что из магазина. Вера подняла крышечку, подбитую бледно-голубым шелком, и увидела втиснутый в черный бархат овальный золотой браслет, а внутри его бережно сложенную красивым восьмиугольником записку. Она быстро развернула бумажку. Почерк показался ей знакомым, но, как настоящая женщина, она сейчас же отложила записку в сторону, чтобы посмотреть на браслет.

Он был золотой, низкопробный, очень толстый, но дутый и с наружной стороны весь сплошь покрытый небольшими старинными, плохо отшлифованными гранатами. Но зато посредине браслета возвышались, окружая какой-то странный маленький зеленый камешек, пять прекрасных гранатов-кабошонов, каждый величиной с горошину. Когда Вера случайным движением удачно повернула браслет перед огнем электрической лампочки, то в них, глубоко под их гладкой яйцевидной поверхностью, вдруг загорелись прелестные густо-красные живые огни.

«Точно кровь!» — подумала с неожиданной тревогой Вера.

Потом она вспомнила о письме и развернула его. Она прочитала следующие строки, написанные мелко, великолепно-каллиграфическим почерком:

«Ваше Сиятельство,
Глубокоуважаемая Княгиня
Вера Николаевна!

Почтительно поздравляя Вас с светлым и радостным днем Вашего Ангела, я осмеливаюсь препроводить Вам мое скромное верноподданническое подношение».

«Ах, это — тот!» — с неудовольствием подумала Вера. Но, однако, дочитала письмо...

«Я бы никогда не позволил себе преподнести Вам что-либо, выбранное мною лично: для этого у меня нет ни права, ни тонкого вкуса и — признаюсь — ни денег. Впрочем, полагаю, что и на всем свете не найдется сокровища, достойного украсить Вас. Но этот браслет принадлежал еще моей прабабке, а последняя, по времени, его носила моя покойная матушка. Посредине, между большими камнями, Вы увидите один зеленый. Это весьма редкий сорт граната — зеленый гранат. По старинному преданию, сохранившемуся в нашей семье, он имеет свойство сообщать дар предвидения носящим его женщинам и отгоняет от них тяжелые мысли, мужчин же охраняет от насильственной смерти.

Все камни с точностью перенесены сюда со старого серебряного браслета, и Вы можете быть уверены, что до Вас никто еще этого браслета не надевал.

Вы можете сейчас же выбросить эту смешную игрушку или подарить ее кому-нибудь, но я буду счастлив и тем, что к ней прикасались Ваши руки.

Умоляю Вас не гневаться на меня. Я краснею при воспоминании о моей дерзости семь лет тому назад, когда Вам, барышне, я осмеливался писать глупые и дикие письма и даже ожидать ответа на них. Теперь во мне осталось только благоговение, вечное преклонение и рабская преданность. Я умею теперь только желать ежеминутно Вам счастья и радоваться, если Вы счастливы. Я мысленно кланяюсь до земли мебели, на которой Вы сидите, паркету, по которому Вы ходите, деревьям, которые Вы мимоходом трогаете, прислуге, с которой Вы говорите. У меня нет даже зависти ни к людям, ни к вещам.

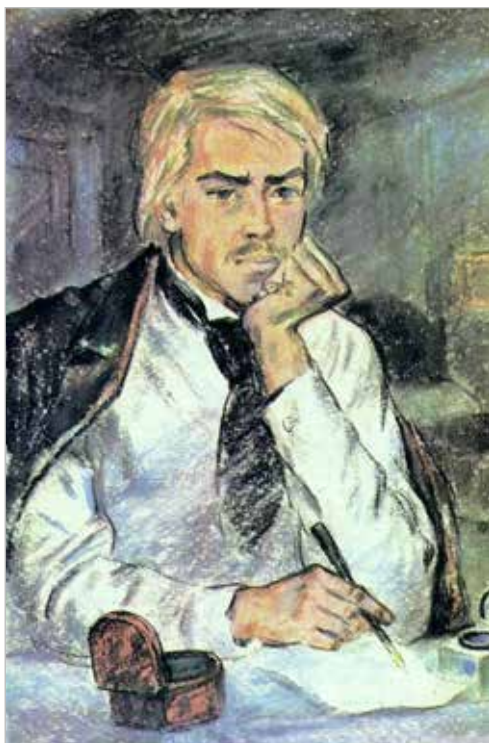
Еще раз прошу прощения, что беспокоил Вас длинным, ненужным письмом.

Ваш до смерти и после смерти покорный слуга.

Г. С. Ж.».

«Показать Васе или не показать? И если показать — то когда? Сейчас или после гостей? Нет, уж лучше после — теперь не только этот несчастный будет смешон, но и я вместе с ним».

Так раздумывала княгиня Вера и не могла отвести глаз от пяти алых кровавых огней, дрожавших внутри пяти гранатов.

В. Якубович. Желтков

В. Якубович. Вера Шенна

К заданию 5.

Прочитайте фрагменты из романа Ч. Айтматова «И дольше века длится день...» («Буранный полустанок»). Какие чувства вызвало у вас предание, рассказанное автором? О чем заставило задуматься?

У кладбища Ана-Бейит была своя история. Предание начиналось с того, что жуаньжуаны, захватившие сарозеки в прошлые века, исключительно жестоко обращались с пленными воинами. При случае они продавали их в рабство в соседние края, и это считалось счастливым исходом для пленного, ибо проданный раб рано или поздно мог бежать на родину. Чудовищная участь ждала тех, кого жуаньжуаны оставляли у себя в рабстве. Они уничтожали память раба страшной пыткой — надеванием на голову жертвы шири. Обычно эта участь постигала молодых парней, захваченных в боях. Сначала им начисто обривали головы, тщательно выскабливали каждую волосинку под корень. К тому времени, когда заканчивалось бритье головы, опытные убийщики-жуаньжуаны забивали поблизости матерого верблюда. Освежившая верблюжью шкуру, первым делом отделяли ее наиболее тяжелую, плотную войную часть. Поделив выю на куски, ее тут же в парном виде напяливали на обритые головы пленных вмиг прилипающими пластырями — наподобие современных плавательных шапочек. Это и означало надеть шири. Тот, кто подвергался такой процедуре, либо умирал, не выдержав пытки, либо лишался на всю жизнь памяти, превращался в манкурта — раба, не помнящего своего прошлого. Войной шкуры одного верблюда хватало на пять-шесть шири. После надевания шири каждого обреченного заковывали деревянной шейной колодой, чтобы испытуемый не мог прикоснуться головой к земле. В этом виде их отвозили подальше от людных мест, чтобы не доносились понапрасну их душераздирающие крики, и бросали там в открытом поле, со связанными руками и ногами, на солнцепеке, без воды и без пищи. Пытка длилась несколько суток. Лишь усиленные дозоры стерегли в определенных местах подходы на тот случай, если соплеменники плененных попытались бы выручить их, пока они живы. Но такие попытки предпринимались крайне редко, ибо в открытой степи всегда заметны любые передвижения. И если впоследствии доходил слух, что такой-то превращен жуаньжуанами в манкурта, то даже самые близкие люди не стремились спасти или выкупить его, ибо это значило вернуть себе чучело прежнего человека. И лишь одна мать найманская, оставшаяся в предании под именем Найман-Ана, не примирилась с подобной участью сына. Об этом рассказывает сарозекская легенда. И отсюда название кладбища Ана-Бейит — Материнский упокой.

Брошенные в поле на мучительную пытку в большинстве своем погибали под сарозекским солнцем. В живых оставались один или два манкурта из пяти-шести. Погибали они не от голода и даже не от жажды, а от невыносимых, нечеловеческих мук, причиняемых усыхающей, сжимающейся на голове сыромятной верблюжьей кожей. Неумолимо сокращаясь под лучами палящего солнца, шири стискивало, сжимало бритую голову раба

подобно железному обручу. Уже на вторые сутки начинали прорастать обритые волосы мучеников. Жесткие и прямые азиатские волосы иной раз вращали в сыромятную кожу, в большинстве случаев, не находя выхода, волосы загибались и снова уходили концами в кожу головы, причиняя еще большие страдания. Последние испытания сопровождались полным помутнением рассудка. Лишь на пятые сутки жуаньжуаны приходили проверить, выжил ли кто из пленных. Если заставляли живых хотя бы одного из замученных, то считалось, что цель достигнута. Такого поили водой, освобождали от оков и со временем возвращали ему силу, поднимали на ноги. Это и был раб-манкурт, насильно лишенный памяти и потому весьма ценный, стойкий десяти здоровых невольников. Существовало даже правило — в случае убийства раба-манкурта в междоусобных столкновениях выкуп за такой ущерб устанавливался в три раза выше, чем за жизнь свободного соплеменника.

Кадр из фильма «Плач матери о манкурте». 2004 г.
(режиссер Бакыт Карагулов, в роли манкурта — Саят Исембаев)

Манкурт не знал, кто он, откуда родом-племенем, не ведал своего имени, не помнил детства, отца и матери — одним словом, манкурт не осознавал себя человеческим существом. Лишенный понимания собственного «я», манкурт с хозяйственной точки зрения обладал целым рядом преимуществ. Он был равнозначен бессловесной твари и потому абсолютно покорен и безопасен. Он никогда не помышлял о бегстве. Для любого рабо-

владельца самое страшное — восстание раба. Каждый раб потенциально мятежник. Манкурт был единственным в своем роде исключением — ему в корне чужды были побуждения к бунту, неповиновению. Он не ведал таких страстей. И поэтому не было необходимости стеречь его, держать охрану и тем более подозревать в тайных замыслах. Манкурт, как собака, признавал только своих хозяев. С другими он не вступал в общение. Все его помыслы сводились к утолению чрева. Других забот он не знал. Зато порученное дело исполнял слепо, усердно, неуклонно. Манкуртов обычно заставляли делать наиболее грязную, тяжкую работу или же приставляли их к самым нудным, тягостным занятиям, требующим тупого терпения. Только манкурт мог выдерживать в одиночестве бесконечную глушь и безлюдье сарозеков, находясь неотлучно при отгонном верблюжьем стаде. Он один на таком удалении заменял множество работников. Надо было всего-то снабжать его пищей — и тогда он бессменно пребывал при деле зимой и летом, не тяготясь одичанием и не сетуя на лишения. Повеление хозяина для манкурта было превыше всего. Для себя же, кроме еды и обносков, чтобы только не замерзнуть в степи, он ничего не требовал...

Куда легче снять пленному голову или причинить любой другой вред для устрашения духа, нежели отбить человеку память, разрушить в нем разум, вырвать корни того, что пребывает с человеком до последнего вздоха, оставаясь его единственным обретением, уходящим вместе с ним и недоступным для других. Но кочевые жуаньжуаны, вынесшие из своей крошечной истории самый жестокий вид варварства, посягнули и на эту сокровенную суть человека. Они нашли способ отнимать у рабов их живую память, нанося тем самым человеческой натуре самое тяжкое из всех мыслимых и немыслимых злодеяний. Не случайно ведь, причитая по сыну, превращенному в манкурта, Найман-Ана сказала в иступленном горе и отчаянии:

«Когда память твою отторгли, когда голову твою, дитя мое, ужимали, как орех клещами, стягивая череп медленным воротом усыхающей кожи верблюжьей, когда обруч невидимый на голову насадили так, что глаза твои из глазниц выпирали, налитые сукровицей страха, когда на бездымном костре сарозеков предсмертная жажда тебя истязала и не было капли, чтобы с неба на губы упала, — стало ли солнце, всем дарующее жизнь, для тебя ненавистным, ослепшим светилом, самым черным среди всех светил в мире?»

Когда, раздираемый болью, твой вопль истошно стоял среди пустыни, когда ты орал и метался, взывая к Богу днями, ночами, когда ты помощи ждал от напрасного неба, когда, задыхаясь в блевотине, исторгаемой муками плоти, и корчась в мерзком дерьме, истекавшем из тела, перекрученного в судорогах, когда угасал ты в зловонии том, теряя рассудок, съедаемый тучей мушиной, проклял ли ты из последних сил Бога, что сотворил всех нас в покинутом им самим мире?»

Когда сумрак затмения застилал навсегда изувеченный пытками разум, когда память твоя, разъятая силой, неотвратимо теряла сцепления прошлого, когда забывал ты в диких метаниях взгляд матери, шум

речки подле горы, где играл ты летними днями, когда имя свое и имя отца ты утратил в сокрушенном сознании, когда лики людей, среди которых ты вырос, померкли и имя девицы померкло, что тебе улыбалась стыдливо, — разве не проклял ты, падая в бездну беспамятства, мать свою страшным проклятьем за то, что посмела зачать тебя в чреве и родить на свет божий для этого дня?..».

История эта относилась к тем временам, когда, вытесненные из южных пределов кочевой Азии, жуаньжуаны хлынули на север и, надолго завладев сарозеками, вели непрерывные войны с целью расширения владений и захвата рабов. На первых порах, пользуясь внезапностью нашествия, в прилегающих к сарозекам землях они взяли много пленных, в том числе женщин и детей. Всех их погнали в рабство. <...>

В одно из таких затиший купцы, пришедшие с караваном товаров в найманские земли, рассказывали, сидя за чаем, как минули они сарозекские степи без особых помех у колодцев со стороны жуаньжуанов, и упомянули о том, что встретили в сарозеках одного молодого пастуха при большом верблюжьем стаде. Купцы стали с ним разговор вести, а он оказался манкуртом. С виду здоровый, и не подумаешь никак, что такое с ним сотворено. Наверно, не хуже других был когда-то и речист и понятлив, и сам совсем молодой еще, только-только усы пробиваются, и обличьем недурен, а обмолвишься словом — вроде как вчера народился на свет, не помнит, бедняга, не знает имени своего, ни отца, ни матери, ни того, что с ним сделали жуаньжуаны, откуда сам родом, тоже не знает. <...>

При том разговоре присутствовала в юрте женщина, разливавшая чай купцам. То была Найман-Ана. Под этим именем осталась она в сарозекской легенде.

Найман-Ана виду не подала при заезжих гостях. Никто не заметил, как странно поразила ее вдруг эта весть, как изменилась она в лице. <...>

Караван торговцев вскоре ушел своей дорогой. И в ту бессонную ночь Найман-Ана поняла, что не будет ей покоя, пока не разыщет в сарозеках того пастуха-манкурта и не убедится, что то не ее сын. <...>

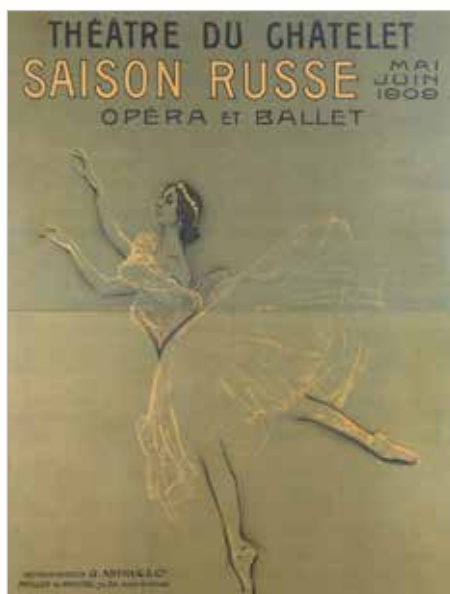
На рассвете Найман-Ана вышла из юрты, уже готовая в путь. Выйдя, остановилась, перешагнув порог, прислонилась к двери, задумалась, окидывая взглядом спящий аул, перед тем как покинуть его. Еще стройная, еще сохранившая былую красоту Найман-Ана была подпоясана, как и полагалось в дальнюю дорогу. На ней были сапоги, шаровары, камзол без рукавов поверх платья, на плечах свободно свисающий плащ. Голову она повязала белым платком, стянув концы на затылке. Так решила в своих ночных раздумьях — уж коли надеется увидеть сына в живых, то к чему траур. А если не сбудется надежда, то и потом успеет обернуть голову вечным черным платком. <...>

4 ЧТЕНИЕ — ИЗУЧАЮЩЕЕ И КРИТИЧЕСКОЕ

К заданию 1.

Лев Самойлович Бакст (Леон Бакст).
Портрет Сергея Павловича Дягилева
с няней. 1906 г.

Валентин Серов. Афиша с портретом
Анны Павловой в роли Сильфиды.
1909 г.

Наталья Гончарова. Эскиз костюма для
оперы-балета «Золотой петушок»
Н. А. Римского-Корсакова

Лев Бакст (Леон Бакст).
Эскиз костюма Синей
султанши к балету
"Шахерезада". 1910 г.

Лев Бакст (Леон Бакст). Декорация к балету "Шахерезада" 1910 г.

5 ИВАН БУНИН. «ЛЕГКОЕ ДЫХАНИЕ»

Читаем художественное произведение

К заданию 6. Прочитайте рассказ И. Бунина «Легкое дыхание». Поделитесь впечатлениями от рассказа.

Легкое дыхание

На кладбище над свежей глиняной насыпью стоит новый крест из дуба, крепкий, тяжелый, гладкий.

Апрель, дни серые; памятники кладбища, просторного, уездного, еще далеко видны сквозь голые деревья, и холодный ветер звенит и звенит фарфоровым венком у подножия креста.

В самый же крест вделан довольно большой, выпуклый фарфоровый медальон, а в медальоне — фотографический портрет гимназистки с радостными, поразительно живыми глазами.

Это Оля Мещерская.

Девочкой она ничем не выделялась в толпе коричневых гимназических платьиц: что можно было сказать о ней, кроме того, что она из числа хорошеньких, богатых и счастливых девочек, что она способна, но шаловлива и очень беспечна к тем наставлениям, которые ей делает классная дама? Затем она стала расцветать, развиваться не по дням, а по часам. В четырнадцать лет у нее, при тонкой талии и стройных ножках, уже хорошо обрисовывались груди и все те формы, очарование которых еще никогда не выразило человеческое слово; в пятнадцать она слыла уже красавицей. Как тщательно причесывались некоторые ее подруги, как чистоплотны были, как следили за своими сдержанными движениями! А она ничего не боялась — ни чернильных пятен на пальцах, ни раскрасневшегося лица, ни растрепанных волос, ни заголившегося при падении на бегу колена. Без всяких ее забот и усилий и как-то незаметно пришло к ней все то, что так отличало ее в последние два года из всей гимназии, — изящество, нарядность, ловкость, ясный блеск глаз... Никто не танцевал так на балах, как Оля Мещерская, никто не бегал так на коньках, как она, ни за кем на балах не ухаживали столько, сколько за ней, и почему-то никого не любили так младшие классы, как ее. Незаметно стала она девушкой, и незаметно упрочилась ее гимназическая слава, и уже пошли толки, что она ветрена, не может жить без поклонников, что в нее безумно влюблен гимназист Шеншин, что будто бы и она его любит, но так изменчива в обращении с ним, что он покушался на самоубийство.

Последнюю свою зиму Оля Мещерская совсем сошла с ума от веселья, как говорили в гимназии. Зима была снежная, солнечная, морозная, рано опускалось солнце за высокий ельник снежного гимназического сада, неизменно погожее, лучистое, обещающее и на завтра мороз и солнце, гулянье на Соборной улице, каток в городском саду, розовый вечер, музыку и эту во все стороны скользящую на катке толпу, в которой Оля Мещерская

казалась самой беззаботной, самой счастливой. И вот однажды, на большой перемене, когда она вихрем носилась по сборному залу от гонявшихся за ней и блаженно визжавших первоклассниц, ее неожиданно позвали к начальнице. Она с разбегу остановилась, сделала только один глубокий вздох, быстрым и уже привычным женским движением оправила волосы, дернула уголки передника к плечам и, сияя глазами, побежала наверх. Начальница, моложавая, но седая, спокойно сидела с вязаньем в руках за письменным столом, под царским портретом.

— Здравствуйте, mademoiselle Мещерская, — сказала она по-французски, не поднимая глаз от вязанья. — Я, к сожалению, уже не первый раз принуждена призывать вас сюда, чтобы говорить с вами относительно вашего поведения.

— Я слушаю, madame, — ответила Мещерская, подходя к столу, глядя на нее ясно и живо, но без всякого выражения на лице, и присела так легко и грациозно, как только она одна умела.

— Слушать вы меня будете плохо, я, к сожалению, убедилась в этом, — сказала начальница и, потянув нитку и завертев на лакированном полу клубок, на который с любопытством посмотрела Мещерская, подняла глаза. — Я не буду повторяться, не буду говорить пространно, — сказала она.

Мещерской очень нравился этот необыкновенно чистый и большой кабинет, так хорошо дышавший в морозные дни теплом блестящей голландки и свежестью ландышей на письменном столе. Она посмотрела на молодого царя, во весь рост написанного среди какой-то блистательной залы, на ровный пробор в молочных, аккуратно гофрированных волосах начальницы и выжидательно молчала.

— Вы уже не девочка, — многозначительно сказала начальница, втайне начиная раздражаться.

— Да, madame, — просто, почти весело ответила Мещерская.

— Но и не женщина, — еще многозначительнее сказала начальница, и ее матовое лицо слегка заалело. — Прежде всего, — что это за прическа? Это женская прическа!

— Я не виновата, madame, что у меня хорошие волосы, — ответила Мещерская и чуть тронула обеими руками свою красиво убранную голову.

— Ах, вот как, вы не виноваты! — сказала начальница. — Вы не виноваты в прическе, не виноваты в этих дорогих гребнях, не виноваты, что разоряете своих родителей на туфельки в двадцать рублей! Но, повторяю вам, вы совершенно упускаете из виду, что вы пока только гимназистка...

И тут Мещерская, не теряя простоты и спокойствия, вдруг вежливо перебила ее:

— Простите, madame, вы ошибаетесь: я женщина. И виноват в этом — знаете кто? Друг и сосед папы, а ваш брат Алексей Михайлович Малютин. Это случилось прошлым летом в деревне...

А через месяц после этого разговора казачий офицер, некрасивый и плебейского вида, не имевший ровно ничего общего с тем кругом, к которому принадлежала Оля Мещерская, застрелил ее на платформе вокзала,

среди большой толпы народа, только что прибывшей с поездом. И невероятное, ошеломившее начальницу признание Оли Мещерской совершенно подтвердилось: офицер заявил судебному следователю, что Мещерская завлекла его, была с ним близка, поклялась быть его женой, а на вокзале, в день убийства, провожая его в Новочеркасск, вдруг сказала ему, что она и не думала никогда любить его, что все эти разговоры о браке — одно ее издевательство над ним, и дала ему прочесть ту страничку дневника, где говорилось о Малютине.

— Я пробежал эти строки и тут же, на платформе, где она гуляла, поджидая, пока я кончу читать, выстрелил в нее, — сказал офицер. — Дневник этот, вот он, взгляните, что было написано в нем десятого июля прошлого года.

В дневнике было написано следующее:

«Сейчас второй час ночи. Я крепко заснула, но тотчас же проснулась... Нынче я стала женщиной! Папа, мама и Толя, все уехали в город, я осталась одна. Я была так счастлива, что одна! Я утром гуляла в саду, в поле, была в лесу, мне казалось, что я одна во всем мире, и я думала так хорошо, как никогда в жизни. Я и обедала одна, потом целый час играла, под музыку у меня было такое чувство, что я буду жить без конца и буду так счастлива, как никто. Потом заснула у папы в кабинете, а в четыре часа меня разбудила Катя, сказала, что приехал Алексей Михайлович. Я ему очень обрадовалась, мне было так приятно принять его и занимать. Он приехал на паре своих вятков, очень красивых, и они все время стояли у крыльца, он остался, потому что был дождь, и ему хотелось, чтобы к вечеру просохло. Он жалел, что не застал папу, был очень оживлен и держал себя со мной кавалером, много шутил, что он давно влюблен в меня. Когда мы гуляли перед чаем по саду, была опять прелестная погода, солнце блес-тело через весь мокрый сад, хотя стало совсем холодно, и он вел меня под руку и говорил, что он Фауст с Маргаритой. Ему пятьдесят шесть лет, но он еще очень красив и всегда хорошо одет — мне не понравилось только, что он приехал в крылатке, — пахнет английским одеколоном, и глаза совсем молодые, черные, а борода изящно разделена на две длинные части и совершенно серебряная. За чаем мы сидели на стеклянной веранде, я почувствовала себя как будто нездоровой и прилегла на тахту, а он курил, потом пересел ко мне, стал опять говорить какие-то любезности, потом рассматривать и целовать мою руку. Я закрыла лицо шелковым платком, и он несколько раз поцеловал меня в губы через платок... Я не понимаю, как это могло случиться, я сошла с ума, я никогда не думала, что я такая! Теперь мне один выход... Я чувствую к нему такое отвращение, что не могу пережить этого!..».

Город за эти апрельские дни стал чист, сух, камни его побелели, и по ним легко и приятно идти. Каждое воскресенье, после обедни, по Соборной улице, ведущей к выезду из города, направляется маленькая женщина в трауре, в черных лайковых перчатках, с зонтиком из черного дерева. Она переходит по шоссе грязную площадь, где много закопченных кузниц и свежо дует полевой воздух; дальше, между мужским

монастырем и острогом, белеет облачный склон неба и сереет весеннее поле, а потом, когда проберешься среди луж под стеной монастыря и повернешь налево, увидишь как бы большой низкий сад, обнесенный белой оградой, над воротами которой написано Успение Божией Матери. Маленькая женщина мелко крестится и привычно идет по главной аллее. Дойдя до скамьи против дубового креста, она сидит на ветру и на весеннем холоде час, два, пока совсем не зазябнут ее ноги в легких ботинках и рука в узкой лайке. Слушая весенних птиц, сладко поющих и в холод, слушая звон ветра в фарфоровом венке, она думает иногда, что отдала бы полжизни, лишь бы не было перед ее глазами этого мертвого венка. Этот веночек, этот бугор, дубовый крест! Возможно ли, что под ним та, чьи глаза так бессмертно сияют из этого выпуклого фарфорового медальона на кресте, и как совместить с этим чистым взглядом то ужасное, что соединено теперь с именем Оли Мещерской? — Но в глубине души маленькая женщина счастлива, как все преданные какой-нибудь страстной мечте люди.

Женщина эта — классная дама Оли Мещерской, немолодая девушка, давно живущая какой-нибудь выдумкой, заменяющей ей действительную жизнь. Сперва такой выдумкой был ее брат, бедный и ничем не замечательный прапорщик, — она соединила всю свою душу с ним, с его будущностью, которая почему-то представлялась ей блестящей. Когда его убили под Мукденом, она убеждала себя, что она — идейная труженица. Смерть Оли Мещерской пленила ее новой мечтой. Теперь Оля Мещерская — предмет ее неотступных дум и чувств. Она ходит на ее могилу каждый праздник, по часам не спускает глаз с дубового креста, вспоминает бледное личико Оли Мещерской в гробу, среди цветов — и то, что однажды подслушала: однажды, на большой перемене, гуляя по гимназическому саду, Оля Мещерская быстро, быстро говорила своей любимой подруге, полной, высокой Субботиной:

— Я в одной папиной книге, — у него много старинных, смешных книг, — прочла, какая красота должна быть у женщины... Там, понимаешь, столько на сказано, что всего не упомнишь: ну, конечно, черные, кипящие смолой глаза, — ей-богу, так и написано: кипящие смолой! — черные, как ночь, ресницы, нежно играющий румянец, тонкий стан, длиннее обыкновенного руки, — понимаешь, длиннее обыкновенного! — маленькая ножка, в меру большая грудь, правильно округленная икра, колена цвета раковины, покатые плечи, — я многое почти наизусть выучила, так все это верно! — но главное, знаешь ли что? — Легкое дыхание! А ведь оно у меня есть, — ты послушай, как я вздыхаю, — ведь правда, есть?

Теперь это легкое дыхание снова рассеялось в мире, в этом облачном небе, в этом холодном весеннем ветре.

(1916 г.)

Анализируем художественный текст

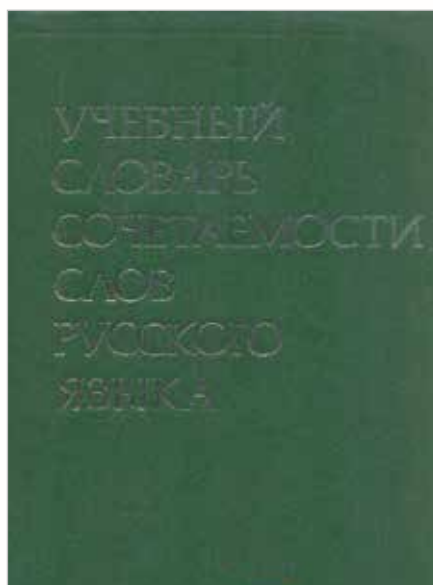
Иллюстрация О. Верейского

6 ПОНЯТИЕ О ЯЗЫКОВОЙ НОРМЕ, ЕЕ ФУНКЦИЯХ

К заданию 4. Ознакомьтесь с новыми для вас типами словарей на примере статей из «Учебного словаря сочетаемости слов русского языка» под редакцией П. Н. Денисова и В. В. Морковкина (см. I, с сокращениями) и словаря-справочника «Управление в русском языке» Д. Э. Розенталя (см. II—III, с изменениями). Какие нормы отражены в этих словарях?

Д. Э. Розенталь.
Управление в русском языке:
словарь-справочник

Учебный словарь сочетаемости слов
русского языка (под ред.
П. Н. Денисова и В. В. Морковкина)

I. СКУЧАТЬ, *скучаю, скучаешь, скучают, несов.*

1. Чувствовать уныние, испытывать скуку. **Скучать по какой причине:** (*предлог «от» с род.*) ~ от безделья, от лени, от отсутствия дела...; (*предлог «из-за» с род.*) ~ из-за отсутствия чего-л. (занятия)...

2. Тосковать без кого-чего-л. **Скучать без кого-чего:** (*о человеке*) ~ без отца, без матери, без друзей, без нее, без Анны... без работы, без дела, без занятий... **Скучать о ком-чем:** (*о человеке*) ~ об отце, о матери, о детях, о друзьях, о ней, об Анне... о доме, о семье... **Скучать по кому-чему:** (*о человеке*) ~ по отцу, по матери, по детям... по дому, по семье, по работе, по морю... **Скучать по ком:** ~ по нас, по вас...

II. УТВЕРЖДАТЬ (настойчиво говорить, уверяя в чем-л.) что (не о чем). *Некоторые уважаемые мыслители говорят, что свободы воли нет, а другие, не менее уважаемые, утверждают обратное... (А. Белый)*

III. ОТЗЫВ о чем и на что. *Отзыв о мановской работе. Отзыв на научную исследовательскую работу.*

7 РЕЧЕВАЯ (КОММУНИКАТИВНАЯ) СИТУАЦИЯ И ЕЕ ЭЛЕМЕНТЫ

К рубрике «Дома»

Выполните одно из заданий на выбор.

- ✓ Выберите картину одного из русских художников конца XIX — начала XX века, на которой изображена речевая ситуация, и опишите ее.
- ✓ Подберите лирическое стихотворение одного из русских поэтов конца XIX — начала XX века, в котором отражена речевая ситуация, и опишите ее.

Илья Репин. На дерновой скамье. 1876 г.

Константин Коровин.
За чайным столом. 1888 г.

Борис Кустодиев. Групповой портрет членов объединения «Пир искусства». 1920 г.

Абрам Архипов. В гостях (Весенний праздник). 1915 г.

Сероглазый король

Слава тебе, безысходная боль!
Умер вчера сероглазый король.
Вечер осенний был душен и ал,
Муж мой, вернувшись, спокойно сказал:
«Знаешь, с охоты его принесли,
Тело у старого дуба нашли.
Жаль королеву. Такой молодой!..
За ночь одну она стала седой».
Трубку свою на камине нашел
И на работу ночную ушел.
Дочку мою я сейчас разбужу,
В серые глазки ее погляжу.
А за окном шелестят тополя:
«Нет на земле твоего короля...»

Анна Ахматова

Рассказ девушки

В вечерний час горят огни...
Мы этот час из всех заметим,
Господь, сойди к молящим детям
И злые чары отгони!
Я отдыхала у ворот
Под тенью милой, старой ели,
А надо мною пламенели
Снега неведомых высот.
И в этот миг с далеких гор
Ко мне спустился странник дивный.
В меня впери он взор призывный,
Могучей негой полный взор.
И пел красивый чародей:
«Пойдем со мною на высоты,
Где кроют мраморные гроты
Огнем увенчанных людей.
Их очи дивно глубоки,
Они прекрасны и воздушны,
И духи неба так послушны
Прикосновеньям их руки.
Мы в их обители войдем
При звуках светлого напева,
И там ты будешь королевой,
Как я могучим королем.

О, пусть ужасен голос бурь
И страшны лики темных впадин,
Но горный воздух так прохладен
И так пленительна лазурь».

И эта песня жгла мечты,
Дарила волею мгновенья
И наряжала сновиденья
В такие яркие цветы.

Но тих был взгляд моих очей,
И сердце, ждущее спокойно,
Могло ль прельститься цепью стройной
Светло-чарующих речей.

И дивный странник отошел,
Померкнул в солнечном сиянье,
Но внятно — тяжкое рыданье
Мне повторял смущенный дол.

В вечерний час горят огни...
Мы этот час из всех приметим,
Господь, сойди к молящим детям
И злые чары отгони.

Николай Гумилев

Письмо к женщине

(отрывок)

Вы помните,
Вы всё, конечно, помните,
Как я стоял,
Приблизившись к стене,
Взволнованно ходили вы по комнате
И что-то резкое
В лицо бросали мне.
Вы говорили:
Нам пора расстаться,
Что вас измучила
Моя шальная жизнь,
Что вам пора за дело приниматься,
А мой удел —
Катиться дальше, вниз.
Любимая!
Меня вы не любили.
Не знали вы, что в сонмище людском
Я был как лошадь, загнанная в мыле,
Пришпоренная смелым ездоком.
Не знали вы,

Что я в сплошном дыму,
 В развороченном бурей быте
 С того и мучаюсь, что не пойму —
 Куда несет нас рок событий.
 Лицом к лицу
 Лица не увидеть.

Сергей Есенин

В библиотеке

Полюбил я тишину читален.
 Прихожу, сажусь себе за книгу
 И тихонько изучаю Таллин,
 Чтоб затем по очереди Ригу.

Абазур зеленый предо мною,
 Мягкие протравленные тени.
 Девушка самую тишиною
 Подошла и принялась за чтение.

У Карьеры есть такие лица:
 Всё в них как-то призрачно и тонко,
 Таллин же — эстонская столица...
 Кстати: может быть, она эстонка?

Может, Юкка, белобрысый лыжник,
 Пишет ей и называет милой?
 Отрываюсь от видений книжных,
 А в груди легонько затомило...

Каждый шорох, каждая страница,
 Штрих ее зеленой авторучки
 Шелестами в грудь мою струится,
 Тормошит нахмуренные тучки.

Наконец не выдержал! Бледнея,
 Наклоняюсь (но не очень близко)
 И сипяще говорю над нею:
 «Извините: это вы — английский?»

Пусть сипят голосовые нити,
 Да и фраза не совсем толкова,
 Про себя я думаю: «Скажите —
 Вы могли бы полюбить такого?»

«Да», — она шепнула мне на это.
 Именно шепнула! — вы заметьте...
 До чего же хороша планета,
 Если девушки живут на свете!

Илья Сельвинский

Читаем художественное произведение

К заданию 1.

Прочитайте рассказ И. Бунина «Темные аллеи».

Темные аллеи

В холодное осеннее ненастье, на одной из больших тульских дорог, залитой дождями и изрезанной многими черными колеями, к длинной избе, в одной связи которой была казенная почтовая станция, а в другой частная горница, где можно было отдохнуть или переночевать, пообедать или спросить самовар, подкатил закиданный грязью тарантас с полуподнятым верхом, тройка довольно простых лошадей с подвязанными от слякоти хвостами. На козлах тарантаса сидел крепкий мужик в туго подпоясанном армяке, серьезный и темнолицый, с редкой смоляной бородой, похожий на старинного разбойника, а в тарантасе стройный старик-военный в большом картузе и в николаевской серой шинели с бобровым стоячим воротником, еще чернобровый, но с белыми усами, которые соединялись с такими же бакенбардами; подбородок у него был пробрит и вся наружность имела то сходство с Александром II, которое столь распространено было среди военных в пору его царствования; взгляд был тоже вопрошающий, строгий и вместе с тем усталый.

Когда лошади стали, он выкинул из тарантаса ногу в военном сапоге с ровным голенищем и, придерживая руками в замшевых перчатках полы шинели, взбежал на крыльцо избы.

— Налево, ваше превосходительство, — грубо крикнул с козел кучер, и он, слегка нагнувшись на пороге от своего высокого роста, вошел в сенцы, потом в горницу налево.

В горнице было тепло, сухо и опрятно: новый золотистый образ в левом углу, под ним покрытый чистой суровой скатертью стол, за столом чисто вымытые лавки; кухонная печь, занимавшая дальний правый угол, ново белела мелом; ближе стояло нечто вроде тахты, покрытой пегими попонами, упирившейся отвалом в бок печи; из-за печной заслонки сладко пахло щами — разварившейся капустой, говядиной и лавровым листом.

Приезжий сбросил на лавку шинель и оказался еще стройнее в одном мундире и в сапогах, потом снял перчатки и картуз и с усталым видом провел бледной худой рукой по голове — седые волосы его с начесами на висках к углам глаз слегка курчавились, красивое удлиненное лицо с темными глазами хранило кое-где мелкие следы оспы. В горнице никого не было, и он неприязненно крикнул, приотворив дверь в сенцы:

— Эй, кто там!

Тотчас вслед за тем в горницу вошла темноволосая, тоже чернобровая и тоже еще красивая не по возрасту женщина, похожая на пожилую цыганку, с темным пушком на верхней губе и вдоль щек, легкая на ходу,

но полная, с большими грудями под красной кофточкой, с треугольным, как у гусыни, животом под черной шерстяной юбкой.

— Добро пожаловать, ваше превосходительство, — сказала она. — Покушать изволите или самовар прикажете?

Приезжий мельком глянул на ее округлые плечи и на легкие ноги в красных поношенных татарских туфлях и отрывисто, невнимательно ответил:

— Самовар. Хозяйка тут или служишь?

— Хозяйка, ваше превосходительство.

— Сама, значит, держишь?

— Так точно. Сама.

— Что ж так? Вдова, что ли, что сама ведешь дело?

— Не вдова, ваше превосходительство, а надо же чем-нибудь жить. И хозяйствовать я люблю.

— Так, так. Это хорошо. И как чисто, приятно у тебя.

Женщина все время пытливо смотрела на него, слегка щурясь.

— И чистоту люблю, — ответила она. — Ведь при господах выросла, как не уметь прилично себя держать, Николай Алексеевич.

Он быстро выпрямился, раскрыл глаза и покраснел.

— Надежда! Ты? — сказал он торопливо.

— Я, Николай Алексеевич, — ответила она.

— Боже мой, Боже мой! — сказал он, садясь на лавку и в упор глядя на нее. — Кто бы мог подумать! Сколько лет мы не видались? Лет тридцать пять?

— Тридцать, Николай Алексеевич. Мне сейчас сорок восемь, а вам под шестьдесят, думаю?

— Вроде этого... Боже мой, как странно!

— Что странно, сударь?

— Но все, все... Как ты не понимаешь!

Усталость и рассеянность его исчезли, он встал и решительно заходил по горнице, глядя в пол. Потом остановился и, краснея сквозь седину, стал говорить:

— Ничего не знаю о тебе с тех самых пор. Как ты сюда попала? Почему не осталась при господах?

— Мне господа вскоре после вас вольную дали.

— А где жила потом?

— Долго рассказывать, сударь.

— Замужем, говоришь, не была?

— Нет, не была.

— Почему? При такой красоте, которую ты имела?

— Не могла я этого сделать.

— Отчего не могла? Что ты хочешь сказать?

— Что ж тут объяснять. Небось помните, как я вас любила.

Он покраснел до слез и, нахмурясь, опять зашагал.

— Все проходит, мой друг, — забормотал он. — Любовь, молодость — все, все. История пошлая, обыкновенная. С годами все проходит. Как это сказано в книге Иова? «Как о воде протекшей будешь вспоминать».

Иллюстрация
Геннадия
Новожилова

— Что кому Бог дает, Николай Алексеевич. Молодость у всякого проходит, а любовь — другое дело.

Он поднял голову и, остановясь, болезненно усмехнулся:

— Ведь не могла же ты любить меня весь век!

— Значит, могла. Сколько ни проходило времени, все одним жила. Знала, что давно вас нет прежнего, что для вас словно ничего и не было, а вот... Поздно теперь укорять, а ведь, правда, очень бесцеречно вы меня бросили, — сколько раз я хотела руки на себя наложить от обиды от одной, уж не говоря обо всем прочем. Ведь было время, Николай Алексеевич, когда я вас Николенькой звала, а вы меня — помните как? И все стихи мне изволили читать про всякие «темные аллеи», — прибавила она с недоброй улыбкой.

— Ах, как хороша ты была! — сказал он, качая головой. — Как горяча, как прекрасна! Какой стан, какие глаза! Помнишь, как на тебя все заглядывались?

— Помню, сударь. Были и вы отменно хороши. И ведь это вам отдала я свою красоту, свою горячку. Как же можно такое забыть.

— А! Все проходит. Все забывается.

— Все проходит, да не все забывается.

— Уходи, — сказал он, отворачиваясь и подходя к окну. — Уходи, пожалуйста.

И, вынув платок и прижав его к глазам, скороговоркой прибавил:

— Лишь бы Бог меня простил. А ты, видно, простила.

Она подошла к двери и приостановилась:

— Нет, Николай Алексеевич, не простила. Раз разговор наш коснулся до наших чувств, скажу прямо: простить я вас никогда не могла. Как не было у меня ничего дороже вас на свете в ту пору, так и потом не было. Оттого-то и простить мне вас нельзя. Ну да что вспоминать, мертвых с погоста не носят.

— Да, да, не к чему, прикажи подавать лошадей, — ответил он, отходя от окна уже со строгим лицом. — Одно тебе скажу: никогда я не был счастлив в жизни, не думай, пожалуйста. Извини, что, может быть, задеваю твое самолюбие, но скажу откровенно, — жену я без памяти

любил. А изменила, бросила меня еще оскорбительней, чем я тебя. Сына обожал, — пока рос, каких только надежд на него не возлагал! А вышел негодяй, мот, наглец, без сердца, без чести, без совести... Впрочем, все это тоже самая обыкновенная, пошлая история. Будь здорова, милый друг. Думаю, что и я потерял в тебе самое дорогое, что имел в жизни.

Она подошла и поцеловала у него руку, он поцеловал у нее.

— Прикажи подавать...

Когда поехали дальше, он хмуро думал: «Да, как прелестна была! Волшебна прекрасна!» Со стыдом вспоминал свои последние слова и то, что поцеловал у ней руку, и тотчас стыдился своего стыда. «Разве неправда, что она дала мне лучшие минуты жизни?» К закату проглянуло бледное солнце. Кучер гнал рысцей, все меняя черные колеи, выбирая менее грязные, и тоже что-то думал. Наконец сказал с серьезной грубостью:

— А она, ваше превосходительство, все глядела в окно, как мы уезжали. Верно, давно изволите знать ее?

— Давно, Клим.

— Баба — ума палата. И все, говорят, богатеет. Деньги в рост дает.

— Это ничего не значит.

— Как не значит! Кому ж не хочется получше пожить! Если с совестью давать, худого мало. И она, говорят, справедлива на это. Но крута! Не отдал вовремя — пеняй на себя.

— Да, да, пеняй на себя... Погоняй, пожалуйста, как бы не опоздать нам к поезду...

Низкое солнце желто светило на пустые поля, лошади ровно шлепали по лужам. Он глядел на мелькавшие подковы, сдвинув черные брови, и думал: «Да, пеняй на себя. Да, конечно, лучшие минуты. И не лучшие, а истинно волшебные! “Кругом шиповник алый цвел, стояли темных лип аллеи...” Но, Боже мой, что же было бы дальше? Что, если бы я не бросил ее? Какой вздор! Эта самая Надежда не содержательница постоянной горницы, а моя жена, хозяйка моего петербургского дома, мать моих детей?» И, закрывая глаза, качал головой.

20 октября 1938

Издание
сборника рассказов
Ивана Бунина
«Темные аллеи»
с иллюстрациями
Артура
Мелик-Саркисяна

Культурологическая справка

Чистый понедельник — у православных славян первый день Фёдоровой недели (первая неделя Великого поста). У православных славян первый день Великого поста стал средоточием очистительных обрядов, связанных с переходом от масленичной скоромной пищи и разгула к великопостным ограничениям, как пищевым, так и поведенческим. В Ветхом Завете в книге пророка Исаии сказано: «Омойтесь, очиститесь; удалите злые деяния ваши от очей Моих; перестаньте делать зло; научитесь делать добро, ищите правды, спасайте угнетенного, защищайте сироту, вступайтесь за вдову».

К заданию 1.

- 1) Вы прочитали культурологическую справку, предположите, о чем может быть рассказ с названием «Чистый понедельник».
- 2) Прочитайте молча первый абзац рассказа И. Бунина «Чистый понедельник» и подготовьте его выразительное чтение: прочитайте абзац по предложениям, проанализируйте их структуру, объясните расстановку знаков препинания.

Чистый понедельник

Красные ворота

Темнел московский серый зимний день, холодно зажигался газ в фонарях, тепло освещались витрины магазинов — и разгоралась вечерняя, освобождающаяся от дневных дел московская жизнь: гуще и бодрей неслись извозчицьи санки, тяжелей гремели переполненные, ныряющие трамваи, — в сумраке уже видно было, как с шипением сыпались с проводов зеленые звезды, — оживленнее спешили по снежным тротуарам мутно чернеющие прохожие... Каждый вечер мчал меня в этот час на вытягивающемся рысаче мой кучер — от Красных ворот¹ к храму Христа Спасителя²:

храм Христа Спасителя

ресторан «Прага»

¹ *Красные ворота* — историческая триумфальная арка в стиле барокко, возведённая в Москве в 1709 году по приказу Петра I в честь победы в Полтавской битве.

² *Храм Христа Спасителя* или Храм Рождества Христова — кафедральный собор Русской православной церкви, расположенный в Москве на улице Волхонке. Храм был освящен 26 мая 1883 г. 5 декабря 1931 г. здание храма было разрушено в результате сталинской реконструкции Москвы. Воссоздан в 1990-х гг. XX века.

ресторан «Эрмитаж»

Зал ресторана «Метрополь»
в 1905–1910 годах

она жила против него; каждый вечер я возил ее обедать в «Прагу»¹, в «Эрмитаж»², в «Метрополь»³, после обеда в театры, на концерты, а там к

¹ *Ресторан «Прага»* — в конце XIX — начале XX века первоклассный московский ресторан купца Петра Тарарыкина с шестью роскошными залами, восемнадцатью отдельными кабинетами, двумя буфетами, четырьмя бильярдными залами и зимним садом. На каждой тарелке, блюде, чашке золотом было выведено «Привет от Тарарыкина!». Цены соответствовали шику заведения: обед, состоящий из супа, горячего, салата и десерта, обходился примерно в два-три рубля. Для сравнения: средняя зарплата рабочего в начале XX века составляла 25 рублей. Ресторан был популярным у богатых купцов, аристократов и творческой интеллигенции — столоваться они могли в отдельных залах, в окружении своего сословия. Завсегдатаями ресторана были Антон Чехов, Александр Блок, Андрей Белый, Федор Шаляпин, Илья Репин, Владимир Гиляровский, а еще — профессорский состав Московской консерватории и ее выпускники.

² *Ресторан «Эрмитаж»* — самый известный ресторан в Москве конца XIX — начала XX века — трактир, но фактически ресторан на парижский манер. Правда, официанты привычно назывались половыми и одеты были не во фраки, а в белые рубашки тонкого голландского полотна, подпоясанные шелковыми поясами. Славе ресторана способствовал знаменитый «Салат Оливье». Излюбленное место отдыха московской интеллигенции. В Татьянин день ресторан отдавался на откуп московским студентам и их профессорам. Прослушав литургию в университетском храме, студенты валили в «Эрмитаж». Полы в ресторане к этому дню застилали соломой, дорогую посуду со столов убирали, закуски выставляли попроще...

³ *Ресторан «Метрополь»* — легендарный московский ресторан. Колоссальный внутренний объём, высота потолка 12 метров. Главное украшение ресторана — купол. Проект купола был разработан гениальным русским инженером Владимиром Шуховым. Система, придуманная Шуховым очень сложна, она состоит из трёх куполов: верхний, самый прочный, защищает от снега и ветра; средний, вспомогательный, защищает нижний от пыли и грязи, и нижний, над рестораном — самый красивый, настоящее чудо искусства и техники — витражный купол «Сотворение мира», состоящий из 2400 стёкол, выполнен по эскизам Сергея Чехонина и Татьяны Луговской. В 1905 году ресторан был оформлен в стиле модерн архитектором С. Галензовским, а в 1910 году переделан в неоклассическом стиле по проекту А. Эрихсона: бронзовые светильники, колонны, позолоченные зеркала и мраморный фонтан в центре.

«Яру»¹, в «Стрельну»²... Чем все это должно кончиться, я не знал и старался не думать, не додумывать: было бесполезно — так же, как говорить с ней об этом: она раз навсегда отвела разговоры о нашем будущем; она была загадочна, непонятна для меня, странны были и наши с ней отношения — совсем близки мы все еще не были; и все это без конца держало меня в неразрешающемся напряжении, в мучительном ожидании — и вместе с тем был я несказанно счастлив каждым часом, проведенным возле нее.

ресторан «Яр»

ресторан «Стрельна»

- Здесь и далее критически оцените чтение вслух ваших одноклассников/одноклассниц с точки зрения соблюдения орфоэпических норм; темпа речи и интонации.
- Прочитайте молча продолжение рассказа. О чем оно? Какой перед нами предстанет героиня рассказа? Как ее характеризует обстановка квартиры, музыка, которую она разучивает, книги, которые читает, ее «явная слабость»? Что мы узнаем о герое? Что мы можем сказать о внутреннем мире героини, героя? На чем сосредоточен герой? О чем он постоянно говорит и думает? А героиня? Какие черты внешности героев подчеркивает автор? Прочитайте выразительно этот фрагмент рассказа.

Она зачем-то училась на курсах, довольно редко посещала их, но посещала. Я как-то спросил: «Зачем?» Она пожала плечом: «А зачем все делается на свете? Разве мы понимаем что-нибудь в наших поступках? Кроме того, меня интересует история...» Жила она одна, — вдовый отец ее, просвещенный человек знатного купеческого рода, жил на покое в Твери, что-то, как все такие купцы, собирал. В доме против храма Спасителя она снимала ради вида на Москву угловую квартиру на пятом этаже, всего две комнаты, но просторные и хорошо обставленные. В первой много места занимал широкий турецкий диван, стояло дорогое пианино, на

¹ Ресторан «Яр» — знаменитый загородный ресторан Москвы XIX — начала XX века. Пользовался популярностью у представителей богемы и был одним из центров цыганской музыки. С 1910 года располагался в здании в стиле модерн, построенном архитектором Адольфом Эрихсоном, с большими гранёными куполами, арочными окнами и монументальными металлическими светильниками по фасаду. Внутри были устроены Большой и Малый залы, императорская ложа и кабинеты.

² Ресторан «Стрельна» — популярный загородный ресторан Москвы XIX — начала XX века. Славился цыганским хором.

котором она все разучивала медленное, сомнамбулически¹ прекрасное начало «Лунной сонаты»², — только одно начало, — на пианино и на подзеркальнике цвели в граненых вазах нарядные цветы, — по моему приказу ей доставляли каждую субботу свежие, — и когда я приезжал к ней в субботний вечер, она, лежа на диване, над которым зачем-то висел портрет босого Толстого, не спеша протягивала мне для поцелуя руку и рассеянно говорила: «Спасибо за цветы...» Я привозил ей коробки шоколаду³,

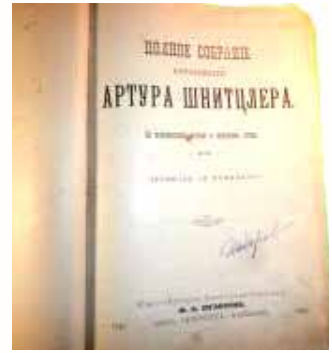

Коробка для шоколада «Наполеон» товарищества паровой фабрики шоколада, конфет и чайных печений «Эйнем», одного из крупнейших кондитерских предприятий Псковы начала XX века.

¹ То же, что и *лунатизм* — состояние, при котором автоматически во сне совершаются привычные действия (напр., ходьба, перекладывание вещей).

² *соната* Людвиг ван Бетховена, посвященная Джульетте Гвичарди, в которую композитор был влюблен. Композитор выразил в музыке тоску неразделенной любви. Соната начинается медленной, сумрачной, довольно скорбной музыкой. Музыкальные критики находят в первой части сонаты выражение «смертельного уныния».

³ В конце XIX — начале XX века в Москве было несколько кондитерских фабрик, шоколад продавали в фирменных жестяных коробках.

Полное собрание сочинений Артура Шницлера. Издание Южно-русского книгоиздательства Ф.А. Иогансона. Старинный печатный шедевр издан в Киев – Санкт-Петербург – Харьков. 1903 г.

Казимеж Тетмайер. Отрывки. Стихотворения в прозе. Бездна. Издание В. П. Саблина, Псков, 1907 г.

новые книги — Гофмансталя¹, Шницлера², Тетмайера³, Пшибышевско-го⁴, — и получал все то же «спасибо» и протянутую теплую руку, ино-

¹ *Гуго фон Гофмансталь* (1874–1929) — австрийский писатель, поэт, драматург, выразитель идей декадентства (проявляются в искусстве отрывом от реальности, поэтикой искусства для искусства, эстетизмом, модой на демонизм, преобладанием формы над содержанием, стремлением к внешним эффектам, стилизации) в австрийской литературе конца XIX века — начала XX века.

² *Артур Шницлер* (1862–1931) — австрийский писатель, драматург, крупнейший представитель венского импрессионизма (в литературе выступал в определённом наборе методов и приёмов создания литературных произведений, в которых авторы стремились передать жизнь в чувственной, непосредственной форме, как отражение своих впечатлений). Входил в венскую группу импрессионистов («Группа Модарн»).

³ *Казимеж Тетмайер* (1865–1940) — польский поэт и романист; оказал значительное влияние на польскую литературу как утонченный поэт-импрессионист, последователь французских декадентов.

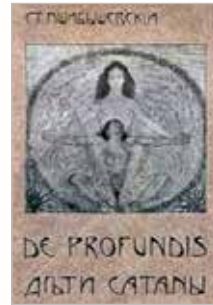
⁴ *Станислав Пшибышевский* (1868–1927) — польский писатель, пропагандировал крайний модернистский эстетизм, эротизм и экспрессионизм. Был очень популярен в России.

гда приказание сесть возле дивана, не снимая пальто. «Непонятно почему, — говорила она в раздумье, глядя мой бровровый воротник, — но, кажется, ничего не может быть лучше запаха зимнего воздуха, с которым входишь со двора в комнату...» Похоже было на то, что ей ничто не нужно: ни цветы, ни книги, ни обеды, ни театры, ни ужины за городом, хотя все-таки цветы были у нее любимые и нелюбимые, все книги, какие я ей привозил, она всегда прочитывала, шоколаду съедала за день целую коробку, за обедами и ужинами ела не меньше меня, любила расстегивать¹ с налимьей ухой, розовых рябчиков в крепко прожаренной сметане, иногда говорила: «Не понимаю, как это не надоест людям всю жизнь, каждый день обедать, ужинать», — но сама и обедала и ужинала с московским пониманием дела. Явной слабостью ее была только хорошая одежда, бархат, шелка, дорогой мех...

Мы оба были богаты, здоровы, молоды и настолько хороши собой, что в ресторанах, на концертах нас провожали взглядами. Я, будучи родом из Пензенской губернии, был в ту пору красив почему-то южной, горячей красотой, был даже «неприлично красив», как сказал мне однажды один знаменитый актер, чудовищно толстый человек, великий обжора и умница. «Черт вас знает, кто вы, сицилианец какой-то», — сказал он сонно; и характер был у меня южный, живой, постоянно готовый к счастливой улыбке, к доброй шутке. А у нее красота была какая-то индийская, персидская: смугло-янтарное лицо, великолепные и несколько зловещие в своей густой черноте волосы, мягко блестящие, как черный соболий мех, брови, черные, как бархатный уголь, глаза; пленительный бархатистопунцовыми губами рот оттенен был темным пушком; выезжая, она чаще всего надевала гранатовое бархатное платье и такие же туфли с золотыми застежками (а на курсы ходила скромной курсисткой, завтракала за тридцать копеек в вегетарианской столовой на Арбате); и насколько я был склонен к болтливости, к простосердечной веселости, настолько она была чаще всего молчалива: все что-то думала, все как будто во что-то мысленно вникала; лежа на диване с книгой в руках, часто опускала ее и вопросительно глядела перед собой: я это видел, заезжая иногда к ней и днем, потому что каждый месяц она дня три-четыре совсем не выходила и не выезжала из дому, лежала и читала, заставляя и меня сесть в кресло возле дивана и молча читать.

— Вы ужасно болтливы и непоседливы, — говорила она, — дайте мне дочитать главу...

— Если бы я не был болтлив и непоседлив, я никогда, может быть, не узнал бы вас, — отвечал я, напоминая ей этим наше знакомство: как-то

Станислав Пишбышевский.
Дети Сатаны. Издание
В. П. Саблина, Москва, 1906 г.

¹ Печенье пирожки с отверстием сверху, из несдобного дрожжевого теста с различными начинками.

в декабре, попав в Художественный кружок¹ на лекцию Андрея Белого², который пел ее, бегая и танцуя на эстраде, я так вертелся и хохотал, что она, случайно оказавшаяся в кресле рядом со мной и сперва с некоторым недоумением смотревшая на меня, тоже наконец рассмеялась, и я тотчас весело обратился к ней.

Трёхэтажный особняк Востряковых на Большой Дмитровке,
арендованный под кружок в 1898 г.

— Все так, — говорила она, — но все-таки помолчите немного, почи-тайте что-нибудь, покурите...

— Не могу я молчать! Не представляете вы себе всю силу моей любви к вам! Не любите вы меня!

— Представляю. А что до моей любви, то вы хорошо знаете, что, кроме отца и вас, у меня никого нет на свете. Во всяком случае, вы у меня первый и последний. Вам этого мало? Но довольно об этом. Читать при вас нельзя, давайте чай пить...

И я вставал, кипятил воду в электрическом чайнике на столике за отвалом дивана, брал из ореховой горки, стоявшей в углу за столиком, чашки, блюдечки, говоря, что придет в голову:

¹ Литературно-художественный кружок — один из первых клубов для интеллигенции в Москве. Образован в 1899 году по предложениям писателя А. П. Чехова, театрального режиссёра К. С. Станиславского, актрисы М. Н. Ермоловой, актера А. И. Южина-Сумбатова, юриста А. Ф. Кони. Клуб содержал крупную библиотеку, коллекцию портретов деятелей искусств. Кружок был известен своими вторниками, когда выступали русские и заграничные писатели, артисты, читались доклады и лекции, праздновались юбилеи. Был чрезвычайно популярен в среде московской интеллигенции и являлся одним из центров общественной жизни Москвы.

² Андрей Белый (1880–1934) — русский писатель, поэт, критик, мемуарист, философ; яркий представитель русского символизма и модернизма в целом, считал, что источник социальных потрясений кроется в противостоянии двух мировоззренческих стихий — Востока и Запада.

- Вы дочитали «Огненного ангела»¹?
- Досмотрела. До того высокопарно, что совестно читать.

Брюсов В. Я. Огненный Ангел.
Повесть в XVI главах.
Москва, «Скорпион», 1909 г.

- А отчего вы вчера вдруг ушли с концерта Шаляпина²?
- Не в меру разудал был. И потом желтоволосую Русь³ я вообще не люблю.
- Все-то вам не нравится!
- Да, многое...

«Странная любовь!» — думал я и, пока закипала вода, стоял, смотрел в окна. В комнате пахло цветами, и она соединялась для меня с их запахом;

¹ «Огненный ангел» — первый роман Валерия Брюсова — одного из основоположников русского символизма. Действие романа происходит в Порейнье XVI века, во время перехода европейской цивилизации от Средневековья к Возрождению. Возвращаясь из колонии в Кёльн, ландскнехт Рупрехт встречается красавицу Ренату, одержимую злым духом. Когда-то она жила в замке белокурого графа Генриха фон Оттергейма, которого принимала за воплощение «огненного ангела», явившегося ей в детстве. Теперь она повсюду ищет покинувшего её Генриха, но бесплодно. Рената втягивает влюблённого в неё Рупрехта сначала в поиски Генриха, а потом в изучение трактатов по демонологии и философские диспуты. Он знакомится с доктором Фаустом, Мефистофелем, оккультистом Агриппой Неттесгеймским. В конце концов бесноватая Рената сначала толкает Рупрехта на убийство графа Генриха, а накануне спровоцированной Рупрехтом дуэли требует, чтобы он сохранил жизнь графу. Во время поединка Рупрехт получает ранение, и на протяжении своего выздоровления сближается с Ренатой, которая признается ему в любви. После некоторого времени счастливой любви к Ренате вновь является огненный ангел, который указывает на её порочный образ жизни и велит встать на путь праведный, после чего Рената покидает Рупрехта. Проходит время. Рупрехт в составе свиты трирского архиепископа прибывает в монастырь св. Ульфа, где завелась какая-то ересь. Источник смуты — монахиня по имени Мария, то ли одержимая бесом, то ли святая. Под нажимом инквизиторов несчастная признаётся в сожительстве с дьяволом и других страшных грехах. Узнав в монахине свою Ренату, Рупрехт пробирается в подземелье и предлагает ей бежать. Отвергнув это предложение, Рената умирает на руках у рыцаря в уверенности, что «огненный ангел» отпустил ей грехи.

² Фёдор Шаляпин (1873–1938) — великий русский певец (высокий бас), соединил в своем творчестве актерское мастерство и уникальные вокальные данные.

³ Наигранная «русскость».

за одним окном низко лежала вдали огромная картина заречной снежно-сизой Москвы; в другое, левее, была видна часть Кремля¹, напротив, как-то не в меру близко, белела слишком новая громада Христа Спасителя, в золотом куполе которого синеватыми пятнами отражались галки, вечно вившиеся вокруг него... «Странный город! — говорил я себе, думая об Охотном ряде², об Иверской³, о Василии Блаженном⁴. — Василий Блаженный — и Спас-на-Бору⁵, итальянские соборы⁶ — и что-то киргизское в остриях башен на кремлевских стенах...»

Кремль. Москва

Аполлинарий Васнецов. Московский кремль. 1897 г.

Охотный ряд. Москва. Конец XIX века.

Охотный ряд. Москва. Начало XX века.

- ¹ *Кремль* — Московский Кремль — крепость в центре Москвы, древнейшая часть города, главный общественно-политический и историко-художественный комплекс города. Существующие стены и башни были построены в 1485–1516 годах.
- ² *Охотный ряд* — каменные торговые ряды; во второй половине XIX — начале XX века Охотный ряд символизировал изобилие, хлебосольство и сытость Москвы.
- ³ *Иверская* — часовня со списком Иверской иконы Божией Матери у Воскресенских ворот в Москве, ведущих на Красную площадь (конец XVII — начало XIX века).
- ⁴ *Василий Блаженный* — Собор Покрова Пресвятой Богородицы, что на Рву (собор Василия Блаженного) — православный храм на Красной площади в Москве, памятник русской архитектуры. Строительство собора велось с 1555 по 1561 год.
- ⁵ *Спас-на-Бору* — Собор Спаса Преображения на Бору — монастырский собор в Московском Кремле, во дворе Большого Кремлёвского дворца. Построен в 1330 г.
- ⁶ *Архангельский* и *Успенский* соборы в Кремле. Архангельский собор был построен в 1508 году по проекту итальянского архитектора Алевиза Нового. Успенский собор построен в 1475–1479 годах под руководством итальянского зодчего Аристотеля Фиораванти.

Иверская

собор Василия Блаженного

Спас-на-Борч

Архангельский собор. Москва

Успенский собор. Москва

Приезжая в сумерки, я иногда заставал ее на диване только в одном шелковом архалуке¹, отороченном соболем, — наследство моей астраханской бабушки, сказала она, — сидел возле нее в полутьме, не зажигая огня, и целовал ее руки, ноги, изумительное в своей гладкости тело... И она ничему не сопротивлялась, но все молча. Я поминутно искал ее жаркие губы — она давала их, дыша уже порывисто, но все молча. Когда же чувствовала, что я больше не в силах владеть собой, отстраняла меня, садилась и, не повышая голоса, просила зажечь свет, потом уходила в спальню. Я зажигал, садился на вертящийся табуретик возле пианино и постепенно приходил в себя, остывал от горячего дурмана. Через четверть часа она выходила из спальни одетая, готовая к выезду, спокойная и простая, точно ничего и не было перед этим:

— Куда нынче? В «Метрополь», может быть?

И опять весь вечер мы говорили о чем-нибудь постороннем. Вскоре после нашего сближения она сказала мне, когда я заговорил о браке:

— Нет, в жены я не гожусь. Не гожусь, не гожусь...

Это меня не обезнадежило. «Там видно будет!» — сказал я себе в надежде на перемену ее решения со временем и больше не заговаривал о браке. Наша неполная близость казалась мне иногда невыносимой, но и тут — что оставалось мне, кроме надежды на время? Однажды, сидя возле нее в этой вечерней темноте и тишине, я схватился за голову:

— Нет, это выше моих сил! И зачем, почему надо так жестоко мучить меня и себя

Она промолчала.

— Да, все-таки это не любовь, не любовь...

Она ровно отозвалась из темноты:

— Может быть. Кто же знает, что такое любовь?

— Я, я знаю! — воскликнул я. — И буду ждать, когда и вы узнаете, что такое любовь, счастье!

— Счастье, счастье... «Счастье наше, дружок, как вода в бредне: тянешь — надулось, а вытащишь — ничего нету».

— Это что?

— Это так Платон Каратаев говорил Пьеру².

Я махнул рукой:

— Ах, бог с ней, с этой восточной мудростью!

И опять весь вечер говорил только о постороннем — о новой постановке Художественного театра³, о новом рассказе Андреева... С меня опять было довольно и того, что вот я сперва тесно сижу с ней в летящих и раскатывающихся санках, держа ее в гладком мехе шубки, потом вхожу

¹ Широко распространенная по всему Закавказью разновидность верхней женской плечевой одежды; ее шили из различных шелковых парчевых тканей и бархата..

² Герои романа Л. Толстого «Война и мир».

³ Художественный театр — Московский Художественный театр (МХТ) — драматический театр, основанный в 1898 году Константином Сергеевичем Станиславским и Владимиром Ивановичем Немировичем-Данченко на новаторских принципах: ансамблевости, подчинения всех компонентов спектакля единому замыслу, достоверности в воссоздании исторического или бытового антуража.

с ней в людную залу ресторана под марш из «Аиды»¹, ем и пью рядом с ней, слышу ее медленный голос, гляжу на губы, которые целовал час тому назад, — да, целовал, говорил я себе, с восторженной благодарностью глядя на них, на темный пушок над ними, на гранатовый бархат платья, на скат плеч и овал груди, обоняя какой-то слегка пряный запах ее волос, думая: «Москва, Астрахань, Персия, Индия!» В ресторанах за городом, к концу ужина, когда все шумней становилось кругом в табачном дыму, она, тоже курия и хмелея, вела меня иногда в отдельный кабинет, просила позвать цыган, и они входили нарочито шумно, развязно: впереди хора, с гитарой на голубой ленте через плечо, старый цыган в казакине с галунами, с сизой мордой утопленника, с голой, как чугунный шар, головой, за ним цыганка-запевало с низким лбом под дегтярной челкой... Она слушала песни с томной, странной усмешкой... В три, в четыре часа ночи я отвозил ее домой, на подъезде, закрывая от счастья глаза, целовал мокрый мех ее воротника и в каком-то восторженном отчаянии летел к Красным воротам. И завтра и послезавтра будет все то же, думал я, — все та же мука и все то же счастье... Ну что ж — все-таки счастье, великое счастье!

- Прочитайте еще один фрагмент рассказа. Как характеризуют героиню знание православных монастырей, кладбищ, их посещение, употребление церковной лексики, цитирование молитв и древних сказаний? Считает ли героиня себя религиозной? Как она сама объясняет свои поступки? Сколько частей можно выделить в данном фрагменте? Когда происходят события каждой из частей? Как героиня проводит прощенное воскресенье? А как чистый понедельник? Какой цвет преобладает в описании героини? Как вы думаете почему?

Так прошел январь, февраль, пришла и прошла масленица². В прощенное воскресенье³ она приказала мне приехать к ней в пятом часу вечера. Я приехал, и она встретила меня уже одетая, в короткой каракулевой шубке, в каракулевой шляпке, в черных фетровых ботиках.

— Все черное! — сказал я, входя, как всегда, радостно.

Глаза ее были ласковы и тихи.

— Ведь завтра уже чистый понедельник, — ответила она, вынув из каракулевой муфты и давая мне руку в черной лайковой перчатке. —

¹ «Аида» — опера Дж. Верди о несчастной любви предводителя египетских войск Радамеса и рабыни Аиды — дочери эфиопского царя, с войсками которого сражаются египтяне; под звуки триумфального марша шествует египетское войско: из битвы с эфиопами египтяне вышли победителями и теперь возвращаются домой с трофеями и пленными.

² *Восточнославянский* традиционный праздник, отмечаемый в течение недели перед Великим постом.

³ В *Православии* — последнее из четырёх воскресений подготовки к Великому посту, последний день, когда разрешается есть скоромную пищу: яйца и молочные продукты. В этот день все верующие просят друг у друга прощения — чтобы приступить к посту с доброй душой, сосредоточиться на духовной жизни, чтобы очистить сердце от грехов на исповеди и с чистым сердцем встретить Пасху — день Воскресения Иисуса Христа.

«Господи владыко живота моего...»¹. Хотите поехать в Новодевичий монастырь²?

Новодевичий монастырь. г. Москва. (начало XX века)

Я удивился, но поспешил сказать:

— Хочу!

— Что ж все кабаки да кабаки, — прибавила она. — Вот вчера утром я была на Рогожском кладбище³...

Я удивился еще больше:

— На кладбище? Зачем? Это знаменитое раскольникче?

— Да, раскольникче. Допетровская Русь! Хоронили ихнего архиепископа. И вот представьте себе: гроб — дубовая колода, как в древности, золотая парча будто кованая, лик усопшего закрыт белым «воздухом», шитым крупной черной вязью — красота и ужас. А у гроба диаконы с рипидами⁴ и трикириями⁵...

— Откуда вы это знаете? Рипиды, трикирии!

— Это вы меня не знаете.

— Не знал, что вы так религиозны.

¹ Покаянная молитва Ефрема Сирина, читается в Великий Пост во время каждого молитвенного правила или моления.

² Новодевичий монастырь — Новодéвичий Богородице-Смоленский монастырь — православный женский монастырь в Москве на Девичьем поле. Основан великим князем Василием III в 1524 года. На протяжении первых двух столетий своего существования служил местом заточения царственных особ женского пола.

³ Рогожское кладбище — духовный центр старообрядчества. Основано в 1771 г.

⁴ Металлические кружки с изображением херувимов (крылатые небесные существа, вместе с серафимами являются самыми близкими к Богу), насаженные на длинные рукоятки; употребляются во время архиерейского богослужения.

⁵ Подсвечник с тремя свечками, употребляемый при архиерейском богослужении; знаменует троичность лиц в Боге.

— Это не религиозность. Я не знаю что... Но я, например, часто хожу по утрам или по вечерам, когда вы не таскаете меня по ресторанам, в кремлевские соборы, а вы даже и не подозреваете этого... Так вот: диаконы — да какие! Пересвет и Ослябя¹! И на двух клиросах² два хора, тоже все Пересветы: высокие, могучие, в длинных черных кафтанах, поют, перекликаясь, — то один хор, то другой, — и все в унисон, и не по нотам, а по «крюкам»³. А могила была внутри выложена блестящими еловыми ветвями, а на дворе мороз, солнце, слепит снег... Да нет, вы этого не понимаете! Идем...

Благословение
накануне битвы

Вечер был мирный, солнечный, с инеем на деревьях; на кирпично-красных стенах монастыря болтали в тишине галки, похожие на монашенок, куранты то и дело тонко и грустно играли на колокольне. Скрипя в тишине по снегу, мы вошли в ворота, пошли по снежным дорожкам по кладбищу, — солнце только что село, еще совсем было светло, дивно рисовались на золотой эмали заката серым кораллом сучья в инее, и таинственно теплились вокруг нас спокойными, грустными огоньками неугасимые лампадки, рассеянные над могилами. Я шел за ней, с умилением глядел на ее маленький след, на звездочки, которые оставляли на снегу новые черные ботинки, — она вдруг обернулась, почувствовав это:

¹ Александр Пересвет (?–1380), Родион Ослябя (?–1398) — монахи Троице-Сергиева монастыря, воины-богатыри, перед Куликовской битвой Пересвет победил в поединке Челубея.

² В православной церкви место, на котором во время богослужения находятся певчие и чтецы.

³ «Крюки» — знаки древнерусского безлинейного нотного письма, использовавшиеся в церковном пении с конца XI века для записи демественного распева — торжественного стиля пения с широкими распевами отдельных слогов текста, используется как торжественный распев.

— Правда, как вы меня любите! — сказала она с тихим недоумением, покачав головой.

Мы постояли возле могил Эртеля¹, Чехова. Держа руки в опущенной муфте, она долго глядела на чеховский могильный памятник, потом пожала плечом:

— Какая противная смесь сусального русского стиля и Художественного театра!

Могилы А. Эртеля и А. Чехова на кладбище Новодевичьего монастыря.

Стало темнеть, морозило, мы медленно вышли из ворот, возле которых покорно сидел на козлах мой Федор.

— Поездим еще немножко, — сказала она, — потом поедем есть последние блины к Егорову²... Только не шибко, Федор, — правда?

— Слушаю-с.

— Где-то на Ордынке³ есть дом, где жил Грибоедов⁴. Поедем его искать...

И мы зачем-то поехали на Ордынку, долго ездили по каким-то переулкам в садах, были в Грибоедовском переулке; но кто ж мог указать нам, в каком доме жил Грибоедов, — прохожих не было ни души, да и кому из них мог быть нужен Грибоедов? Уже давно стемнело, розовели за деревьями в инее освещенные окна...

¹ Александр Эртель (1855–1908) — русский писатель народнических взглядов, известный главным образом как автор нашумевшего в своё время романа «Гарденины» (1889).

² Трактир Егорова в Охотном ряду — один из самых знаменитых московских трактиров.

³ Ордынка — центральная и древнейшая улица исторического Замоскворечья, купеческий район.

⁴ Александр Грибоедов (1795 – 1829) — русский дипломат, поэт, драматург, пианист и композитор. Известен как автор комедии «Горе от ума» (1824).

— Тут есть еще Марфо-Мариинская обитель¹, — сказала она.

Я засмеялся:

— Опять в обитель?

— Нет, это я так...

В нижнем этаже в трактире Егорова в Охотном ряду было полно лохматых, толсто одетыми извозчиками, резавшими стопки блинов, залитых сверх меры маслом и сметаной, было парно, как в бане. В верхних комнатах, тоже очень теплых, с низкими потолками, старозаветные купцы запивали огненные блины с зернистой икрой замороженным шампанским. Мы прошли во вторую комнату, где в углу, перед черной доской иконы богородицы троеручицы, горела лампадка, сели за длинный стол на черный кожаный диван... Пушок на ее верхней губе был в инее, янтарь щек слегка розовел, чернота райка совсем слилась с зрачком, — я не мог отвести восторженных глаз от ее лица. А она говорила, вынимая платочек из душистой муфты:

— Хорошо! Внизу дикие мужики, а тут блины с шампанским и богородица троеручица. Три руки! Ведь это Индия! Вы — барин, вы не можете понимать так, как я, всю эту Москву.

— Могу, могу! — отвечал я. — И давайте закажем обед силен!

— Как это «силен»?

— Это значит — сильный. Как же вы не знаете? «Рече Гюрги...»

— Как хорошо! Гюрги!

— Да, князь Юрий Долгорукий. «Рече Гюрги ко Святославу, князю Северскому: «Приди ко мне, брате, в Москову» и повеле устроить обед силен».

— Как хорошо. И вот только в каких-нибудь северных монастырях осталась теперь эта Русь. Да еще в церковных песнопениях. Недавно я ходила в Зачатьевский монастырь² — вы представить себе не можете, до чего дивно поют там стихиры³! А в Чудовом⁴ еще лучше. Я прошлый год все ходила туда на Страстной. Ах, как было хорошо! Везде лужи, воздух уж мягкий, на душе как-то нежно, грустно и все время это чувство родины, ее старины... Все двери в соборе открыты, весь день входит и выходит

¹ *Марфо-Мариинская обитель* — Марфо-Мариинская обитель милосердия — московский женский монастырь. Обитель основана в 1907 году княгиней Елизаветой Фёдоровной. После трагической гибели мужа Великого князя Сергея Александровича она удалилась от светской жизни, чтобы посвятить себя служению Богу, бедным и страдающим. По замыслу Елизаветы жившие в обители сёстры приносили обеты целомудрия, нестяжания и послушания, однако, в отличие от монахинь, по истечении времени могли создать семью и быть свободными от прежних обязательств. Подобно евангельской Марии, они обращались к духовной жизни, а по примеру Марфы оказывали деятельную благотворительную и медицинскую помощь всем нуждавшимся и обездоленным.

² *Зачатьевский монастырь* — женский монастырь, основан в 1360 году.

³ *Богослужбное песнопение*, написанное в оригинале стихотворным размером и поющеея после чтения коротких отрывков из псалмов.

⁴ *Чудов монастырь* — кафедральный мужской монастырь в восточной части Московского Кремля. Основан в 1365 году.

простой народ, весь день службы... Ох, уйду я куда-нибудь в монастырь, в какой-нибудь самый глухой, вологодский, вятский!

Я хотел сказать, что тогда и я уйду или зарежу кого-нибудь, чтобы меня загнали на Сахалин, закурил, забывшись от волнения, но подошел половой в белых штанах и белой рубаше, подпоясанный малиновым жгутом, почтительно напомнил:

— Извините, господин, курить у нас нельзя...

И тотчас, с особой угодливостью, начал скороговоркой:

— К блинам что прикажете? Домашнего травничку? Икорки, семушки? К ушице у нас херес на редкость хорош есть, а к наважке...

— И к наважке хересу, — прибавила она, радуя меня доброй разговорчивостью, которая не покидала ее весь вечер. И я уже рассеянно слушал, что она говорила дальше. А она говорила с тихим светом в глазах:

— Я русское летописное, русские сказания так люблю, что до тех пор перечитываю то, что особенно нравится, пока наизусть не заучу. «Был в русской земле город, названием Муром, в нем же самодержествовал благоверный князь, именем Павел. И вселил к жене его диавол летучего змея на блуд. И сей змей являлся ей в естестве человеческом, зело прекрасном...»¹.

Я шутя сделал страшные глаза.

— Ой, какой ужас!

Она, не слушая, продолжала:

— Так испытывал ее Бог. «Когда же пришло время ее благодной кончины, умолили Бога сей князь и княгиня преставиться им в един день. И сговорились быть погребенными в едином гробу. И велели вытесать в едином камне два гробных ложа. И облеклись, такожде единовременно, в монашеское одеяние...»

И опять моя рассеянность сменилась удивлением и даже тревогой: что это с ней нынче? И вот, в этот вечер, когда я отвез ее домой совсем не в обычное время, в одиннадцатом часу, она, простясь со мной на подъезде, вдруг задержала меня, когда я уже садился в сани:

— Погодите. Заезжайте ко мне завтра вечером не раньше десяти. Завтра «капустник» Художественного театра².

— Так что? — спросил я. — Вы хотите поехать на этот «капустник»?

— Да.

— Но вы же говорили, что не знаете ничего пошлее этих «капустников»!

— И теперь не знаю. И все-таки хочу поехать.

Я мысленно покачал головой, — все причуды, московские причуды! — и бодро отозвался:

— Ол райт!

¹ «Повесть о Петре и Февронии» — памятник литературы XVI века о полном единстве в истинной любви, прошедшей все жизненные испытания и перешедшей в вечность.

² Капустник — самодеятельное (для узкого круга своих) шуточное представление, основанное на юморе и сатире. Название «капустник» произошло по традиционному «великопостному блюду» — капусте. Капустники организовывались обычно во время Великого поста. Капустники проводились во МХТ в 1902, 1903, 1908 годах. 9 февраля 1910 года был дан первый платный капустник, средства от него пошли в пользу особо нуждавшихся актёров театра.

В десять часов вечера на другой день, поднявшись в лифте к ее двери, я отворил дверь своим ключиком и не сразу вошел из темной прихожей: за ней было необычно светло, все было зажжено, — люстры, канделябры по бокам зеркала и высокая лампа под легким абажуром за изголовьем дивана, а пианино звучало началом «Лунной сонаты» — все повышаясь, звуча чем дальше, тем все томительнее, призывнее, в сомнамбулически-блаженной грусти. Я захлопнул дверь прихожей, — звуки оборвались, послышался шорох платья. Я вошел — она прямо и несколько театрально стояла возле пианино в черном бархатном платье, делавшем ее тоньше, блистая его нарядностью, праздничным убором смольных волос, смуглой янтарностью обнаженных рук, плеч, нежного, полного начала груди, сверканием алмазных сережек вдоль чуть припудренных щек, угольным бархатом глаз и бархатистым пурпуром губ; на висках полуколечками загибались к глазам черные лоснящиеся косички, придавая ей вид восточной красавицы с лубочной картинки.

— Вот если бы я была певица и пела на эстраде, — сказала она, глядя на мое растерянное лицо, — я бы отвечала на аплодисменты приветливой улыбкой и легкими поклонами вправо и влево, вверх и в партер, а сама бы незаметно, но заботливо отстраняла ногой шлейф, чтобы не наступить на него...

На «капустнике» она много курила и все прихлебывала шампанское, пристально смотрела на актеров, с бойкими выкриками и припевами изображавших нечто будто бы парижское, на большого Станиславского с белыми волосами и черными бровями и плотного Москвина в пенсне на корытообразном лице, — оба с нарочитой серьезностью и старательностью, падая назад, выделявали под хохот публики отчаянный канкан. К нам подошел с бокалом в руке, бледный от хмеля, с крупным потом на лбу, на который свисал клок его белорусских волос, Качалов, поднял бокал и, с деланной мрачной жадностью глядя на нее, сказал своим низким актерским голосом:

— Царь-девица, Шамаханская царица¹, твое здоровье!

И она медленно улыбнулась и чокнулась с ним. Он взял ее руку, пьяно припал к ней и чуть не свалился с ног. Справился и, сжав зубы, взглянул на меня:

— А это что за красавец? Ненавижу.

Потом захрипела, засвистала и загремела, вприпрыжку затопала полькой шарманка — и к нам, скользя, подлетел маленький, вечно куда-то спешащий и смеющийся Сулержицкий, изогнулся, изображая гостиндворскую галантность, поспешно пробормотал:

— Дозвольте пригласить на полечку Транблан...

И она, улыбаясь, поднялась и, ловко, коротко притопывая, сверкая сережками, своей чернотой и обнаженными плечами и руками, пошел с ним среди столиков, провожаемая восхищенными взглядами и рукопожатиями, меж тем как он, задрав голову, кричал козлом:

¹ Персонаж «Сказки о золотом петушке» А. С. Пушкина — красивая, но коварная грешница и искусительница, приведшая царя и его сыновей к гибели.

Пойдем, пойдем поскорее
С тобой польку танцевать!

В третьем часу ночи она встала, прикрыв глаза. Когда мы оделись, посмотрела на мою бобровую шапку, погладила бобровый воротник и пошла к выходу, говоря не то шутя, не то серьезно:

— Конечно, красив. Качалов правду сказал... «Змей в естестве человеческого, зело прекрасном...»

Дорогой молчала, клоня голову от светлой лунной метели, летевшей навстречу. Полный месяц нырял в облаках над Кремлем, — «какой-то светящийся череп»¹, — сказала она. На Спасской башне часы били три, — еще сказала:

— Какой древний звук, что-то жестяное и чугунное. И вот так же, тем же звуком било три часа ночи и в пятнадцатом веке. И во Флоренции совсем такой же бой, он там напоминал мне Москву...

Когда Федор осадил у подъезда, безжизненно приказала:

— Отпустите его...

Пораженный, — никогда не позволяла она подниматься к ней ночью, — я растерянно сказал:

— Федор, я вернусь пешком...

И мы молча потянулись вверх в лифте, вошли в ночное тепло и тишину квартиры с постукивающими молоточками в калориферах. Я снял с нее скользкую от снега шубку, она сбросила с волос на руки мне мокрую пуховую шаль и быстро прошла, шурша нижней шелковой юбкой, в спальню. Я разделся, вошел в первую комнату и с замирающим точно над пропастью сердцем сел на турецкий диван. Слышны были ее шаги за открытыми дверями освещенной спальни, то, как она, цепляясь за шпильки, через голову стянула с себя платье... Я встал и подошел к дверям: она, только в одних лебяжьих туфельках, стояла, спиной ко мне, перед трюмо, расчесывая черепаховым гребнем черные нити длинных, висевших вдоль лица волос.

— Вот все говорил, что я мало о нем думаю, — сказала она, бросив гребень на подзеркальник, и, откидывая волосы на спину, повернулась ко мне:

— Нет, я думала...

На рассвете я почувствовал ее движение. Открыл глаза — она в упор смотрела на меня. Я приподнялся из тепла постели и ее тела, она склонилась ко мне, тихо и ровно говоря:

— Нынче вечером я уезжаю в Тверь. Надолго ли, один Бог знает...

И прижалась своей щекой к моей, — я чувствовал, как моргает ее мокрая ресница.

— Я все напишу, как только приеду. Все напишу о будущем. Прости, оставь меня теперь, я очень устала...

И легла на подушку. Я осторожно оделся, робко поцеловал ее в волосы и на цыпочках вышел на лестницу, уже светлеющую бледным светом.

¹ Сказка «Баба Яга — светящиеся черепа».

Шел пешком по молодому липкому снегу, — метели уже не было, все было спокойно и уже далеко видно вдоль улиц, пахло и снегом и из пекарен. Дошел до Иверской, внутренность которой горячо пылала и сияла целыми кострами свечей, стал в толпе старух и нищих на растоптанный снег на колени, снял шапку... Кто-то потрогал меня за плечо — я посмотрел: какая-то несчастнейшая старушонка глядела на меня, морщась от жалостных слез.

— Ох, не убивайся, не убивайся так! Грех, грех!

Письмо, полученное мною недели через две после того, было кратко — ласковая, но твердая просьба не ждать ее больше, не пытаться искать, видеть: «В Москву не вернусь, пойду пока на послушание, потом, может быть, решусь на постриг... Пусть Бог даст сил не отвечать мне — бесполезно длить и увеличивать нашу муку...»

Я исполнил ее просьбу. И долго пропал по самым грязным кабакам, спивался, всячески опускаясь все больше и больше. Потом стал понемногу оправляться — равнодушно, безнадежно... Прошло почти два года с того чистого понедельника...

- Прочитайте заключительный фрагмент рассказа. Какой вечер вспоминает герой — вечер прощенного воскресенья или вечер чистого понедельника? Обоснуйте свое мнение текстом рассказа. Сумел ли забыть герой свою возлюбленную за два года? Как об этом нам рассказывает писатель? Умирает ли любовь?

В четырнадцатом году, под Новый год, был такой же тихий, солнечный вечер, как тот, незабвенный. Я вышел из дому, взял извозчика и поехал в Кремль. Там зашел в пустой Архангельский собор, долго стоял, не молясь, в его сумраке, глядя на слабое мерцанье старого золота иконостаса и надмогильных плит московских царей, — стоял, точно ожидая чего-то, в той особой тишине пустой церкви, когда боишься вздохнуть в ней. Выйдя из собора, велел извозчику ехать на Ордынку, шагом ездил, как тогда, по темным переулкам в садах с освещенными под ними окнами, поехал по Грибоедовскому переулку — и все плакал, плакал...

На Ордынке я остановил извозчика у ворот Марфо-Мариинской обители: там во дворе чернели кареты, видны были раскрытые двери небольшой освещенной церкви, из дверей горестно и умиленно несло пение девичьего хора. Мне почему-то захотелось непременно войти туда. Дворник у ворот загородил мне дорогу, прося мягко, умоляюще:

— Нельзя, господин, нельзя!

— Как нельзя? В церковь нельзя?

— Можно, господин, конечно, можно, только прошу вас за ради бога, не ходите, там сейчас великая княгиня Ельзавет Федровна и великий князь Митрий Палыч...

Я сунул ему рубль — он сокрушенно вздохнул и пропустил. Но только я вошел во двор, как из церкви показались несомые на руках иконы, хоругви, за ними, вся в белом, длинном, тонколикая, в белом обрусе¹

¹ старинный женский головной убор.

с нашитым на него золотым крестом на лбу, высокая, медленно, истово идущая с опущенными глазами, с большой свечой в руке, великая княгиня; а за нею тянулась такая же белая вереница поющих, с огоньками свечек у лиц, инокинь или сестер, — уж не знаю, кто были они и куда шли. Я почему-то очень внимательно смотрел на них. И вот одна из идущих посередине вдруг подняла голову, крытую белым платом, загородив свечку рукой, устремила взгляд темных глаз в темноту, будто как раз на меня... Что она могла видеть в темноте, как могла она почувствовать мое присутствие? Я повернулся и тихо вышел из ворот.

(1944 г.)

- Рассмотрите иллюстрацию Г. Новожилова к рассказу «Чистый понедельник». Как вы думаете, удалось ли художнику передать сложный внутренний мир героини? Обоснуйте свое мнение.

К рубрике «Дома»

Выберите небольшой фрагмент рассказа и подготовьте его выразительное чтение: поставьте перед собой сверхзадачу — что вы хотите передать чтением, какие чувства вызвать у слушателей — и с помощью голоса, интонации, пауз решите ее.

10 СЛУШАНИЕ ТЕКСТА ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО СТИЛЯ

К заданию 1. «Жизнь Арсеньева»*

«Жизнь Арсеньева»* — лирико-биографическая книга Ивана Бунина в пяти частях, написанная во Франции.

Бунин дошел, особенно в автобиографической книге «Жизнь Арсеньева», до того предела в области прозы, о котором говорили Чехов и Лев Толстой — до предела,

когда проза сливается в одно органическое неразделимое целое с поэзией, когда нельзя уже отличить поэзию от прозы и каждое слово ложится на душу, как раскаленная печать.

Достаточно прочесть несколько строк Бунина о своей матери, о навсегда затерянной ее могиле, строк, написанных человеком, чьи дни на земле были уже по существу сочтены, чтобы понять силу любви, нашедшей единственно возможное и единственно нужное выражение.

Что-то почти библейское по скупости и мощи слов заключено в этих строках.

Бунина большинство знает главным образом как прозаика.

Но как поэт он стоит на уровне своей прозы. У него много превосходных стихов.

Стихи эти, равно как и проза Бунина, говорят о необыкновенной его способности перевоплощаться, если можно так выразиться, во все то, о чем он пишет.

Почти мгновенно он схватывает и закрепляет в слове те черты людей и пейзажа, которые с особой точностью передают сущность того, о чем Бунин пишет.

Да, Бунин суров, почти безжалостен. Но вместе с тем он пишет о любви с огромной силой. Для него любовь гораздо шире и богаче, чем обычное представление о ней.

Для него любовь — это приобщение ко всей красоте и ко всем сложностям мира. Для него — это ночи, дни, небо, беспредельный шум океана, книги и размышления — одним словом, это все, что существует вокруг.

Пейзаж Бунина так точен, богат, так географически разнообразен и вместе с тем так полон лирической силы, что говорить о нем вскользь нет возможности. Эта тема требует особого разговора.

Бунин великолепно, с полным совершенством владел русским языком. Он его знал так, как может знать лишь человек, бесконечно любящий свою страну.

Обложка первого полного издания. 1952. Нью-Йорк, Издательство имени Чехова

Язык Бунина прост, даже временами скуп, очень точен, но вместе с тем живописен и богат в звуковом отношении, — от звенящей медью торжественности и до прозрачности льющейся родниковой воды, от размеренной чеканности до интонаций удивительной мягкости, от легкого напева до медленных раскатов грома.

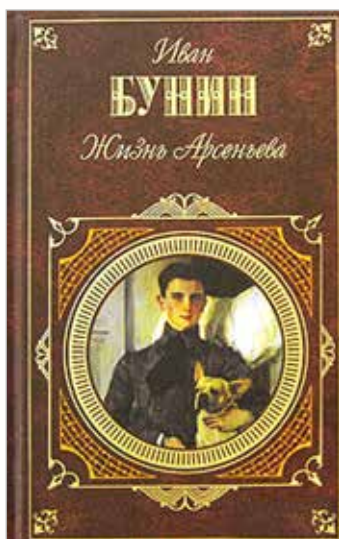
В области языка Бунин мастер почти непревзойденный.

Как каждый большой писатель, Бунин много думал о счастье. Ждал его, искал и когда находил, то щедро делился им с людьми.

В этом смысле очень характерны две его строфы, которыми я и закончу свои слова о Бунине:

О счастье мы всегда лишь вспоминаем.
А счастье всюду. Может быть, оно —
Вот этот сад осенний за сараем
И чистый воздух, льющийся в окно.

В бездонном небе легким белым краем
Встает, сияет облако. Давно
Слежу за ним... Мы мало видим, знаем,
А счастье только знающим дано.

11,12

СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК КАК КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭПОХА В РУССКОЙ ПОЭЗИИ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА. ДОКЛАД НА НАУЧНУЮ ТЕМУ

К заданию 3.

Рассмотрите репродукции картин. Удалось ли вам почувствовать то, о чем пишет Н. В. Барковская? Опишите свои впечатления от одной из картин.

Виктор Васнецов. Витязь на распутье. 1882 г.

Михаил Добужинский. Кукла. 1905 г.

Константин Сомов. Влюбленный Арлекин.
1912 г.

Леон Бакст. Портрет дамы.
1917 г.

К заданию 5.

Прочитайте материалы «Культурологической справки» о Николае Бердяеве. Дополните их информацией, которая кажется вам важной.

Культурологическая справка

Николай Александрович Бердяев (1874–1948) — представитель русской религиозной философии. Учился в Киевском университете на естественном факультете, затем на юридическом.

Мемориальная доска на здании Института филологии Киевского национального университета имени Тараса Шевченко

13 ОРФОЭПИЧЕСКИЕ И АКЦЕНТОЛОГИЧЕСКИЕ НОРМЫ

К заданию 4.

Отгадки: 1. Зарядку. 2–3. Лыжи. 4. Стадион. 5. Коньки. 6. Ватерполист. 7. Мяч. 8. Копыта (или колеса). 9. Жук. 10. Стрелки часов.

К рубрике «Дома»

Прочитайте отрывки стихотворений. Какие особенности поэтической речи помогают вам правильно произнести выделенные слова? Подберите свои примеры, поделитесь своими находками с одноклассниками и одноклассницами.

Уже влюблен в «царицу Спарты»,
один ласкает локон строф.

Но дан приказ: «Пегаса к старту!»
жизнь отошла под *апостроф*.

(В. Преловский)

Она сидела на полу
И грудку писем разбирала
И, как остывшую золу,
Брала их в руки и бросала.

Брала знакомые листы
И чудно так на них глядела
Как души смотрят с высоты
На ими брошенное тело...

(Ф. Тютчев)

Уже ночело. Я был около
Монастыря. Сквозила *просека*.
Окрест отгуживал от колокола.
Как вдруг собака, в роде мопсика,
Зло и неистово залаяла.

Послышались осечки хвороста,
И кто-то голосом хозяина
«Тубо!» пробаритонил просто.

Лес заветрел и вновь отгуживал
Глухую *всенощную*, охая.

(И. Северянин)

Как на монетах, ваши стертые
Когда-то светлые черты,
И строки мшистые плиты
Глазурью льете вы на *торты*.

(И. Анненский)

Я безумен,
Лишь как нумен.
Как *феномен*, я здоров.
Подражаю,
Поражаю
Глубиной чужих стихов.
(Н. Минский)

14 КОММУНИКАТИВНЫЕ КАЧЕСТВА РЕЧИ

К заданию 10. Рассмотрите репродукции картин Ю. Панцырева.

Юрий Панцырев. Августовская меланхолия. 2017 г.

Юрий Панцырев. Пробуждение. 2016 г.

Юрий Панцырев. Пионы и травы. 1915 г.

15 ИННОКЕНТИЙ АННЕНСКИЙ.
МАРИНА ЦВЕТАЕВА

К заданию 4. Рассмотрите репродукции картин современной художницы Лены Сотсковой.

16 ПОНЯТИЕ О РЕЧЕВОМ ЭТИКЕТЕ,
ЕГО ФУНКЦИЯХ

К заданию 5.

К заданию 3.

Прочитайте стихотворение «О, весна без конца и без краю...». Каким настроением оно проникнуто? Какие чувства вызывает?

*За все, за все тебя благодарю я:
За тайные мучения страстей.
За горечь слез, траву поцелуя,
За месть врагов и клевету друзей;
За жар души, растроченный в пустыне.*

М. Ю. Лермонтов

О, весна без конца и без краю —
Без конца и без краю мечта!
Узнаю тебя, жизнь! Принимаю!
И приветствую звоном щита!

Принимаю тебя, неудача,
И удача, тебе мой привет!
В заколдованной области плача,
В тайне смеха — позорного нет!

Принимаю бессонные споры,
Утро в завесах темных окна,
Чтоб мои воспаленные взоры
Раздражала, пьянила весна!

Принимаю пустынные веси!
И колодцы земных городов!
Осветленный простор поднебесий
И томления рабьих трудов!

И встречаю тебя у порога —
С буйным ветром в змеиных кудрях,
С неразгаданным именем Бога
На холодных и сжатых губах...

Перед этой враждующей встречей
Никогда я не брошу щита...
Никогда не откроешь ты плечи...
Но над нами — хмельная мечта!

И смотрю, и вражду измеряю,
Ненавидя, кляня и любя:
За мученья, за гибель — я знаю —
Все равно: принимаю тебя!

(1907 г.)

К заданию 5.

Прочитайте стихотворение «О, я хочу безумно жить...». Какое настроение оно создает?

* * *

О, я хочу безумно жить:
Всё сущее — увековечить,
Безличное — вочеловечить,
Несбывшееся — воплотить!

Пусть душит жизни сон тяжелый,
Пусть задыхаюсь в этом сне, —
Быть может, юноша веселый
В грядущем скажет обо мне:

Простим угрюмство — разве это
Сокрытый двигатель его?
Он весь — дитя добра и света,
Он весь — свободы торжество!

(1914 г.)

Стихотворение «О, я хочу безумно жить» Блок написал 5-го февраля 1914 года. Закончив свой поэтический цикл «Ямбы», поэт задумался над тем, каким произведением открыть сборник, и буквально за час написал это стихотворение.

К заданию 2. Прочитайте стихотворение. Объясните его название.

Вевейская* рябина

Внучке моей Кате Вяземской

1

Я отыскал свою рябину,
Которой песнь я посвятил,
С которой русскую кручину
Здесь на чужбине я делил.

*Вевейская — от «Веве» — название курорта в Швейцарии.

В нарядном красном сарафане,
Под блеском солнечного дня,
Еще пышней, еще румяней
Глядит красавица моя.

Радужно-ласковым приветом
Мы молча обменялись с ней;
Красуюсь пред своим поэтом,
С гостеприимством прежних дней,

И чем богата, тем и рада,
Спешит землячка мне поднести
Кисть нам родного винограда,
Родных садов живую весть.

А я принес в ее поляны
Года увядшие мои,
И скорби новые, и раны
Незаживающей души.

2

Когда же на земле простынет
Мой след в молчанье гробовом
И время в сумрак отодвинет
То, что своим теперь зовем,

Не все ж волной своей мятежной
Затопит быстрых дней поток,
Хоть в сердце ближних дружбой нежной
Мне отведётся уголок.

В весельях юности беспечной
Подчас на самый светлый день
Тайком из глубины сердечной
Находит облачная тень.

В те дни, возлюбленная внучка,
Когда хандра на ум найдет
И память обо мне, как тучка,
По небу твоему мелькнет —

Быть может, думою печальной
Прогулку нашу вспомнишь ты,
И Леман яхотно-зеркальный,
И разноцветных гор хребты,

Красивой осени картину,
Лазурь небес и облака,
Мою заветную рябину,
А с ней и деда-старика.

Октябрь 1864

Дополнительно

I. Чтобы точно установить, является ли то или иное значение индивидуально-авторским, надо много читать. Объясните, с какой целью. Прочитайте отрывки из стихотворений, в которых слово «сарафан» употребляется в переносном смысле. Назовите предметы, которые оно характеризует. По вашему мнению, такое использование является индивидуально-авторским или оно свойственно поэтической речи вообще? Свое мнение обоснуйте.

II. Является ли нарушением нормы литературного языка форма подность из стихотворения «Вевейская рябина»? К какому типу относится эта норма? Почему она возможна в поэтической речи? Ответ аргументируйте с учетом приведенных стихотворных отрывков.

Есть хозяйка в нем,
Будто с девьих плеч
Сарафан на березу надели...
Помнит хмурый дом:
Семь веселых встреч
Проходило в лесу на неделе.
(*Б. Корнилов. «Лесной дом», 1927*)

В зеленчатом сарафане
Слушает звон сосна.
Скоро в лужицу на поляне
Обмакнет лапоток весна.
(*Н. Клюев. «Заозерье», 1926*)

Я навек за туманы и росы
Полюбил у березки стан,
И ее золотистые косы,
И холщовый ее сарафан.
(*С. Есенин. «Сестре Шуре», 1925*)

Чутко дремлет в полях недожатая рожь,
С нетерпением жнецов дожидается;
Побурел-пожелтел шелковистый овес,
Точно пьяный от ветру шатается.
Нарядилась гречиха в цветной сарафан
И белеет над горными скатами...
Ветерок, пробегая хлебами, шумит:
«Будем золото гресть мы лопатами!..»
Солнце красное сыплет над грудью земли,
Над рабочею ратью могучею,
Золотые снопы искрометных лучей,
Ни на миг не скрываясь за тучею...
Улыбается солнце... До ясных небес
С нивы песня доносится женская...
Улыбается солнце и шепчет без слов:
«Исполать тебе, мощь деревенская!..»
(А. Коринфский. «В полях», 1892)

К заданию 4.

Пушкин-лицеист. Худ. В. А. Фаворский, 1936 г.

К заданию 8. Прочитайте стихотворение «Муза». О чем оно? Рассмотрите репродукцию портрета Ахматовой. Может ли она иллюстрировать это художественное произведение?

Юрий Анненков. Портрет Анны Ахматовой, 1921 г.

К рубрике «Дома»

Ознакомьтесь с автобиографическим очерком Анны Ахматовой «О себе».

Анна Ахматова. О себе

Я родилась 11 (23) июня 1889 года под Одессой (Большой Фонтан). Мой отец был в то время отставной инженер-механик флота. Годовалым ребенком я была перевезена на север — в Царское Село. Там я прожила до шестнадцати лет. Мои первые воспоминания — царкосельские: зеленое, сырое великолепие парков, выгон, куда меня водила няня, ипподром, где скакали маленькие пестрые лошадки, старый вокзал и нечто другое, что вошло впоследствии в «Царкосельскую оду».

Каждое лето я проводила под Севастополем, на берегу Стрелецкой бухты, и там подружилась с морем. Самое сильное впечатление этих лет — древний Херсонес, около которого мы жили. Читать я училась по азбуке Льва Толстого. В пять лет, слушая, как учительница занималась со старшими детьми, я тоже научилась говорить по-французски.

Первое стихотворение я написала, когда мне было одиннадцать лет. Стихи начались для меня не с Пушкина и Лермонтова, а с Державина («На рождение порфиородного отрока») и Некрасова («Мороз, Красный нос»). Эти вещи знала наизусть моя мама. Училась я в Царкосельской женской гимназии. Сначала плохо, потом гораздо лучше, но всегда неохотно. В 1905 году мои родители расстались, и мама с детьми уехала на юг. Мы целый год прожили в Евпатории, где я дома проходила курс

предпоследнего класса гимназии, тосковала по Царскому Селу и писала великое множество беспомощных стихов. Отзвуки революции Пятого года глухо доходили до отрезанной от мира Евпатории. Последний класс проходила в Киеве, в Фундуклеевской гимназии, которую и окончила в 1907 году. Я поступила на юридический факультет Высших женских курсов в Киеве.

Пока приходилось изучать историю права и особенно латынь, я была довольна, когда же пошли чисто юридические предметы, я к курсам охладела. В 1910 (25 апреля ст. ст.) я вышла замуж за Н. С. Гумилева, и мы поехали на месяц в Париж. Прокладка новых бульваров по живому телу Парижа (которую описал Золя) была еще не совсем закончена (бульвар Raspail). Вернер, друг Эдиссона, показал мне в «Taverne de Panteon» два стола и сказал: «А это ваши социал-демократы, тут — большевики, а там — меньшевики». Женщины с переменным успехом пытались носить то штаны (jupes-cullottes), то почти пеленали ноги (jupes-entravees).

Стихи были в полном запустении, и их покупали только из-за виньеток более или менее известных художников. Я уже тогда понимала, что парижская живопись съела французскую поэзию. Переехав в Петербург, я училась на Высших историко-литературных курсах Раева. В это время я уже писала стихи, вошедшие потом в мою первую книгу. Когда мне показали корректуру «Кипарисового ларца» Иннокентия Анненского, я была поражена и читала ее, забыв все на свете. В 1910 году явно обозначился кризис символизма, и начинающие поэты уже не примыкали к этому течению. Одни шли в футуризм, другие — в акмеизм. Вместе с моими товарищами по Первому Цеху поэтов — Мандельштамом, Зенкевичем, Нарбутом — я сделалась акмеисткой. Весну 1911 года я провела в Париже, где была свидетельницей первых триумфов русского балета.

В 1912 году проехала по Северной Италии (Генуя, Пиза, Флоренция, Болонья, Падуя, Венеция). Впечатление от итальянской живописи и архитектуры было огромно: оно похоже на сновидение, которое помнишь всю жизнь. В 1912 году вышел мой первый сборник стихов «Вечер». Напечатано было всего триста экземпляров. Критика отнеслась к нему благосклонно. 1 октября 1912 года родился мой единственный сын Лев. В марте 1914 года вышла вторая книга — «Четки». Жизни ей было отпущено примерно шесть недель. В начале мая петербургский сезон начал замирать, все понемногу разъезжались. На этот раз расставание с Петербургом оказалось вечным. Мы вернулись не в Петербург, а в Петроград, из XIX века сразу попали в XX, все стало иным, начиная с облика города. Казалось, маленькая книга любовной лирики начинающего автора должна была потонуть в мировых событиях. Время распорядилось иначе. Каждое лето я проводила в бывшей Тверской губернии, в пятнадцати верстах от Бежецка. Это не живописное место: распаханное ровными квадратами на холмистой местности поля, мельницы, трясины, осушенные болота, «воротца», хлеба, хлеба... Там я написала очень многие стихи «Четок» и «Белой стаи». «Белая стая» вышла в сентябре 1917 года. К этой книге читатели и критика несправедливы. Почему-то считается, что она имела

меньше успеха, чем «Четки». Этот сборник появился при еще более грозных обстоятельствах. Транспорт замирал — книгу нельзя было послать даже в Москву, она вся разошлась в Петрограде.

Журналы закрывались, газеты тоже. Поэтому в отличие от «Четок» у «Белой стаи» не было шумной прессы. Голод и разруха росли с каждым днем. Как ни странно, ныне все эти обстоятельства не учитываются. После Октябрьской революции я работала в библиотеке Агрономического института. В 1921 году вышел сборник моих стихов «Подорожник», в 1922 году — книга «Anno Domini». Примерно с середины 20-х годов я начала очень усердно и с большим интересом заниматься архитектурой старого Петербурга и изучением жизни и творчества Пушкина. Результатом моих пушкинских штудий были три работы — о «Золотом петушке», об «Адольфе» Бенжамена Сонстана и о «Каменном госте». Все они в свое время были напечатаны. Работы «Александрина», «Пушкин и Невское взморье», «Пушкин в 1828 году», которыми я занимаюсь почти двадцать последних лет, по-видимому, войдут в книгу «Гибель Пушкина». С середины 20-х годов мои новые стихи почти перестали печатать, а старые — перепечатывать. Отечественная война 1941 года застала меня в Ленинграде. В конце сентября, уже во время блокады, я вылетела на самолете в Москву. До мая 1944 года я жила в Ташкенте, жадно ловила вести о Ленинграде, о фронте. Как и другие поэты, часто выступала в госпиталях, читала стихи раненым бойцам.

В Ташкенте я впервые узнала, что такое в палящий жар древесная тень и звук воды. А еще я узнала, что такое человеческая доброта: в Ташкенте я много и тяжело болела. В мае 1944 года я прилетела в весеннюю Москву, уже полную радостных надежд и ожидания близкой победы. В июне вернулась в Ленинград. Страшный призрак, притворяющийся моим городом, так поразил меня, что я описала эту мою с ним встречу в прозе. Тогда же возникли очерки «Три сирени» и «В гостях у смерти» — последнее о чтении стихов на фронте в Териоках. Проза всегда казалась мне и тайной и соблазном. Я с самого начала все знала про стихи — я никогда ничего не знала о прозе. Первый мой опыт все очень хвалили, но я, конечно, не верила. Позвала Зоценко. Он велел кое-что убрать и сказал, что с остальным согласен. Я была рада.

Потом, после ареста сына, сожгла вместе со всем архивом. Меня давно интересовали вопросы художественного перевода. В послевоенные годы я много переводила. Перевожу и сейчас. В 1962 году я закончила «Поэму без героя», которую писала двадцать два года. Прошлой весной, накануне дантовского года, я снова услышала звуки итальянской речи — побывала в Риме и на Сицилии. Весной 1965 года я поехала на родину Шекспира, увидела британское небо и Атлантику, повидалась со старыми друзьями и познакомилась с новыми, еще раз посетила Париж. Я не переставала писать стихи. Для меня в них — связь моя с временем, с новой жизнью моего народа. Когда я писала их, я жила теми ритмами, которые звучали в героической истории моей страны. Я счастлива, что жила в эти годы и видела события, которым не было равных.

К заданию 4.

Прочитайте фрагмент книги А. Михайлова «Маяковский».

19 октября 1913 года в тихом Мамоновском переулке Москвы состоялось открытие кабаре «Розовый фонарь». Событие не из ряда вон выходящее, однако оно привлекло внимание буржуазной публики и печати. Одна из газет писала, что Мамоновский переулок наминал Камергерский в дни открытия Художественного театра — весь был запружен автомобилями и собственными выездами.

Празднично одетая публика заполняла зал, дамы демонстрировали свои наряды и дорогие украшения, стараясь быть непременно замеченными, все было чинно, благопристойно, хотя в атмосфере приготовлений все-

таки чувствовалось что-то предгрозовое. Было уже за полночь, господа за столиками уже не слушали, что и кто говорил или пел на эстраде, все были заняты собой или друг другом и развлекались по-своему, в зале установился тягучий пьяноватый гул. И вот тогда на эстраду вышел высокий молодой человек, с нахмуренным, серьезным лицом, он выглядел эффектно в своей желтой блузе. Расставив ноги, как бы утвердившись на подмостках, молодой человек долгим взглядом посмотрел в зал, выдержал паузу, заставившую умолкнуть этот гудящий улей, и в пространстве зала зазвучал слегка дрожащий от напряжения, густой, необыкновенного тембра бас:

Через час отсюда в чистый переулок
вытечет по человеку ваш обрюзгший жир,
а я вам открыл столько стихов шкатулок,
я — бесценных слов мот и транжир.

За столиками воцарилась тишина. Имя молодого человека, стоящего на подмостках, кое-кому из присутствующих знакомо по газетной хронике, кажется, с ним связаны какие-то скандалы то ли на выставках художников, то ли в литературных собраниях, он — футурист... Кажется, это один из тех молодчиков, что разгуливали в цилиндрах и с разрисованными лицами по Кузнецкому, по Тверской, сопровождаемые толпой любопытных, и под свист и улюлюканье выкрикивали свои стихи.

Но в этих стихах что-то другое, что-то грубое и оскорбительное. Этот апаш*, этот футурист на эстраде обвиняет, выставяет на позор — кого? Резким движением руки

Апаш — во Франции: человек, принадлежащий к деклассированным группам населения; вор, хулиган.

он указывает в зал: «Вот вы, мужчина, у вас в усах капуста где-то недокушанных, недоеденных щей...» И головы присутствующих невольно поворачиваются туда, куда он указал. Но кивком головы, высверком глаз футурист показывает в другую сторону: «...вот вы, женщина, на вас белила густо, вы смотрите устрицей из раковин вещей». И кто-то невольно сжимается под пронзительным взглядом молодого человека в желтой блузе, пряча под стол руку, оснащенную золотым браслетом и перстнями, кто-то произвольным жестом прикрывает ухо, оттянутое массивной серьгой с изумрудом...

Классическая дуэль — «поэт и толпа»?

Похоже, что этот высокий юноша, уже не сдерживающий своей страсти, готов выкрикнуть: к барьеру!

Люди, которые сидят перед ним, уютно устроившись за столиками, разморенные сытым ужином и вином, — враждебны искусству, это — «толпа», которая взгромоздится «на бабочку поэтиного сердца... в калошах и без калош» и «будет тереться, оцетинит ножки стоглавая вошь».

В зале зашикали. Кто-то неуверенно свистнул. Юноша на эстраде непоколебим. Лишь плотно сжатые губы да легкая бледность, проступающая сквозь смуглоту лица, выдают волнение.

А на вальяжно рассеявшихся за столиками падают слова, тяжелые, как булыжники, они вбивают сидящих в кресла:

А если сегодня мне, грубому гунну,
кривляться перед вами не захочется — и вот
я захохочу и радостно плюну,
плюну в лицо вам
я — бесценных слов транжир и мот.

Зал словно взорвался, слышались оглушительные свистки, истерический крик: «Долой!» Кому-то из женщин сделалось дурно.

Потом рассказывали по Москве, что вечер прошел с битьем графинов и бутылок, что, когда поэта освистывали, он подбадривал: «Еще! Еще! Дайте насладиться идиотами!»

И говорили, будто его увели в полицию под аплодисменты свистунов. Так кое-кому хотелось.

Стихотворение с вызывающим названием «Нате!» нашло своего адресата и произвело именно то действие, на которое автор мог рассчитывать. Это было первое стихотворение двадцатилетнего Владимира Маяковского из двух десятков к тому времени написанных (не считая самых юношеских, потерянных), в котором он открыто противопоставил себя буржуазному обществу. Противопоставил в грубой, вызывающей форме. Это дало ему право впоследствии сказать: «Капиталистический нос чуял в нас динамитчиков». В нас — это значит — в футуристах. С ними поэт связал свою судьбу и свое творчество в молодые годы.

Двадцатилетний поэт, автор двух десятков стихотворений и трагедии «Владимир Маяковский», показанной в петербургском театре «Луна-парк», почти мгновенно приобрел известность.

Чем это объяснить?

Экстравагантной одеждой, вызывающей манерой держать себя на эстраде, тем, что его имя стало мелькать в газетной хронике в связи с сенсационными и даже скандальными выступлениями группы футуристов, где заглавной фигурой был Давид Бурлюк, где блистал почти легендарный поэт-авиатор Василий Каменский, но где неизменно выделялся самый молодой, самый яркий и как оратор, остроумный полемист, и как поэт — Владимир Маяковский.

Во время первого выступления в Политехническом музее, 11 ноября 1913 года, по свидетельству его участника, Василия Каменского, блестящее, неслыханное дарование чтеца, неотразимое остроумие оратора, вся великолепная внешность поэта просто покорили аудиторию. «Рекорд успеха остался за Маяковским, который читал изумительно сочно, нажимая на нижние регистры, широко плавая желтыми рукавами, будто гипнотизируя окончательно наэлектризованную, но далекую от признания публику».

К заданию 8. Прочитайте стихотворение «Лиличка! (Вместо письма)», посвященное Лиле Брик — возлюбленной поэта, отношения с которой складывались непросто. Какое впечатление оно на вас произвело? О чем это поэтическое произведение?

Лиличка!

Вместо письма

Дым табачный воздух выел.
Комната —
глава в крученыховском аде*.
Вспомни —
за этим окном
впервые
руки твои, исступленный,
гладил.
Сегодня сидишь вот,
сердце в железе.
День еще —
выгонишь,
может быть, изругав.
В мутной передней долго не влезет
сломанная дрожью рука в рукав.
Выбегу,
тело в улицу брошу я.
Дикий,
обезумлюсь,
отчаяньем иссечась.
Не надо этого,
дорогая,
хорошая,
дай простимся сейчас.

Поэма Алексея Крученых и Велимира Хлебникова «Игра в аду».

Все равно
любовь моя —
тяжкая гиря ведь —
висит на тебе,
куда ни бежала б.
Дай в последнем крике вырветь
горечь обиженных жалоб.
Если быка трудом уморят —
он уйдет,
разляжется в холодных водах.
Кроме любви твоей,
мне
нету моря,
а у любви твоей и плачем не вымолишь отдых.
Захочет покоя уставший слон —
царственный ляжет в опожаренном песке.
Кроме любви твоей,
мне
нету солнца,
а я и не знаю, где ты и с кем.
Если б так поэта измучила,
он
любимую на деньги б и славу выменял,
а мне
ни один не радостен звон,
кроме звона твоего любимого имени.
И в пролет не брошусь,
и не выпью яда,
и курок не смогу над виском нажать.
Надо мною,
кроме твоего взгляда,
не властно лезвие ни одного ножа.
Завтра забудешь,
что тебя короновал,
что душу цветущую любовью выжег,
и суетных дней взметенный карнавал
растреплет страницы моих книжек...
Слов моих сухие листья ли
заставят остановиться,
жадно дыша?
Дай хоть
последней нежностью выстелить
твой уходящий шаг.

(1916 г.)

К заданию 9.

Прочитайте поэму, посвященную Лиле Брик. Каким чувством проникнуто это произведение?

Люблю

Обыкновенно так
Любовь любому рожденному дадена, —
но между служб,
доходов
и прочего
со дня на день
очерствевает сердечная почва.
На сердце тело надето,
на тело — рубаха.
Но и этого мало!
Один —
идиот! —
манжеты наделал
и груди стал заливать крахмалом.
Под старость спохватятся.
Женщина мажется.
Мужчина по Мюллеру мельницей машется.
Но поздно.
Морщинами множится кожа.
Любовь поцветет,
поцветет —
и скукожится.
Мальчишкой
Я в меру любовью был одаренный.
Но с детства
людьё
трусами муштровано.
А я —
убег на берег Риона
и шлялся,
ни черта не делая ровно.
Сердилась мама:
«Мальчишка паршивый!»
Грозился папаша поясом выстегать.
А я,
разживясь трехрублевкой фальшивой,
играл с солдатъём под забором в «три листика».
Без груза рубах,
без башмачного груза
жарился в кутаисском зное.
Вврачивал солнцу то спину,
то пузо —

пока под ложечкой не занует.
Дивилось солнце:
«Чуть виден весь-то!
А тоже —
с сердечком.
Старается малым!
Откуда
в этом
в аршине
место —
и мне,
и реке,
и стовёрстым скалам?!»
Юношей
Юношеству занятий масса.
Грамматикам учим дурней и дур мы.
Меня ж
из 5-го вышибли класса.
Пошли швырять в московские тюрьмы.
В вашем
квартирном
маленьком мирике
для спален растут кучерявые лирики.
Что выищешь в этих болоночьих лириках?!
Меня вот
любить
учили
в Бутырках.
Что мне тоска о Булонском лесе?!
Что мне вздох от видов на море?!
Я вот
в «Бюро похоронных процессий»
влюбился
в глазок 103 камеры.
Глядят ежедневное солнце,
зазнаются.
«Чего, мол, стоят лученышки эти?»
А я
за стенного
за желтого зайца
отдал тогда бы — все на свете.
Мой университет
Французский знает.
Делите.
Множьте.
Склоняете чудно.

Ну и склоняйте!
Скажите —
а с домом спеться
можете?
Язык трамвайский вы понимаете?
Птенец человеческий
чуть только вывелся —
за книжки рукой,
за тетрадные дести.
А я обучался азбуке с вывесок,
листая страницы железа и жести.
Землю возьмут,
обкорнав,
ободрав ее, —
учат.
И вся она — с крохотный глобус.
А я
боками учил географию, —
недаром же
наземь
ночевкой хлопаюсь!
Мутят Иловайских большие вопросы:
— Была ль рыжа борода Барбароссы? —
Пускай!
Не копаюсь в пропыленном вздоре я —
любая в Москве мне известна история!
Берут Добролюбова (чтоб зло ненавидеть), —
фамилья ж против,
скулит родовая.
Я
жирных
с детства привык ненавидеть,
всегда себя
за обед продавая.
Научатся,
сядут —
чтоб нравиться даме,
мыслишки звякают лбенками медненькими.
А я
говорил
с одними домами.
Одни водокачки мне собеседниками.
Окном слуховым внимательно слушая,
ловили крыши — что брошу в уши я.
А после
о ночи

и друг о друге
трещали,
язык ворочая — флюгер.
Взрослое
У взрослых дела.
В рублях карманы.
Любить?
Пожалуйста!
Рубликов за сто.
А я,
бездомный,
ручища
в рваный
в карман засунул
и шлялся, глазастый.
Ночь.
Надеваете лучшее платье.
Душой отдыхаете на женах, на вдовах.
Меня
Москва душила в объятьях
кольцом своих бесконечных Садовых.
В сердца,
в часишки
любовницы тикают.
В восторге партнеры любовного ложа.
Столиц сердцебиение дикое
ловил я,
Страстную площадью лежа.
Враспашку —
сердце почти что снаружи —
себя открываю и солнцу и луже.
Входите страстями!
Любовями влазьте!
Отныне я сердцем править не властен.
У прочих знаю сердца дом я.
Оно в груди — любому известно!
На мне ж
с ума сошла анатомия.
Сплошное сердце —
гудит повсеместно.
О, сколько их,
одних только вёсен,
за 20 лет в распаленного ввалено!
Их груз нерастраченный — просто несносен.
Несносен не так,
для стиха,

а буквально.
Что вышло
больше чем можно,
больше чем надо —
будто
поэтовым бредом во сне навис —
комоч сердечный разросся громадой:
громада любовь,
громада ненависть.
Под ношей
ноги
шагали шатко —
ты знаешь,
я же
ладно слажен, —
и всё же
тацусь сердечным придатком,
плеч подгибая косую сажень.
Взбухаю стихов молоком —
и не вылиться —
некуда, кажется — полнится заново.
Я вытомлен лирикой —
мира кормилица,
гипербола
праобраза Мопассанова.
Зову
Поднял силачом,
понес акробатом.
Как избирателей сзывают на митинг,
как села
в пожар
созывают набатом —
я звал:
«А вот оно!
Вот!
Возьмите!»
Когда
такая махина ахала —
не глядя,
пылью,
грязью,
сугробом, —
дамьё
от меня
ракетой шарахалось:
«Нам чтобы поменьше,

нам вроде танго бы...»
Нести не могу —
и несу мою ношу.
Хочу ее бросить —
и знаю,
не брошу!
Распора не сдержат ребровы дуги.
Грудная клетка трещала с натуги.
Ты
Пришла —
деловито,
за рыком,
за ростом,
взглянув,
разглядела просто мальчика.
Взяла,
отобрала сердце
и просто
пошла играть —
как девочка мячиком.
И каждая —
чудо будто видится —
где дама вкопалась,
а где девица.
«Такого любить?
Да этакий ринется!
Должно, укротительница.
Должно, из зверинца»
А я ликую.
Нет его —
ига!
От радости себя не помня,
скакал,
индейцем свадебным прыгал,
так было весело,
было легко мне.
Невозможно.
Один не смогу —
не снесу рояля
(тем более —
несгораемый шкаф).
А если не шкаф,
не рояль,
то я ли
сердце снес бы, обратно взяв.
Банкиры знают:

«Богаты без края мы.
Карманов не хватит —
кладем в несгораемый».
Любовь
в тебя —
богатством в железо —
запрятал,
хожу
и радуюсь Крезом.
И разве,
если захочется очень,
улыбку возьму,
пол-улыбки
и мельче,
с другими кутя,
протрачу в полночи
рублей пятнадцать лирической мелочи.
Так и со мной
Флоты — и то стекаются в гавани.
Поезд — и то к вокзалу гонит.
Ну а меня к тебе и подавней —
я же люблю! —
тянет и клонит.
Скупой спускается пушкинский рыцарь
подвалом своим любоваться и рыться.
Так я
к тебе возвращаюсь, любимая.
Мое это сердце,
любуюсь моим я.
Домой возвращаетесь радостно.
Грязь вы
с себя соскребаете, бреясь и моясь.
Так я
к тебе возвращаюсь, —
разве,
к тебе идя,
не иду домой я?!
Земных принимает земное лоно.
К конечной мы возвращаемся цели.
Так я
к тебе
тянусь неуклонно,
еле расстались,
развиделись еле.
Вывод
Не смоят любовь

ни ссоры,
 ни версты.
 Продумана,
 выверена,
 проверена.
 Подъемя торжественно стих строкоперстый,
 клянусь —
 люблю
 неизменно и верно!

(1921–1922 гг.)

Лиля Брик. Рисунок Маяковского. 1916 г.

К заданию 10. Прочитайте стихотворение «Долг Украине».

Долг Украине

Знаете ли вы
 украинскую ночь?
 Нет,
 вы не знаете украинской ночи!
 Здесь
 небо
 от дыма
 становится чёрно́,

и герб
звездой пятиконечной вточен.
Где горилкой,
удалью
и кровью
Запорожская
бурлила Сечь,
проводов уздой
смирив Днепровье,
Днепр
заставят
на турбины течь.
И Днипрó
по проволокам-усам
электричеством
течет по корпусам.
Небось, рафинада
и Гоголю надо!
Мы знаем,
курит ли,
пьет ли Чаплин;
мы знаем
Италии безрукие руины;
мы знаем,
как Дугласа
галстух краплен...
А что мы знаем
о лице Украины?
Знаний груз
у русского
тощ —
тем, кто рядом,
почета мало.
Знают вот
украинский борщ,
Знают вот
украинское сало.
И с культуры
поснимали пенку:
кроме
двух
прославленных Тарасов —
Бульбы
и известного Шевченка, —
ничего не выжмешь,
сколько ни старайся.

А если прижмут —
 зардеется розой
 и выдвинет
 аргумент новый:
 возьмет и расскажет
 пару курьезов —
 анекдотов
 украинской мовы.
 Говорю себе:
 товарищ москаль,
 на Украину
 шуток не скаль.
 Разучите
 ту мову
 на знаменах —
 лексиконах алых, —
 эта мова
 величава и проста:
 «Чуешь, сурмы заграли,
 час расплаты настав...»
 Разве может быть
 затрепанней
 да тише
 слова
 поистасканного
 «Слышишь»?!
 Я
 немало слов придумал вам,
 взвешивая их,
 одно хочу лишь, —
 чтобы стали
 всех
 моих
 стихов слова
 полновесными,
 как слово «чуешь».
 Трудно
 людей
 в одно истолочь,
 собой
 кичись не очень.
 Знаем ли мы украинскую ночь?
 Нет,
 мы не знаем украинской ночи.

(1926 г.)

26 ЛЕКСИЧЕСКИЕ И ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ НОРМЫ (ПРОДОЛЖЕНИЕ)

К заданию 1. Проверить правильность перевода вам поможет «Русско-украинский словарь устойчивых выражений» И. А. Вырган и М. М. Пилинской (см.: <http://stalivyrazy.org.ua/download2.php>).

К заданию 7. Прочитайте отрывок из стихотворения А. Пушкина «Дорожные жалобы». Дайте определение всех перечисленных в задании средств передвижения.

Долго ль мне гулять на свете
То в коляске, то верхом,
То в кибитке, то в карете,
То в телеге, то пешком?

К заданию 10. Прочитайте фрагмент психологической статьи. Какие еще слова-паразиты вы часто слышите в живой речи? Попытайтесь рассказать о людях, употребляющих слова-паразиты, с учетом принципа описания, используемого в статье.

«Ну» — самое распространенное слово-паразит и самое нейтральное. Любитель нукать — жизнерадостен, коммуникабелен и активен. Говорит быстро, думает стремительно, скоро делает. Правда, не без ошибок. Но и их воспринимает философски: ну проехали!

Услышите **«вообще-то»** у собеседника, знайте: он любит все анализировать и обобщать.

«**Как бы**» — это молодой паразит, поэтому и использует его чаще всего молодежь. А у них впереди жизнь и пока все условно. Так и живут — как бы пойдём, а как бы и не пойдём; как бы будем, а как бы и не будем.

Как воздух, слово **«по-любому»** нужно людям, для которых важно, чтобы за ними осталось последнее слово.

Выражение **«на самом деле»** любят использовать чересчур самоуверенные в себе люди. Они считают, что только их точка зрения правильная. Спорить с ними бесполезно.

«**Короче**» сразу заставляет собеседников задуматься: а будет ли дальнейшая информация вообще интересной, иначе зачем тогда сокращать?

Любители «сорняков» **«типа»** и **«значит»** тяжело переживают паузы в разговорах, поэтому заполняют тишину такими словами-связками. Это говорит о неуверенности в общении с людьми и даже некой застенчивости.

«**Кстати**» — слово вроде театральной паузы. Оно призвано сделать акцент, а заодно подчеркнуть эрудированность и информированность собеседника. Сказать «Кстати» — и резко изменить тему, удивить всех. Если получилось, значит, цель достигнута, а больше ничего и не требовалось.

27, 28

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. ЛИРИКА. СЖАТЫЙ ПЕРЕСКАЗ

К заданию 4. Прочитайте стихотворение «Исповедь хулигана». Можно ли назвать его исповедью?

Исповедь хулигана

Не каждый умеет петь,
 Не каждому дано яблоком
 Падать к чужим ногам.
 Сие есть самая великая исповедь,
 Которой исповедуется хулиган.
 Я нарочно иду нечесаным,
 С головой, как керосиновая лампа, на плечах.
 Ваших душ безлиственную осень
 Мне нравится в потемках освещать.
 Мне нравится, когда камня брани
 Летят в меня, как град рыгающей грозы,
 Я только крепче жму тогда руками
 Моих волос качнувшийся пузырь.
 Так хорошо тогда мне вспоминать
 Заросший пруд и хриплый звон ольхи,
 Что где-то у меня живут отец и мать,
 Которым наплевать на все мои стихи,
 Которым дорог я, как поле и как плоть,
 Как дождик, что весной взрыхляет зеленыя.
 Они бы вилами пришли вас заколоть
 За каждый крик ваш, брошенный в меня.
 Бедные, бедные крестьяне!
 Вы, наверно, стали некрасивыми,
 Так же боитесь бога и болотных недр.
 О, если б вы понимали,
 Что сын ваш в России
 Самый лучший поэт!
 Вы ль за жизнь его сердцем не индевели,
 Когда босые ноги он в лужах осенних макал?
 А теперь он ходит в цилиндре
 И лакированных башмаках.
 Но живет в нем задор прежней вправки
 Деревенского озорника.
 Каждой корове с вывески мясной лавки
 Он кланяется издалека.
 И, встречаясь с извозчиками на площади,
 Вспоминая запах навоза с родных полей,
 Он готов нести хвост каждой лошади,

Как венчального платья шлейф.
Я люблю родину.
Я очень люблю родину!
Хоть есть в ней грусти ивовая ржавь.
Приятны мне свиней испачканные морды
И в тишине ночной звенящий голос жаб.
Я нежно болен воспоминаньем детства,
Апрельских вечеров мне снится хмарь и сырь.
Как будто бы на корточки погреться
Присел наш клен перед костром зари.
О, сколько я на нем яиц из гнезд вороньих,
Карабкаюсь по сучьям, воровал!
Все тот же ль он теперь, с верхушкой зеленой?
По-прежнему ль крепка его кора?
А ты, любимый,
Верный пегий пес?!От старости ты стал визглив и слеп
И бродишь по двору, влача обвисший хвост,
Забыв чутьем, где двери и где хлев.
О, как мне дороги все те проказы,
Когда, у матери стянув краюху хлеба,
Кусали мы с тобой ее по разу,
Ни капельки друг другом не погрёбав.
Я всё такой же.
Сердцем я все такой же.
Как васильки во ржи, цветут в лице глаза.
Стеля стихов злаченные рогожи,
Мне хочется вам нежное сказать.
Спокойной ночи!
Всем вам спокойной ночи!
Отзвенела по траве сумерек зари коса...
Мне сегодня хочется очень
Из окошка луну обоссать.
Синий свет, свет такой синий!
В эту синь даже умереть не жаль.
Ну так что ж, что кажусь я циником,
Прицепившим к заднице фонарь!
Старый, добрый, заезженный Пегас,
Мне ль нужна твоя мягкая рысь?
Я пришел, как суровый мастер,
Воспеть и прославить крыс.
Башка моя, словно август,
Льётся бурливых волос вином.
Я хочу быть желтым парусом
В ту страну, куда мы плывем.

(1920 г.)

К заданию 9. Прочитайте стихотворение «Собаке Качалова». О чем оно? Определите его тональность.

Собаке Качалова

Дай, Джим, на счастье лапу мне,
 Таковую лапу не видал я сроду.
 Давай с тобой полаем при луне
 На тихую, беспшумную погоду.
 Дай, Джим, на счастье лапу мне.
 Пожалуйста, голубчик, не лижись.
 Пойми со мной хоть самое простое.
 Ведь ты не знаешь, что такое жизнь,
 Не знаешь ты, что жить на свете стоит.
 Хозяин твой и мил и знаменит,
 И у него гостей бывает в доме много,
 И каждый, улыбаясь, норовит
 Тебя по шерсти бархатной потрогать.
 Ты по-собачьи дьявольски красив,
 С такою милою доверчивой приятцей.
 И, никого ни капли не спросив,
 Как пьяный друг, ты лезешь целоваться.
 Мой милый Джим, среди твоих гостей
 Так много всяких и невсяких было.
 Но та, что всех безмолвней и грустней,
 Сюда случайно вдруг не заходила?
 Она придет, даю тебе поруку.
 И без меня, в ее уставясь взгляд,
 Ты за меня лизни ей нежно руку
 За все, в чем был и не был виноват.

(1925 г.)

Скульптурная композиция «Дай, Джим, на счастье лапу мне»
 Авторы: Бернацкая Майя, Патов Константин. Материал: фарфор.

К заданию 2.

Прочитайте рассказ В. Набокова «Гроза», поделитесь впечатлениями от прочитанного. О чем это произведение?

Гроза

На углу, под шатром цветущей липы, обдало меня буйным благоуханием. Туманные громады поднимались по ночному небу, и когда поглощен был последний звездный просвет, слепой ветер, закрыв лицо рукавами, низко пронесся вдоль опустевшей улицы. В тусклой темноте, над железным ставнем парикмахерской, маятником заходил висячий щит, золотое блюдо.

Вернувшись домой, я застал ветер уже в комнате: — он хлопнул оконной рамой и поспешно отхлынул, когда я прикрыл за собою дверь. Внизу, под окном, был глубокий двор, где днем сияли, сквозь кусты сирени, рубашки, распятые на светлых веревках, и откуда взлетали порой, печальным лаем, голоса, — старьевщиков, закупателей пустых бутылок, — нет-нет, — разрыдается искалеченная скрипка; и однажды пришла тучная белокурая женщина, стала посреди двора, да так хорошо запела, что из всех окон свесились горничные, нагнулись голые шеи, — и потом, когда женщина кончила петь, стало необыкновенно тихо, — только в коридоре всхлипывала и сморкалась неопрятная вдова, у которой я снимал комнату.

А теперь там внизу набухала душная мгла, — но вот слепой ветер, что беспомощно сполз в глубину, снова потянулся вверх, — и вдруг — прозрел, взмыл, и в янтарных провалах в черной стене напротив заметались тени рук, волос, ловили улетающие рамы, звонко и крепко запирали окна. Окна погасли. И тотчас же в темно-лиловом небе тронулась, покатилась глухая груда, отдаленный гром. И стало тихо, как тогда, когда замолкла нищая, прижав руки к полной груди.

В этой тишине я заснул, ослабев от счастья, о котором писать не умею, — и сон мой был полон тобой.

Проснулся я оттого, что ночь рушилась. Дикое, бледное блистание летало по небу, как быстрый отсвет исполинских спиц. Грохот за грохотом ломал небо. Широко и шумно шел дождь.

Меня опьянили эти синеватые содрогания, легкий и острый холод. Я стал у мокрого подоконника, вдыхая неземной воздух, от которого сердце звенело, как стекло.

Все ближе, все великолепнее гремела по облакам колесница пророка**. Светом сумасшествия, пронзительных видений, озарен был ночной мир, железные склоны крыш, бегущие кусты сирени. Громовержец, седой исполин, с бурной бородою, закинутой ветром за плечо, в ослепительном, летучем облачении, стоял, подавшись назад, на огненной колеснице и напряженными руками сдерживал гигантских коней своих: — вороная

масть, гривы — фиолетовый пожар. Они понесли, они брызгали трескучей искристой пеной, колесница кренилась, тщетно рвал вожжи растерянный пророк. Лицо его было искажено ветром и напряжением, вихрь, откинув складки, обнажил могучее колено, — а кони, взмахивая плавающими гривами, летели — все буйственнее — вниз по тучам, вниз. Вот громовым шепотом промчались они по блестящей крыше, колесницу шарахнуло, зашатался Илья, — и кони, обезумев от прикосновения земного металла, снова вспрыгнули. Пророк был сброшен. Одно колесо отшибло. Я видел из своего окна, как покатился вниз по крыше громадный огненный обод и, покачнувшись на краю, прыгнул в сумрак. А кони, влача за собою опрокинутую, прыгающую колесницу, уже летели по вышним тучам, гул умолкал, и вот — грозовой огонь исчез в лиловых безднах.

Фрагмент иконы
«Огненное восхождение
пророка Ильи».
Россия, середина
XIX века

Громовержец, павший на крышу, грузно встал, плесницы*** его заскользили, — он ногой пробил слуховое окошко, охнул, широким движением руки удержался за трубу. Медленно поворачивая потемневшее лицо, он что-то искал глазами, — верно колесо, соскочившее с золотой оси. Потом глянул вверх, вцепившись пальцами в растрепанную бороду, сердито покачал головой, — это случалось вероятно не впервые, — и, прихрамывая, стал осторожно спускаться.

Оторвавшись от окна, спеша и волнуясь, я накинул халат и сбежал по крутой лестнице прямо во двор. Гроза отлетела, но еще веял дождь. Восток дивно бледнел.

Двор, что сверху казался налитым густым сумраком, был на самом деле полон тонким тающим туманом. Посередине, на тусклом от сырости газоне, стоял сутулый, тощий старик в промокшей рясе и бормотал что-то, посматривая по сторонам. Заметив меня, он сердито моргнул:

— Ты, Елисей****?

Я поклонился. Пророк цокнул языком, потирая ладонью смуглую лысину: — Колесо потерял. Отыщи-ка.

Дождь перестал. Над крышами пылали громадные облака. Кругом, в синеватом, сонном воздухе, плавали кусты, забор, блестящая собачья конура. Долго шарили мы по углам, — старик кряхтел, подхватывал тяжелый подол, шлепал тупыми сандалиями по лужам, и с кончика крупного костистого носа свисала светлая капля. Отодвинув низкую ветку сирени, я заметил на куче сору, среди битого стекла, тонкое железное

колесо, — видимо от детской коляски. Старик жарко дохнул над самым моим ухом и поспешно, даже грубовато отстранив меня, схватил и поднял ржавый круг. Радостно подмигнул мне:

— Вот куда закатилось...

Потом на меня уставился, сдвинув седые брови, — и, словно что-то вспомнив, внушительно сказал:

— Отвернись, Елисей.*****

Я послушался. Даже зажмурился. Постоял так с минуту, — и дольше не выдержал...

Пустой двор. Только старая лохматая собака с поседелой мордой вытянулась из конуры и, как человек, глядела вверх испуганными карими глазами. Я поднял голову. Илья карабкался вверх по крыше, и железный обод поблескивал у него за спиной. Над черными трубами оранжевой кудрявой горой стояло заревое облако, за ним второе, третье. Мы глядели вместе с притихшей собакой, как пророк, поднявшись до гребня крыши, спокойно и неторопливо перебрался на облако и стал лезть вверх, тяжело ступая по рыхлому огню.

Солнце стрельнуло в его колесо, и оно сразу стало золотым, громадным, — да и сам Илья казался теперь облаченным в пламя, сливаясь с той райской тучей, по которой он шел все выше, все выше, пока не исчез в пылающем воздушном ущелье.

Только тогда хриплым утренним лаем залился дряхлый пес, — и хлынула рябь по яркой глади дождевой лужи; от легкого ветра колыхнулась пунцовая герань на балконах, проснулись два-три окна, — и в промокших клетчатых туфлях, в блеклом халате я выбежал на улицу и, догоняя первый, сонный трамвай, запахивая полы на бегу, все посмеивался, воображая, как сейчас приду к тебе и буду рассказывать о ночном, воздушном крушении, о старом, сердитом пророке, упавшем ко мне во двор.

(1924 г.)

*Дерево Богородицы, символ веры (дерево было убежищем для Богородицы, когда она бежала с маленьким сыном в Египет. Липа также символ древних славян.

**Боевая колесница с огненными конями, в которой пророк Илья, согласно библейской легенде, взошел на небо. Славяне воспринимают Илью-пророка грозным святым, который пугает грешников громом и молнией. В Библии сказано, что Бог пошлет пророка Илию назад на землю: «Вот, Я пошлю к вам Илию пророка пред наступлением дня Господня, великого и страшного». В христианстве считается, что здесь идёт речь о Втором пришествии Иисуса Христа.

***Сандалии.

****Слуга и ученик пророка Ильи, свидетель его восхождения на небо. «Вдруг явилась колесница огненная и кони огненные, и разлучили их обоих, и понесся Илия в вихре на Небо».

*****Перед восхождением на небо Илья сказал Елисею: «Проси, что мне для тебя сделать, прежде чем я буду взят от тебя». Он попросил у Ильи: «Пусть на мне будет две части твоего духа». Илья ответил своему слуге: «Ты просишь трудного, — сказал пророк. — Если ты увидишь, как я буду взят от тебя, то все так и будет. А если не увидишь, то не будет».

31

ПУБЛИЧНОЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ.

ОБЩИЕ ПРИНЦИПЫ, ВИДЫ И ЖАНРЫ ПУБЛИЧНЫХ ВЫСТУПЛЕНИЙ

К заданию 4. Вам часто приходится выступать с сообщениями различного характера на уроках по разным школьным предметам. Прочитайте фрагмент повести Л. Исаровой «Задача со многими неизвестными». Как вы считаете, правильно ли готовили свои выступления персонажи повести?

В начале десятого класса мои ученики дружно бездельничали. И, конечно, доклада никто делать не желал. Поэтому я так обрадовалась, когда Шарова взялась рассказать о раннем творчестве Алексея Толстого на примере рассказа «Хромой барин», а Медовкин — о Леониде Андрееве, главным образом, по «Рассказу о семи повешенных».

Но что это были за доклады!

Шарова вышла и, задумчиво глядя в окно, мелодраматически начала пересказывать А. Толстого. Точно я ей поручала написать изложение.

Шарова изображала глубокую меланхолию, и если бы я перед уроком не видела, как она вполне жизнерадостно бежала по лестнице в буфет, стараясь опередить Медовкина, я бы в эту минуту поверила, что моя ученица глубоко и серьезно разочарована в жизни.

Девочки слушали ее доклад, как прекрасную сказку, а мальчики хихикали, и в конце ее выступления мне была переброшена записка со стихами, написанными через строчку двумя разными почерками:

Шарова свой доклад читала,
И половина класса спала.
Доклад, конечно, ничего.
В нем 100 % H₂O.
Василий Петряков храпит,
Стекло в окошке дребезжит.
Валера книжечку читает,
Наш Витя чижало вздыхает,
Бурак заметочки строчит,
Лиса дурачки в пол глядит,
Вот Ксана кончила доклад,
Проснулся класс и жизни рад.
Джон, Гоша и К.

... Шарова закончила свое выступление сверхэлегически. Она уронила руки на передник, точно на бархатное концертное платье, закинула голову назад, полузакрыв глаза, и простионала:

— Так настоящая любовь преодолела все — и унижения, и горечь, и тоску, и они встретились, чтоб больше никогда не расставаться...

Я молча ждала перехода от лирики к грубой прозе. И через несколько секунд Шарова спросила:

— Сколько Вы мне поставите? Учтите, ведь никто в классе доклад делать не хотел, а знаете, сколько времени я потратила на поиски этой вещи?

— Выслушаем еще и Медовкина, — сказала я.

... Он спросил меня со скрытой угрозой в голосе, заранее настраиваясь на обиду, на недооценку своих достижений:

— Как вам надо, чтоб я пересказал рассказ или рассказал его содержание?

— А в чем разница?

— Одно короче — другое подробно.

— Короче всегда лучше...

И тогда Медовкин очень косноязычно высмеял рассказ Андреева.

— И так далее и тому подобное, поскольку хлюпики — всегда хлюпики, все те же красоты со скуки.

— И Вас ничего в этом рассказе не поразило?

Медовкин медленно перевел на меня свои желтые глаза.

— Мелкие душонки, и что им сочувствовать?! Или делать, или не делать, а переживать-то зачем? Мне больше его пьеса «Океан» понравилась.

...— В «Океане» герой рвет со всем во имя независимости — с родными, с любовью, с дружбой.

— Ой, ужас?! — не выдержала Комова. — Зачем?

Медовкин не обратил внимания на ее вопрос, в классе было не больше пяти-шести человек, которых он считал достойными общения.

— У него была цель — стать человеком вселенной, а для этого человек должен быть освобожден от всяких привязанностей.

Против воли в тоне Медовкина прозвучало восклицание.

— Прямо фашизм, — тихо произнес Саша Пушкин, но его все услышали, а Медовкин негодуяюще раздул ноздри.

...— Простите, Медовкин, — остановила я непредусмотренную дискуссию, — об «Океане» не стоит говорить сейчас подробно, его ведь почти никто не читал, а вот меня интересует другое, хотя, может быть, это и нескромно спрашивать: но вы сами читали «Рассказ о семи повешенных»?

Мальчик так сжал зубы, что у него на зеленовато-оледных щеках заплясали желваки. Можно было подумать, что я применяю к нему пытки.

— Какое это имеет значение? Я понял — понял, я рассказал — рассказал, а остальное — мое личное дело.

— Да, но пересказали вы не свое мнение, а различных критиков, поверив их оценкам и не попытавшись проверить, так ли уж они правы, познакомившись с самим произведением.

... Я поставила за оба «доклада» тройки*, пояснив, что Шарова сделала лишь пересказ текста, а Медовкин — пересказ критических статей. Мне же хотелось услышать от них анализ рассматриваемых произведений, их личную оценку прочитанного.

* По пятибалльной системе оценивания.

36 СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ И МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ НОРМЫ

К заданию 12. Прочитайте текст, составленный по материалам журнальных статей. Озаглавьте его.

Если перед вами встанет вопрос о выборе имени для ребенка, помните об ответственности, которая ложится на вас: имя становится не просто словом, а частью личности своего обладателя. Имя не должно создавать трудности в жизни человека, а поменять его он сможет только тогда, когда станет совершеннолетним.

Выбирая имя, помните, что:

1) распространенные имена кажутся слишком банальными, и самолюбие ребенка будет уязвлено, он будет теряться в кругу своих сверстников;

2) нестандартные имена привлекают к себе много внимания со стороны окружающих — чересчур много для стеснительных людей; часто дети подвергаются насмешкам и нападкам со стороны сверстников из-за своего необычного имени;

3) модные сегодня имена со временем могут звучать уже не так красиво, а иногда даже нелепо, поэтому не следуйте моде;

4) ласковые и мягкие имена снижают у окружающих уважение к его обладателю;

5) имя должно сочетаться с отчеством и фамилией. Согласитесь, что Леся Тарасовна или Александр Тарасович, звучит лучше, чем Диана Тарасовна или Генрих Тарасович;

6) произнесение имени вслух помогает оценить его акустические качества. Лучше воспринимается на слух полное имя, если:

- а) в нем только один звук *р* (сравн.: *Кирилл Петрович* и *Иван Петрович*, *Раиса Петровна* и *Людмила Петровна*);
- б) имя заканчивается на согласный звук, а отчество начинается на гласный (и наоборот, сравн.: *Олег Кириллович* и *Олег Иванович*, *Любовь Витальевна* и *Раиса Витальевна*);
- с) короткое имя сопровождается длинным отчеством и наоборот: *Олег Александрович*, но *Любовь Олеговна*.

Читаем художественный текст

Гершеле — герой еврейского фольклора, прототип главного героя рассказа И. Бабеля «Шабос-нахаму»

Рассказ И. Бабеля «Шабос-нахаму» 1918 года входит в цикл «Гершеле», навеянный писателю еврейским фольклором. Главный его герой — многодетный, обременённый бытом бедняк Гершеле, прототипом которого является полулегендарный Острополер — плут, озорник и острослов, чьё жизнеописание основывается исключительно на устных рассказах, в которых реальные события переплетаются с вымыслом. Известно, что его жизнь относится ко второй половине XVIII века, был он шутом и бадханом — увеселителем, забавлявшим гостей на семейных торжествах, главным образом на свадьбах, в детстве показал поразительные способности к учению и ему прочили будущее мудреца.

По некоторым еврейским преданиям, Острополер был резником (то есть специалистом по убою скота и птицы в соответствии с еврейскими ритуальными предписаниями) в волынском местечке Острополь. Ему пришлось покинуть родной городок, так как своими нелюбимыми островами он задел самолюбие главы местной общины. После этого Острополер долго странствовал по Подолью, кормясь случайными заработками и подавниями, пока не был приглашён ко двору цадика Баруха бен Иехиэля из Меджибожа. Неутомимый балагур и очень неглупый человек, Острополер не только развлекал цадика своими весёлыми анекдотами, стараясь избавить его от меланхолии, но порой и порицал за несдержанность характера и приступы гнева. Говорят, что за одну из своих острот в адрес цадика Острополер был сброшен с лестницы и вскоре умер от ушибов. Эта версия смерти Острополера и его «весёлые» похороны отражены в народных сказаниях и некоторых рассказах еврейских писателей.

«Здесь похоронен святой раввин
Цви из Острополя,
именцёмый Гершеле Острополер,
праведник и богобоязненный,
проживавший в Галиции,
в третьем поколении хасидизма
придворный шут рабби Боруха из
Меджибожа,
внука Баал Шем Това»

Долгое время место его захоронения оставалось неизвестным, но в 2012 г. на кладбище в Меджибоже была найдена надгробная плита. Несмотря на определённые сомнения, что это точное место захоронения Гершеле Острополера, на еврейском кладбище появилась мемориальная табличка.

Сборники рассказов и анекдотов об Острополере изданы на разных языках: идиш, иврите, русском, немецком, английском и других.

- Прочитайте два анекдота о Гершеле Острополе, подумайте, что в его поведении отражает народную мудрость. Каким вы представили этого героя? Можно ли его назвать мудрецом?

Потерянный рубль

Проходя однажды с приятелем мимо базара, Гершеле заметил, что какая-то женщина, причитая, роется в мусоре.

— Боже мой, чем я буду кормить детей?

— Что случилось? — поинтересовался Гершеле.

Женщина рассказала, что у нее был единственный рубль, на который она собиралась купить еды, и этот рубль потерялся.

— Но почему вы ищете именно тут? — говорит Гершеле. — Он же мог потеряться по дороге?

— Нет! — плачет женщина. — Сердце подсказывает, что где-то здесь.

— Поможем? — предлагает Гершеле приятелю, принимается шарить по земле и незаметно подбрасывает рубль.

— Вот он!

— Сердце меня не обманывало! — восклицает женщина, сама не своя от радости. Когда Гершеле с приятелем остались одни, тот его спрашивает:

— Зачем ты такое устроил? Можно же было рубль просто подарить!

— Э, нет! Она бы тогда еще долго копалась в мусоре, считая, что дареный — это дареный, а свой, на который она так рассчитывала, — это свой!

Гершеле Острополер.
Музей смеха «Трикстер»

Редкий план

В молитвенном доме у печки рассуждали, почему люди живут по-разному: для одних жизнь — праздник, для других — мука.

Один из запечных мудрецов глубокомысленно изрек:

— Если б у людей были средства на жизнь, то и нужды бы не было...

Второй на это:

— Вы правы... Нужда дыхнуть не дает. Но у меня есть план, как все исправить. Люди должны сложить что у кого имеется — деньги, имущество — в один сундук, и пусть потом каждый берет сколько кому надо. И всем будет хорошо... Ну, так это не план?

— Это план!.. Это очень хороший план! — согласились все и обращаются к Гершеле:

— А ты почему молчишь? Ты так не думаешь?

— Я думаю, — отвечает Гершеле, — что это план, каких еще не было. Но прежде чем действовать, давайте разделим обязанности — я берусь уговорить бедняков, а вы уговорите богатых...

К заданию 4.

Прочитайте рассказ И. Бабеля «Шабос-нахаму». Опишите ваши впечатления, ответьте на вопросы и выполните задания.

- Сравните свои выводы о Гершеле после прочтения анекдотов о нем с теми впечатлениями, что появятся у вас, когда вы прочитаете рассказ И. Бабеля «Шабос-нахаму». Как изменилось ваше отношение к герою: стало ли оно другим или укрепилось и углубилось? Организуйте обмен мнениями со своими одноклассниками и одноклассницами в форме диалога или дискуссии, придумав название, отражающее главные идеи рассказа.

Шабос-нахаму¹

Из цикла «Гершеле»

Было утро, был вечер — день пятый. Было утро, наступил вечер — день шестой. В шестой день — в пятницу вечером — нужно помолиться; помолвившись — в праздничном капоре² пройтись по местечку и к ужину поспеть домой. Дома еврей выпивает рюмку водки, — ни Бог, ни Талмуд³ не запрещают ему выпить две, — съедает фаршированную рыбу и кугель с изюмом⁴. После ужина ему становится весело. Он рассказывает жене истории, потом спит, закрыв один глаз и открыв рот. Он спит, а Гапка в кухне слышит музыку — как будто из местечка пришел слепой скрипач, стоит под окном и играет.

Так водится у каждого еврея. Но каждый еврей — это не Гершеле. Недаром слава о нем прошла по всему Острополю⁵, по всему Бердичеву, по всему Вилуйску.

Из шести пятниц Гершеле праздновал одну. В остальные вечера — он с семьей сидели во тьме и в холоде. Дети плакали. Жена швыряла укоры. Каждый из них был тяжел, как булыжник. Гершеле отвечал стихами.

Однажды — рассказывают такой случай — Гершеле захотел быть предусмотрительным. В среду он отправился на ярмарку, чтобы к пятнице заработать денег. Где есть ярмарка — там есть пан. Где есть пан — там вертятся десять евреев. У десяти евреев не заработаешь трёх грошей. Все слушали шуточки Гершеле, но никого не оказывалось дома, когда дело подходило к расчету.

¹ *Шабос-нахаму* — еврейский религиозный праздник, суббота утешения.

² *Капор* — женский головной убор, соединяющий в себе черты чепца и шляпы. У капора высокая шляпная тулья (для убранных на затылок волос) и обрамляющие лицо широкие жесткие поля, сужающиеся к затылку. Капор удерживался на голове широкими лентами, завязывавшимися под подбородком бантом.

³ *Талмуд* — свод правил, основанных на толковании Библии и регламентирующих религиозные, правовые отношения и быт верующих евреев.

⁴ *Кугель с изюмом* — сладкое блюдо из лапши с яйцами, напоминающее пудинг или запеканку.

⁵ *Старый Острополь* — село в Староконстантиновском районе Хмельницкой области Украины. Острополь был значительным центром волынско-подольской еврейской общины.

С желудком пустым, как духовой инструмент, Гершеле поплелся домой.

— Что ты заработал? — спросила у него жена.

— Я заработал загробную жизнь, — ответил он. — И богатый и бедный обещали мне ее.

У жены Гершеле было только десять пальцев. Она поочередно загибала каждый из них. Голос ее гремел, как гром в горах.

— У каждой жены — муж как муж. Мой же только и умеет, что кормить жену словечками. Дай бог, чтобы к Новому году у него отнялся язык, и руки, и ноги.

— Аминь, — ответил Гершеле.

— В каждом окне горят свечи, как будто дубы зажгли в домах. У меня же свечи тонки, как спички, и дыму от них столько, что он рвется к небесам. У всех уже поспел белый хлеб, а мне муж принес дров мокрых, как только что вымытая коса...

Гершеле не обмолвился ни единым словом в ответ. Зачем подбрасывать поленьев в огонь, когда он и без того горит ярко? Это первое. И что можно ответить сварливой жене, когда она права? Это второе.

Пришло время, жена устала кричать. Гершеле отошел, лег на кровать и задумался.

— Не поехать ли мне к рабби¹ Борухл? — спросил он себя.

(Всем известно, что рабби Борухл страдал черной меланхолией и для него не было лекарства лучшего, чем слова Гершеле.)

— Не поехать ли мне к рабби Борухл? Служки цадика² дают мне кости, а себе берут мясо. Это правда. Мясо лучше костей, кости лучше воздуха. Поедем к рабби Борухл.

Гершеле встал и пошёл запрягать лошадь. Она взглянула на него строго и грустно.

«Хорошо, Гершеле, — сказали ее глаза, — ты вчера не дал мне овса, позавчера не дал мне овса, и сегодня я ничего не получила. Если ты и завтра не дашь мне овса, то я должна буду задуматься о своей жизни».

Гершеле не выдержал внимательного взгляда, опустил глаза и погладил мягкие лошадиные губы. Потом он вздохнул так шумно, что лошадь всё поняла, и решил: «Я пойду пешком к рабби Борухл».

Когда Гершеле отправился в путь — солнце высоко стояло на небе. Горячая дорога убегала вперед. Белые волы медленно тащили повозки с душистым сеном. Мужики, свесив ноги, сидели на высоких возах и помахивали длинными кнутами. Небо было синее, а кнуты черные.

Пройдя часть дороги — верст пять, — Гершеле приблизился к лесу. Солнце уже уходило со своего места. На небе разгорались нежные

¹ *Рабби* — обращение к раввину, главе еврейской общины и законоучителю в иудаизме.

² *Цадик* — (ивр. — праведник) — в иудаизме: благочестивый, безгрешный человек (святой), пользующийся особым расположением Бога, духовный вождь еврейской общины.

пожары. Босые девочки гнали с пастбища коров. У каждой из коров раскачивалось наполненное молоком розовое вымя.

В лесу Гершеле встретила прохлада, тихий сумрак. Зеленые листья склонялись друг к другу, гладили друг друга плоскими руками и, тихонько пошептавшись в вышине, возвращались к себе, шелестя и вздрагивая.

Гершеле не внимал их шепоту. В желудке его играл оркестр такой большой, как на балу у графа Потоцкого. Путь ему лежал далекий. С боков земли спешила легкая тьма, смыкалась над головою Гершеле и развевалась по земле. Недвижимые фонари зажглись на небе. Земля замолчала.

Настала ночь, когда Гершеле подошел к корчме. В маленьком окошке светился огонек. У окошка в теплой комнате сидела хозяйка Зельда и шила пеленки. Живот ее был столь велик, точно она собиралась родить тройку. Гершеле взглянул на ее маленькое красное личико с голубыми глазами и поздоровался.

— Можно у вас отдохнуть, хозяйка?

— Можно.

Гершеле сел. Ноздри его раздувались, как кузнечные мехи. Жаркий огонь сверкал в печи. В большом котле кипела вода, обдавая пеной белоснежные вареники. В золотистом супе покачивалась жирная курица. Из духовой несся запах пирога с изюмом.

Гершеле сидел на лавке, скорчившись, как роженица перед родами. В одну минуту в его голове рождалось больше планов, чем у царя Соломона насчитывалось жен.

В комнате было тихо, кипела вода, и качалась на золотистых волнах курица.

— Где ваш муж, хозяйка? — спросил Гершеле.

— Муж уехал к пану платить деньги за аренду. — Хозяйка замолчала. Детские ее глаза выпучились. Она сказала вдруг: — Я вот сижу здесь у окна и думаю. И я хочу вам задать вопрос, господин еврей. Вы, наверное, много странствуете по свету, учились у ребе и знаете про нашу жизнь. Я ни у кого не училась. Скажите, господин еврей, скоро ли придет к нам шабос-нахаму?

«Эге, — подумал Гершеле. — Вопросец хорош. Всякая картошка растет на божьем огороде...»

— Я вас спрашиваю потому, что муж обещал мне — когда придет шабос-нахаму, мы поедем к мамаше в гости. И платье я тебе куплю, и парик новый, и к рабби Моталэми поедем просить, чтобы у нас родился сын, а не дочь, — все это тогда, когда придет шабос-нахаму. Я думаю — это человек с того света?

— Вы не ошиблись, хозяйка, — ответил Гершеле. — Сам бог положил эти слова на ваши губы... У вас будет и сын, и дочь. Это я и есть шабос-нахаму, хозяйка.

Пеленки сползли с колен Зельды. Она поднялась, и маленькая ее головка стукнулась о перекладину, потому что Зельда была высока и жир-

на, красна и молода. Высокая грудь ее походила на два тугих мешочка, набитых зерном. Голубые глаза ее раскрылись, как у ребенка.

— Это я и есть шабос-нахаму, — подтвердил Гершеле. — Я иду уже второй месяц, хозяйка, иду помогать людям. Это длинный путь — с неба на землю. Сапоги мои изорвались. Я привез вам поклон от всех ваших.

— И от тети Песи, — закричала женщина, — и от папаши, и от тети Голды, вы знаете их?

— Кто их не знает? — ответил Гершеле. — Я говорил с ними так, как говорю теперь с вами.

— Как они живут там? — спросила хозяйка, складывая дрожащие пальцы на животе.

— Плохо живут, — уныло промолвил Гершеле. — Как может житься мертвому человеку? Балов там не задают...

Хозяйкины глаза наполнились слезами.

— Холодно там, — продолжал Гершеле, — холодно и голодно. Они же едят, как ангелы. Никто на том свете не имеет права кушать больше, чем ангелы. Что ангелу надо? Он хватит глоток воды, ему довольно. Рюмочку водки вы там за сто лет не увидите ни разу...

— Бедный папаша... — прошептала пораженная хозяйка.

— На пасху он возьмет себе одну латку. Блин ему хватает на сутки...

— Бедная тетя Песя, — задрожала хозяйка.

— Я сам голодный хожу, — склонив набок голову, промолвил Гершеле, и слеза покатилась по его носу и пропала в бороде. — Мне ведь ни слова нельзя сказать, я считаюсь там из их компании...

Гершеле не докончил своих слов.

Топоча толстыми ногами, хозяйка стремительно несла к нему тарелки, миски, стаканы, бутылки. Гершеле начал есть, и тогда женщина поняла, что он действительно человек с того света.

Для начала Гершеле съел политую прозрачным салом рубленую печенку с мелко порубленным луком. Потом он выпил рюмку панской водки (в водке этой плавали апельсиновые корки). Потом он ел рыбу, смешав ароматную уху с мягким картофелем и вылив на край тарелки полбанки красного хрена, такого хрена, что от него заплакали бы пять панов с чубами и кунтушами¹.

После рыбы Гершеле отдал должное курице и хлебал горячий суп с плававшими в нем капельками жира. Вареники, купавшиеся в расплавленном масле, прыгали в рот Гершеле, как заяц прыгает от охотника. Не надо ничего говорить о том, что случилось с пирогом, что могло с ним случиться, если, бывало, по целому году Гершеле в глаза пирога не видел?..

После ужина хозяйка собрала вещи, которые она через Гершеле решила послать на тот свет, — папаше, тете Голде и тете Песе. Отцу она положила новый талес², бутылку вишневой настойки, банку малинового варенья и кисет табаку. Для тети Песи были приготовлены теплые серые чулки. К тете Голде поехали старый парик, большой гребень и молит-

¹ Кунтуш, кунтуш — верхняя мужская или женская одежда с отрезной приталенной спинкой и небольшими сборками и отворотами на рукавах.

² Талес — молитвенное покрывало у верующих евреев.

венник. Кроме этого, она снабдила Гершеле сапогами, караваем хлеба, шкварками и серебряной монетой.

— Кланяйтесь, господин шабос-нахаму, кланяйтесь всем, — напутствовала она Гершеле, уносившего с собой тяжелый узел. — Или погодите немного, скоро муж придет.

— Нет, — ответил Гершеле. — Надо спешить. Неужели вы думаете, что вы у меня одна?

В темном лесу спали деревья, спали птицы, спали зеленые листья. Побледневшие звезды, сторожащие нас, задремали на небе.

Отойдя с версту, запыхавшийся Гершеле остановился, скинул узел со спины, сел на него и стал рассуждать сам с собою.

— Ты должен знать, Гершеле, — сказал он себе, — что на земле живет много дураков. Хозяйка корчмы была дура. Муж ее, может быть, умный человек, с большими кулаками, толстыми щеками — и длинным кнутом. Если он придет домой и нагонит тебя в лесу, то...

Гершеле не стал затруднять себя приисканием ответа. Он тотчас же закопал узел в землю и сделал знак, чтобы легко найти заветное место.

Потом он побежал в другую сторону леса, разделся догола, обнял ствол дерева и принялся ждать. Ожидание длилось недолго. На рассвете Гершеле услышал хлопанье кнута, причмокивание губ и топот копыт. Это ехал корчмарь, пустившийся в погоню за господином шабос-нахаму.

Поравнявшись с голым Гершеле, обнявшим дерево, корчмарь остановил лошадь, и лицо его сделалось таким же глупым, как у монаха, повстречавшегося с дьяволом.

— Что вы делаете здесь? — спросил он прерывистым голосом.

— Я человек с того света, — ответил Гершеле уныло. — Меня ограбили, забрали важные бумаги, которые я везу к рабби Борухл...

— Я знаю, кто вас ограбил, — завопил корчмарь. — И у меня счета с ним. Какой дорогой он убежал?

— Я не могу сказать, какой дорогой, — горько прошептал Гершеле. — Если хотите, дайте мне вашу лошадь, я догоню его в мгновение. А вы подождите меня здесь. Разденьтесь, станьте у дерева, поддерживайте его, не отходя ни на шаг до моего приезда. Дерево это — священное, много вещей в нашем мире держится на нем...

Гершеле недолго нужно было всматриваться в человека, чтобы узнать, чем человек дышит. С первого взгляда он понял, что муж недалеко ушел от жены.

И вправду, корчмарь разделся, встал у дерева. Гершеле сел на повозку и поскакал. Он откопал свои вещи, взвалил их на телегу и довез до опушки леса.

Там Гершеле снова взвалил узел на плечи и, бросив лошадь, зашагал по дороге, которая вела прямо к дому святого рабби Борухл.

Было уже утро. Птицы пели, закрыв глаза. Лошадь корчмаря, понурясь, повезла пустую телегу к тому месту, где она оставила своего хозяина.

Он ждал ее, прижавшись к дереву, голый под лучами восходившего солнца. Корчмарю было холодно. Он переминался с ноги на ногу.

38–39

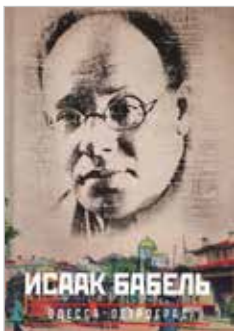
ТЕКСТ ПУБЛИЧНОГО ВЫСТУПЛЕНИЯ И ЕГО
СПЕЦИФИКА КАК РИТОРИЧЕСКОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ.
ЧТЕНИЕ И АНАЛИЗ ЛУЧШИХ ОБРАЗЦОВ ПУБЛИЧНЫХ
ВЫСТУПЛЕНИЙ

К заданию 6.

Рассмотрите карикатуры на тему «Оратор». Какие качества оратора высмеиваются? Придумайте свою карикатуру на тему ораторского искусства.

Читаем художественный текст

1 том Собрания сочинений И. Э. Бабеля, в который вошли произведения «одесского» и «петроградского» периодов. 2017 г.

Большинство рассказов-очерков И. Бабеля, вошедших в сборник «Петербургский дневник», написаны во второй половине 1910-х годов и публиковались в марте–июле 1918 года в газете «Новая жизнь», редактируемой Максимом Горьким, под рубрикой «Дневник».

Рассказы «Вечер у императрицы» (подзаголовок «Из петербургского дневника») и «Ходя» (подзаголовок «Из книги “Петербург, 1918”») опубликованы в одесском журнале «Силуэты» в 1922–1923 годах. Воспринимал ли сам Бабель эти произведения как цикл, неизвестно, и в творческом наследии Бабеля петербургская проза представляется книгой, не получившей окончательного оформления и заглавия.

К рубрике «Дома»

Прочитайте рассказ «Публичная библиотека», охарактеризуйте его героев. Как относится автор к «царству книги» — библиотеке, в чем проявляется двойственность этого отношения? Каким образом в рассказе отражена атмосфера времени? В каком жанре вы хотели бы выразить свои впечатления: в форме отзыва, рецензии, письма или эссе?

Публичная библиотека

То, что это царство книги, чувствуешь сразу. Люди, обслуживающие библиотеку, прикоснулись к книге, к отраженной жизни, и сами как бы сделались отражением живых, настоящих людей. Даже служители в раз-

Императорская Общественная библиотека в Санкт-Петербурге

девальтной загадочно тихи, исполнены созерцательного спокойствия, не брюнеты и не блондины, а так — нечто среднее... Дома они, может быть, под воскресенье пьют денатурат и долго бьют жену, но в библиотеке характер их не шумлив, не приметен и завуалированно сумрачен.

Есть и такой служитель: рисует. В глазах у него ласковая грусть. Раз в две недели, снимая пальто с толстого человека в черном пиджаке, он негромко говорит о том, что «Николай Николаевич мои рисунки

одобрили и Константин Васильевич также одобрили, первоначальное я превзошёл, но куда податься, между прочим, совсем неизвестно».

Толстый человек слушает. Он репортер, женат, обжорлив и заработался... Раз в две недели ходит в библиотеку отдыхать — читает об уголовных процессах, старательно рисует на бумажке план помещения, где произошло убийство, очень доволен и забывает о том, что женат и заработался.

Репортер слушает служителя с испуганным недоумением и думает о том — вот ведь как поступить с таким человеком? Дать гривенник, когда уйдешь, — может обидеться: художник; не дать — тоже может обидеться: все-таки служитель.

В читальном зале — служащие повыше: библиотекари. Одни из них — «замечательные» — обладают каким-нибудь ярко выраженным физическим недостатком: у этого пальцы скрючены, у того съехала на бок голова и так и осталась. Они плохо одеты, тощи до крайности. Похоже на то, что ими фанатически владеет какая-то мысль, миру не известная.

Хорошо бы их описал Гоголь! У библиотекарей «незамечательных» — начинающаяся нежная лысина, серые чистые костюмы, корректность во взорах и тягостная медлительность в движениях. Они постоянно что-то жуют и двигают челюстями, хотя ничего у них во рту нет, говорят привычным шепотом; вообще испорчены книгой, тем, что нельзя сочно зевнуть. Публика теперь, во время войны, изменилась. Меньше студентов. Совсем мало студентов. В кои-то веки увидишь студента, безболно погибающего в уголку. Это — «белобилетник»¹. Он в роговых пенсне или деликатно подхрамывает. Есть, впрочем, еще государственники. Государственник — это человек рыхловатый, с обвисающими усами, уставший от жизни и большой созерцатель: что-то почитает, о чем-то подумает, посмотрит на узоры ламп и поникнет к книге. Ему надо кончать университет, надо идти в солдаты, а, в общем, зачем торопиться? Успеется. Прежний студент вернулся в библиотеку в обличье раненого офицера, с черной повязкой. Рана его заживает. Он молод и румян. Пообедал, прошелся по Невскому. На Невском уже огни совершают победное шествие. Вечерняя биржевка. У Елисеева выставлен виноград в просе.

В гости еще рано. Офицер идет по старой памяти в Публичку, вытягивает под столом, за которым сидит, длинные ноги и читает «Аполлон»². Скучновато. Напротив сидит курсистка. Учит анатомию и срисовывает желудок в тетраточку. Происхождения она приблизительно калужского — широколица, ширококостна, румяна, добросовестна и вынослива. Если у нее есть возлюбленный, то это лучшее решение вопроса — добротный материал для любви.

Возле нее живописное tableau³ — неизменная принадлежность каждой публичной библиотеки в Российской империи — спит еврей. Он изможден. Волос его пламенно черен. Щеки впали. Лоб в шишках, рот полукрывает. Он посапывает. Откуда он — неизвестно. Есть ли право на

¹ *Белобилетники* — люди, по болезни освобожденные от военной службы.

² «Аполлон» — журнал модернистского направления, выходивший в Петербурге-Петрограде в 1909–1917 гг.

³ *Tableau* — (с фр.) изображение, картина.

жительство — неизвестно. Читает каждый день. Спит тоже каждый день. На лице ужасная неистребимая усталость и почти безумие. Мученик книги, особенный, еврейский неугасимый мученик.

Вблизи стойки библиотекаря с выдающимся интересом читает большая женщина в серой кофте и с широкой грудной клеткой. Она из тех, кто говорит в библиотеке неожиданно громко, откровенно и восторженно удивляется книжным словесам и, исполненная восхищения, заговаривает с соседями. Читает она вот почему — ищет способ домашнего приготовления мыла. Лет ей приблизительно — сорок пять. Нормальна ли она? Этим вопросом задаются многие.

Есть еще один постоянный посетитель. Жиденский полковник в просторном кителе, в широких штанах и очень хорошо вычищенных сапожках. Ножки у него маленькие, усы — цвета пепла сигары. Мажет их фиксатуром, отчего получается гамма темно-серых цветов. Во дни оны он был настолько бездарен, что не мог дослужиться до полковника, чтобы выйти в отставку генерал-майором. Будучи в отставке, весьма надоедал садовнику, прислуге и внуку. 73-х лет от роду проникся мыслью написать историю своего полка.

Пишет. Обложен тремя пудами материалов. Любим библиотекарями. Здоровается с ними с отменной вежливостью. Домашним больше не надоедает. Прислуга с удовольствием доводит сапожки до предельного блеска.

Много еще бывает в Публичке всякого народу. Всех не опишешь. Вот столь измызганный субъект, что ему под стать только писать роскошную монографию о балете. Физиономия — трагическое издание лица Гауптмана¹, корпус незначителен.

Есть, конечно, чиновники, вонзающиеся в груды «Русского инвалида» и «Правительственного вестника». Есть провинциальные юноши — во время чтения пламенеющие.

Вечер. В зале полумрак. У столов неподвижные фигуры — собрание усталости, любознательности, честолюбия...

За широкими окнами вьется мягкий снег. Недалеко — на Невском — кипит жизнь. Далеко — на Карпатах — льется кровь.

¹ Гауптман Герхарт (1862–1946) — немецкий прозаик и драматург.

42

МИХАИЛ ЗОЩЕНКО. «ИСПОВЕДЬ». «КРЕСТЬЯНСКИЙ САМОРОДОК»

К заданию 2. Прочитайте рассказ М. Зощенко «Исповедь». Ответьте на вопросы и выполните задания.

- Рассказ М. Зощенко «Исповедь» был написан в 1923 году и относится критиками к циклу так называемых «церковных рассказов». Это было время, когда ломался мир привычных традиций и люди переживали мучительные сомнения. Одна из современных читательниц так отзывалась об этом рассказе: «Согласитесь, “Исповедь” — довольно знаковое название. В этом рассказе, как мне кажется, довольно мало сатиры и юмора, которыми Зощенко известен большинству читателей, а есть боль за человека, сострадание к нему. На мой взгляд, это очень грустное произведение, какое-то обреченно-тоскливое, хоть плачь. То ли я выросла и смеяться над некоторыми вещами уже не тянет, то ли эти вещи никогда и не были смешными — не понять». Прочитав рассказ, опишите свои впечатления: в чем они совпадают с мыслями в отзыве читательницы, а о чем бы вы поспорили.

Исповедь

На страстной неделе бабка Фекла сильно разорилась — купила за двугривенный свечку и поставила ее перед угодником.

Фекла долго и старательно прилаживала свечку поближе к образу. А когда приладила, отошла несколько поодаль и, любуясь на дело своих рук, принялась молиться и просить себе всяких льгот и милостей взамен истраченного двугривенного.

Фекла долго молилась, бормоча себе под нос всякие свои мелкие просьбишки, потом, стукнув лбом о грязный каменный пол, вздыхая и кряхтя, пошла к исповеди.

Исповедь происходила у алтаря за ширмой.

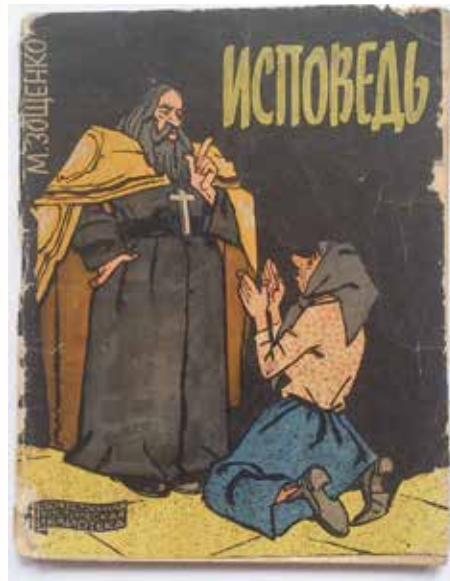
Бабка Фекла встала в очередь за какой-то древней старушкой и снова принялась мелко креститься и бормотать. За ширмой долго не задерживали.

Исповедники входили туда и через минуту, вздыхая и тихонько откашливаясь, выходили, кланяясь угодникам.

«Торопится поп, — подумала Фекла. — И чего торопится? Не пожар ведь. Неблаголепно ведет исповедь».

Фекла вошла за ширму, низко поклонилась попу и припала к ручке.

— Как звать-то? — спросил поп, благословляя.

Обложка книги
М. Зощенко «Исповедь».
Художник В. Добровольский.
1965 г.

— Феклой зовут.

— Ну, рассказывай, Фекла, — сказал поп, — какие грехи? В чем грешна? Не злословишь ли по-пустому? Не редко ли к Богу прибегаешь?

— Грешна, батюшка, конечно, — сказала Фекла, кланяясь.

— Бог простит, — сказал поп, покрывая Феклу епитрахилью. — В Бога-то веруешь ли? Не сомневаешься ли?

— В Бога-то верую, — сказала Фекла. — Сын-то, конечно, приходит, например, выражается, осуждает, одним словом. А я-то верую.

— Это хорошо, матка, — сказал поп. — Не поддавайся легкому соблазну. А чего, скажи, сын-то говорит? Как осуждает?

— Осуждает, — сказала Фекла. — Это, говорит, пустяки — ихняя вера. Нету, говорит, не существует бога, хоть все небо и облака обыщи...

— Бог есть, — строго сказал поп. — Не поддавайся на это... А чего, вспомни, сын-то еще говорил?

— Да разное говорил.

— Разное, — сердито сказал поп. — А откуда все сие окружающее? Откуда планеты, звезды и луна, если бога-то нет? Сын-то ничего такого не говорил — откуда, дескать, все сие окружающее? Не химия ли это? Припомни — не говорил он об этом? Дескать, все это химия, а?

— Не говорил, — сказала Фекла, моргая глазами.

— А может, и химия, — задумчиво сказал поп. — Может, матка, конечно, и Бога нету — химия все...

Бабка Фекла испуганно посмотрела на попа. Но тот положил ей на голову епитрахиль и стал бормотать слова молитвы.

— Ну иди, иди, — уныло сказал поп. — Не задерживай верующих.

Фекла еще раз испуганно оглянулась на попа и вышла, вздыхая и смиренно покашливая. Потом подошла к своему угодничку, посмотрела на свечку, поправила обгоревший фитиль и вышла из церкви.

1923

К заданию 3.

Прочитайте рассказ М. Зощенко «Крестьянский самородок». Ответьте на вопросы и выполните задания.

- Знаете ли вы, что такое графомания и кто такой графоман? Википедия объясняет: «Графомания (от греч. γράφω — писать, чертить, изображать и греч. μανία — страсть, безумие, влечение) — патологическое стремление к писательству, к сочинению произведений, претендующих на публикацию в литературных изданиях. Страдающий графоманией, то есть графоман, может писать художественные произведения при полном отсутствии каких бы то ни было творческих способностей. Написанное графоманами большей частью банально или даже бессмысленно по содержанию». Явление графомании широко распространилось в последние годы. Можно ли, на ваш взгляд, назвать Ивана Филипповича Овчинникова, героя рассказа М. Зощенко «Крестьянский самородок», графоманом, как часто делают современные читатели, не особенно задумывающиеся над смыслом произведения? Аргументируйте своё мнение, приводя примеры из текста.

Крестьянский самородок

Фамилию этого самородка и крестьянского поэта я в точности не запомнил. Кажется — Овчинников. А имя у него было простое — Иван Филиппович.

Приходил Иван Филиппович ко мне три раза в неделю. Потом стал ходить ежедневно.

Дела у него были ко мне несложные. Он тихим, как у таракана, голосом читал свои крестьянские стишки и просил, по возможности скорей, пристроить их по знакомству в какой-нибудь журнал или газетку.

— Хотя бы одну штукювину напечатали, — говорил Иван Филиппович. — Охота посмотреть, как это выглядит в печати.

Иногда Иван Филиппович присаживался на кровать и говорил, вздыхая:

— К поэзии, дорогой товарищ, я имею склонность, прямо скажу, сыздетства. Сыздетства чувствую красоту и природу... Бывало, другие ребята хохочут, или рыбку удют, или в пяточок играют, а я увижу, например, бычка или тучку и переживаю... Очень я эту красоту сильно понимал. Тучку понимал, ветерок, бычка... Это всё я, уважаемый товарищ, очень сильно понимал.

Несмотря на понимание бычков и тучек, стишки у Ивана Филипповича были весьма плохие. Надо бы хуже, да не бывает. Единственно подкупало в них полное отсутствие всяких рифм.

— С рифмами я стихотворения не пишу, — признавался Иван Филиппович. — Потому с рифмами с этими одна путаница выходит. И пишется меньше. А плата всё равно — один чёрт, что с рифмой, что и без рифмы.

Первое время я честно ходил по редакциям и предлагал стишки, но после и ходить бросил — не брали...

Иван Филиппович приходил ко мне рано утром, садился на кровать и спрашивал:

— Ну как? Не берут?

— Не берут, Иван Филиппович.

— Чего же они говорят? Может, они, как бы сказать, в происхождении моем сомневаются? То пуцай не сомневаются — чистый крестьянин. Можете редакторам так и сказать: от сохи, дескать. Потому кругом крестьянин. И дед крестьянин, и отец, и которые прадеды были — все насквозь крестьяне. И женились Овчинниковы завсегда на крестьянках. Ей-богу. Бывало, даже смех кругом стоит: «Да чего вы, — говорят, — Овчинниковы, все на крестьянках женитесь? Женитесь, — говорят, — на других...» — «Нету, — говорим, — знаем, что делаем». Ей-богу, уважаемый товарищ. Пуцай не сомневаются...

— Да не в том дело, Иван Филиппович. Так не берут. Не созвучно, говорят, эпохе.

— Ну это уж они тово, — возмущался Иван Филиппович. — Это-то не созвучные стихотворения? Ну, это они объелись... Как это не созвучные, раз я сыздетства природу чувствовал? И тучку понимал, бычка... За что же, уважаемый товарищ, не берут-то? Пуцай скажут. Нельзя же голословно оскорблять личности! Пуцай хотя одну штукювину возьмут.

Натиск поэта я стойко выдерживал два месяца.

Два месяца я, нервный и больной человек, отравленный газами в германскую войну, терпел нашествия Ивана Филипповича из уважения к его происхождению. Но через два месяца я стал сдавать.

И наконец, когда Иван Филиппович принес мне большую поэму или балладу, черт ее разберет, я окончательно сдал.

— Ага, — сказал я, — поэмку принесли?

— Поэмку принес, — добродушно подтвердил Иван Филиппович, — очень сильная поэмка вышла... Два дня писал... Как прорвало. Удержу нет...

— С чего бы это?

— Да уж не знаю, уважаемый товарищ. Творчество нашло. Пишешь и пишешь. Руку будто кто водит за локоть. Вдохновенье...

— Вдохновенье! — сказал я. — Стишки пишешь... Работать нужно, товарищ, вот что! Дать бы тебе камни на солнцепеке колоть, небось бы...

Иван Филиппович оживился и просиял:

— Дайте, — сказал он. — Если есть, дайте. Прошу и умоляю. Потому до крайности дошло. Второй год без работы пухну. Хотя бы какую работишку найти...

— То есть как? — удивился я. — А поэзия?

— Какая поэзия, — сказал Иван Филиппович тараканьим голосом. — Жрать надо... Поэзия!.. Не только поэзия, я, уважаемый товарищ, черт знает на что могу пойти... Поэзия...

Иван Филиппович решительным тоном занял у меня трешку и ушел.

А через неделю я устроил Ивана Филипповича курьером в одну из редакций. Стишки он писать бросил.

Нынче, хотя безработицы нету, ходит ко мне бывший делопроизводитель табачной фабрики — поэт от станка. Он откровенно говорит: «Хочу, знаете, к своему скромному канцелярскому заработку немножко подработать на этой самой поэзии».

1924

43 СИНТАКСИЧЕСКИЕ НОРМЫ

К заданию 8. Прочитайте раздел из учебника В. Д. Черняк «Русский язык и культура речи» (2018 г.). Озаглавьте текст. Что нового вы узнали о трудностях перевода прямой речи в косвенную?

Для передачи чужих слов обычно используют конструкции с прямой или косвенной речью. Прямая речь включает в себя два компонента: первый дословно воспроизводит речь какого-либо лица, а второй вводит чужую речь от другого лица. Например: *А. П. Чехов, рассуждая о писательском труде, замечал: «Искусство писать — это искусство сокращать».*

При пересказе чужой речи в авторском повествовании используют косвенную речь. Это способ передачи чужой речи, при котором чужие слова передаются не от лица говорящего, а воспроизводятся в придаточной изъяснительной части сложноподчиненного предложения, глагол речи помещается в его главной части: *А. П. Чехов, рассуждая о писательском труде, замечал, что искусство писать — это искусство сокращать.*

Трудности, возникающие при переводе прямой речи в косвенную, обусловлены необходимостью изменений в грамматическом построении, лексическом составе и эмоциональности чужого высказывания.

При переводе прямой речи в косвенную не сохраняются просторечные слова и выражения, формы косвенных наклонений, вопросительные и восклицательные конструкции, частицы и вводные слова; формы местоимений и глаголов, указывающих на автора передаваемых слов, должны иметь грамматическое значение 3-го лица; исключаются обращения и эмоциональные оценки. Если говорящий или пишущий не учитывает этого, возникают ошибки: *Он попросил меня, что узнай у отца, будет ли на заводе вакансия бухгалтера (из устной речи).*

Ошибки в употреблении косвенной речи могут возникать в результате одновременного использования изъяснительного союза и союзного слова в придаточной части или как результат сохранения употребленных в прямой речи форм лица местоимений и глаголов: *Сын спрашивал отца, что почему теперь ему никто не доверяет.*

Не всегда можно передать содержание чужой речи с помощью конструкций с косвенной речью, в этих случаях следует использовать приемы цитирования.

К заданию 1. Прочитайте рассказ М. Зощенко «Обезьяний язык». Ответьте на вопросы и выполните задания.

- Небольшой рассказ М. Зощенко «Обезьяний язык» был написан в 1925 году, когда жизнь страны стремительно менялась во всех сферах. Изменения коснулись и русского языка, и очень актуальной стала проблема сохранения его чистоты. Прочитав рассказ, сформулируйте, в чем заключается главная цель Зощенко, и приведите аргументы в подтверждение своих мыслей.

Обезьяний язык

Трудный этот русский язык, дорогие граждане! Беда, какой трудный.

Главная причина в том, что иностранных слов в нем до черта. Ну, взять французскую речь. Все хорошо и понятно. Кескесе, мерси, комси — все, обратите ваше внимание, чисто французские, натуральные, понятные слова.

А нуте-ка, сунься теперь с русской фразой — беда. Вся речь пересыпана словами с иностранным, туманным значением.

От этого затрудняется речь, нарушается дыхание и треплются нервы.

Я вот на днях слышал разговор. На собрании было. Соседи мои разговаривались.

Очень умный и интеллигентный разговор был, но я, человек без высшего образования, понимал ихний разговор с трудом и хлопал ушами.

Началось дело с пустяков.

Мой сосед, не старый еще мужчина, с бородой, наклонился к своему соседу слева и вежливо спросил:

— А что, товарищ, это заседание пленарное будет али как?

— Пленарное, — небрежно ответил сосед.

— Ишь ты, — удивился первый, — то-то я и гляжу, что такое? Как будто оно и пленарное.

— Да уж будьте покойны, — строго ответил второй. — Сегодня сильно пленарное и кворум такой подобрался — только держись.

— Да ну? — спросил сосед. — Неужели и кворум подобрался?

— Ей-богу, — сказал второй.

— И что же он, кворум-то этот?

— Да ничего, — ответил сосед, несколько растерявшись. — Подобрался, и все тут.

— Скажи на милость, — с огорчением покачал головой первый сосед. — С чего бы это он, а?

— Второй сосед развел руками и строго посмотрел на собеседника, потом добавил с мягкой улыбкой:

— Вот вы, товарищ, небось, не одобряете эти пленарные заседания... А мне как-то они ближе. Все как-то, знаете ли, выходит в них минимально по существу дня... Хотя я, прямо скажу, последнее время отношусь довольно перманентно к этим собраниям. Так, знаете ли, индустрия из пустого в порожнее.

— Не всегда это, — возразил первый. — Если, конечно, посмотреть с точки зрения. Вступить, так сказать, на точку зрения и отсюда, с точки зрения, то да — индустрия конкретно.

— Конкретно фактически, — строго поправил второй.

— Пожалуй, — согласился собеседник. — Это я тоже допускаю. Конкретно фактически. Хотя как когда...

— Всегда, — коротко отрезал второй. — Всегда, уважаемый товарищ. Особенно, если после речей подсекция заварится минимально. Дискуссии и крику тогда не оберешься...

На трибуну взошел человек и махнул рукой. Все смолкло. Только соседи мои, несколько разгоряченные спором, не сразу замолчали. Первый сосед никак не мог помириться с тем, что подсекция заваривается минимально. Ему казалось, что подсекция заваривается несколько иначе.

На соседей моих зашикали. Соседи пожали плечами и смолкли. Потом первый сосед снова наклонился ко второму и тихо спросил:

— Это кто ж там такой вышедши?

— Это? Да это президиум вышедши. Очень острый мужчина. И оратор первейший. Завсегда остро говорит по существу дня.

Оратор простер руку вперед и начал речь.

И когда он произносил надменные слова с иностранным, туманным значением, соседи мои сурово кивали головами. Причем второй сосед строго поглядывал на первого, желая показать, что он все же был прав в только что законченном споре.

Трудно, товарищи, говорить по-русски!

1925

К заданию 2. Прочитайте рассказ М. Зощенко «Западня». Ответьте на вопросы и выполните задания.

- Прочитайте отзывы читателей о рассказе М. Зощенко «Западня». Когда и вы прочтаете этот рассказ, расскажите о своих впечатлениях и поделитесь, с какими из высказанными другими читателями мыслями вы согласны и почему.

Западня

Один мой знакомый парнишка — он, между прочим, поэт — побывал в этом году за границей.

Он объездил Италию и Германию для ознакомления с буржуазной культурой и для пополнения недостающего гардероба.

Очень много чего любопытного видел.

— Ну, конечно, — говорит, — громадный кризис, безработица, противоречия на каждом шагу. Продуктов и промтоваров очень много, но купить не на что.

Между прочим, он ужинал с одной герцогиней.

Он сидел со своим знакомым в ресторане. Знакомый ему говорит:

— Хочешь, сейчас я для смеха позову одну герцогиню. Настоящую герцогиню, у которой пять домов, небоскрёб, виноградники и так далее.

Ну, конечно, наворачивает.

И, значит, звонит по телефону. И вскоре приходит такая красоточка, лет двадцати. Чудно одетая. Манеры. Небрежное выражение. Три носовых платочка. Туфельки на босу ногу.

Заказывает она себе шнельклопс¹ и в разговоре говорит:

— Да, знаете, я уже, пожалуй, неделю мясного не кушала.

Ну, поэт кое-как по-французски и по-русски ей отвечает: дескать, помилуйте, у вас а ля мезон² столько домов, врите, дескать, наворачиваете, прибедняетесь, тень наводите.

Она говорит:

— Знаете, уже полгода, как жильцы с этих домов мне квартплату не вносят. У населения денег нет.

Этот небольшой фактик я рассказал так, вообще. Для разгона. Для описания буржуазного кризиса. У них там очень отчаянный кризис со всех сторон. Но, между прочим, на улицах у них чисто.

Мой знакомый поэт очень, между прочим, хвалил ихнюю европейскую чистоту и культурность. Особенно, говорит, в Германии, несмотря на такой вот громадный кризис, наблюдается удивительная чистота и опрятность.

Улицы они, черт возьми, мыльной пеной моют. Лестницы скоблят каждое утро. Кошкам не разрешают находиться на лестницах и лежать на подоконниках, как у нас.

Кошек своих хозяйки на шнурочках выводят прогуливать. Черт знает что такое.

Все, конечно, ослепительно чисто. Плюнуть некуда.

Даже такие второстепенные места, как, извиняюсь, уборные, и то сияют небесной чистотой. Приятно, неоскорбительно для человеческого достоинства туда заходить.

Он зашел, между прочим, в одно такое второстепенное учреждение. Просто так, для смеху. Заглянул — верно ли есть отличие, — как у них и у нас.

Оказывается, да. Это, говорит, ахнуть можно от восторга и удивления. Волшебная чистота, голубые стенки, на полочке фиалки стоят. Прямо уходить неохота. Лучше, чем в кафе.

«Что, — думает, — за черт. Наша страна — ведущая в смысле политических течений, а в смысле чистоты мы еще сильно отстаем. Нет, — думает, — вернусь в Москву — буду писать об этом и Европу ставить в пример. Конечно, у нас многие ребята действительно относятся ханжески к этим вопросам. Им, видите ли, неловко писать и читать про такие низменные вещи. Но я, — думает, — пробью эту косность. Вот вернусь и поэму напишу — мол, грязи много, товарищи, — не годится... Тем более у нас сейчас кампания за чистоту — исполню социальный заказ».

Вот наш поэт находится за закрытой дверью. Думает, любитесь фиалками, мечтает, какую поэму он отгрохает. Даже приходят к нему рифмы и строчки. Чего-то там такое:

¹ Шнельклопс — буквально «ускоренная отбивная», блюдо, похожее на бефстроганов.

² А ля мезон — дома.

Даже сюда у них зайти очень мило —
 Фиалки на полках цветут.
 Да разве ж у нас прошел Аттила,
 Что такая грязь там и тут.

А после, напевая последний немецкий фокстротик «Ауфвидерзейн, мадам», хочет уйти на улицу.

Он хочет открыть дверь, но видит — дверь не открывается. Он подергал ручку — нет. Приналег плечом — нет, не открывается.

В первую минуту он даже слегка растерялся. Вот, думает, попал в западню.

После хлопнул себя по лбу.

«Я, дурак, — думает, — позабыл, где нахожуся — в капиталистическом мире. Тут у них за каждый шаг, небось, пфенниг плати. Небось, — думает, — надо им опустить монетку — тогда дверь сама откроется. Механика. Черти. Кровопийцы. Семь шкур дерут. Спасибо, — думает, — у меня в кармане мелочь есть. Хорош был бы я гусь без этой мелочи».

Вынимает он из кармана монеты. «Откуплюсь, — думает, — от капиталистических щук. Суну им в горло монету или две».

Но видит — не тут-то было. Видит — никаких ящичков и отверстий нету. Надпись какая-то есть, но цифр на ней никаких не указано. И куда именно пихать и сколько пихать — неизвестно.

Тут наш знакомый прямо даже несколько струхнул. Начал легонько стучать. Никто не подходит. Начал бить ногой в дверь.

Слышит — собирается народ. Подходят немцы. Лопочут на своем диалекте.

Поэт говорит:

— Отпустите на волю, сделайте милость.

Немцы чего-то шушукаются, но, видать, не понимают всей остроты ситуации.

Поэт говорит:

— Геноссе, геноссе, дер тюр, сволочь, никак не открывается. Компренешен. Будьте любезны, отпустите на волю. Два часа сижу.

Немцы говорят:

— Шпрехен зи дойч?

Тут поэт прямо взмолился:

— Дер тюр, — говорит, — дер тюр отворите. А ну вас к лешему!

Вдруг за дверью русский голос раздается:

— Вы, — говорит, — чего там? Дверь, что ли, не можете открыть?

— Ну да, — говорит. — Второй час бьюсь.

Русский голос говорит:

— У них, у сволочей, эта дверь механическая. Вы, — говорит, — наверное, позабыли машинку дернуть. Спустите воду, и тогда дверь сама откроется. Они это нарочно устроили для забывчивых людей.

Вот знакомый сделал, что ему сказали, и вдруг, как в сказке, дверь открывается. И наш знакомый, пошатываясь, выходит на улицу под легкие улыбки и немецкий шепот.

Русский говорит:

— Хотя я есть эмигрант, но мне эти немецкие затеи и колбасня тоже поперек горла стоят. По-моему, это издевательство над человечеством...

Мой знакомый не стал, конечно, поддерживать разговор с эмигрантом, а, подняв воротник, быстро поднажал к выходу.

У входа сторож его почистил метелочкой, содрал малую толику денег и отпустил восвояси.

Только на улице мой знакомый отдышался и успокоился.

«Ага, — думает, — стало быть, хваленая немецкая чистота не идет сама по себе. Стало быть, немцы тоже силой ее насаждают и придумывают разные хитрости, чтоб поддержать культуру. Хотя бы у нас тоже чего-нибудь подобное сочинили».

На этом мой знакомый успокоился и, напевая «Ауфвидерзейн, мадам», пошел в гости как ни в чем не бывало.

1933

- ▶ Рассказ «Западня» не такой уж и смешной, как может показаться с первого взгляда. Бескультурие в наши дни так и осталось очень неприятной и злободневной темой. Конечно же, как может не понравиться и не восхитить идеальная чистота и порядок. А ведь эта самая чистота, как говорят, не там, где убирают, а там, где не сорят. Вот таким острым сюжетом автор решил проучить людей, которые оставляют после себя, например, кучи мусора после своего отдыха на природе, бросают мусор прямо под ноги прохожим, не замечая урн... К сожалению, это встречается и в нашем очень «продвинутом веке новейших технологий».
- ▶ Я с удовольствием читаю и перечитываю рассказы Михаила Зощенко и не устаю восхищаться его мастерством и умением видеть важное и актуальное в повседневности, в бытовых мелочах. Тематика их разнообразна, но всегда на злобу дня. Взять, например, рассказ «Западня», в основе которого лежит курьезная, анекдотическая история. Ситуация, конечно, смешная, но грустно от того, что то, о чем рассказал Зощенко, невероятно реалистично и актуально. Вот вы, к примеру, никогда не бросали мусор мимо урны? Не случайно, а просто не глядя и не задумываясь, что мусорите? Думаю, такое бывало у многих. К сожалению, большинство наших людей не заботятся о чистоте, мусорят на улицах, оставляют отходы на пляжах и в других местах отдыха... Больно и неприятно об этом говорить, но это правда. Надо помнить, говоря словами писателя, что «хваленая немецкая чистота не идет сама по себе...». Так что Зощенко, как всегда, сумел уловить самую суть и выразить ее в своем произведении.
- ▶ У М. Зощенко есть рассказы, от которых становится грустно и даже досадно. Почему? Да потому, что ничего не изменилось. И герой рассказа «Западня» у меня смеха не вызвал. Вроде смешная ситуация: наш соотечественник не смог выйти из суперчистого немецкого туалета. Почему? Ну, наверно, уже догадались. Но понятно: ситуация с туалетом — это аллегория. Смотреть надо шире. И тогда, увы, нет ничего смешного. Кто же из нас не сталкивался с отвратительной грязью в общественных туалетах, в поездах, не переступал через разбросанные в подъезде рекламные карточки и газеты, кто не ужасался состоянию кабинок для переодевания на пляже? И главное, непонятно, кто этот дикий беспорядок создает: все такие приличные вокруг, прям подумать не на кого. Вот и приходит на ум фраза из рассказа «Западня»: «Хотя бы у нас тоже чего-нибудь подобное сочинили». Рассказ совсем не смешной, написан блестяще, остро, хлестко, даже неудобно делается.

47

МИХАИЛ БУЛГАКОВ. «МАСТЕР И МАРГАРИТА»

К заданию 3. Проанализируйте представленные ниже материалы, раскрывающие особенности таланта и личности современной художницы Маргариты Сюриной, и рассмотрите репродукции её портретов прозаиков и поэтов классической русской литературы. Воспользуйтесь полученными сведениями отвечая на вопрос, поставленный в задании 3 учебника.

Два портрета Маргариты Сюриной

Художница
Маргарита Сюриная. Фото

Маргарита Сюриная.
Красный автопортрет.
2009 г.

Эпиграфы с сайта Маргариты Сюриной

* * *

Живи с людьми так,
будто на тебя смотрит Бог,
говори с Богом так,
будто тебя слушают люди.

Сенека

* * *

Лучше зажечь свечу, чем сетовать на темноту.

Конфуций

Маргарита Сюриная – автор идеи выставочного проекта «Портрет российской словесности»

Тема авторского проекта художницы Маргариты Сюриной «Портрет Российской словесности» актуальна всегда, в наши дни — особенно.

Литература и поэзия более, чем все другие виды искусства, влияют на умы и сердца людей, объединяют их, показывают, насколько люди одинаковы во всех своих устремлениях, какие похожие чувства испытывают во всем мире — любовь к близким, к Родине, к миру, к жизни, к другим людям. Возможно, мир жив, благодаря мудрости слов, сказанных в свое время от чистого сердца, проникающих в глубины сознания. На выставке «Портрет Российской словесности» в произведениях художников предстали образы тех, кто знаком нам со школьной скамьи — Маяковский, Лермонтов, Гоголь, Пушкин, Достоевский, Есенин, Ахматова, Цветаева, Бродский (и др.). Мы выросли с ними и живем всю жизнь. Мы знаем их почти так же хорошо, как своих самых близких людей. Нам интересно о них все... Где они родились, как жили, как выглядели, кого любили, к кому обращали свои яркие чувства, запечатленные ими в произведениях. Они вызывают наш интерес и любовь, благодаря их словам, обращенным к миру и к нам...

Автор идеи Маргарита Сюрица — художница и замечательный человек, чьи личные духовные качества отражаются во всем, что она создает. Художник, размышляющий о вечном, Маргарита Сюрица делится с нами через живопись и графику своими открытиями, результатами ее внимательных исследований жизни и творчества великих. Так рождаются образы ее картин, рисующие новые штрихи к уже известным чертам...

И этот проект еще раз показал, что, безусловно, литература оказывает на нас неизмеримо большее влияние, чем мы порой это осознаем, именно книги воспитывают душу. Как часто литературные персонажи приходили к нам на помощь в трудные минуты, как часто выручают нас вдохновенные строки стихов в моменты отчаяния. Слово, этот Божий дар, дан нам, чтобы мы могли не просто общаться, но выразить свои чувства и мысли. Вот потому безгранично наше признание и благодарность тем великим писателям, которые смогли отразить наше сокровенное, личное, истинное, прекрасное в словах, западающих в душу навсегда. И эта выставка, конечно, признание в любви ее авторов ко всем тем великим, которые словом своим будят любовь, разделяют нашу боль и спасают мир от разрушения и гибели.

Известный художник Маргарита Сюрица — автор серии графических работ «Мысли-облака», в том числе — портреты А. А. Ахматовой, В. В. Набокова, Сергея Есенина, Марины Цветаевой; живописных портретов В. В. Маяковского и М. Ю. Лермонтова.

По Софии Загряжской

Маргарита Сюрица о цвете в живописи

Синий цвет самый многозначный и сложный для восприятия. Он рождает множество ассоциаций и гораздо более других цветов меняет свои смыслы, когда даже реалистическое линейное изображение не в силах победить абстрактной силы насыщенного цветового пятна. Конечно, цвет первичен в живописи. Возможно, что он первичен и в жизни, возможно,

что он и есть тот первый импульс, точка отсчета, энергия светового потока, создающая все вокруг нас. Может быть, даже создающая все внутри нас энергия.

Художнику-живописцу красиво думать именно так, у живописца такое предназначение — открывать всю вселенную через цвет.

*Мargarита Сюринa.
Март, октябрь 2014 г.*

**Портреты литераторов Маргариты Сюриной
из серии «Мысли-облака»**

Владимир Маяковский.
Из серии «Мысли-облака».
2013 г.

Марина Цветаева.
Из серии «Мысли-облака».
2014 г.

Александр Блок.
Из серии «Мысли-облака».
2014 г.

Сергей Есенин.
Из серии «Мысли-облака».
2014 г.

К заданиям 4-5.

- Познакомившись с краткими сведениями об истории создания романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита», приступайте к чтению 1 и 5 его глав. Ответьте на вопросы и выполните задания, данные в учебнике.

Из истории создания романа «Мастер и Маргарита»

Работа над романом «Мастер и Маргарита» началась в конце 1920-х годов и продолжалась вплоть до смерти писателя. Роман относится к незавершённым произведениям; редактирование и сведение воедино черновых записей осуществляла после смерти мужа вдова писателя — Елена Сергеевна. Первая версия романа, имевшая названия «Копыто инженера», «Черный маг» и другие, была уничтожена Булгаковым в 1930 году. В последующих редакциях среди героев произведения появились автор романа о Понтии Пилате и его возлюбленная. Окончательное название — «Мастер и Маргарита» — оформилось в 1937 году. Первая публикация произведения в сокращённом виде была осуществлена в 1966–1967 годах в журнале «Москва», первое полное издание книги на русском языке вышло в 1967 году в Париже, полный книжный вариант без купюр на родине писателя увидел свет в 1973 году.

К заданию 4.

Прочитайте фрагменты 1 главы романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита». Ответьте на вопросы и выполните задания.

Мастер и Маргарита

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

*...Так кто ж ты, наконец?
— Я — часть той силы,
что вечно хочет
зла и вечно совершает благо.
Гете. «Фауст»*

ГЛАВА 1

Никогда не разговаривайте с неизвестными

Однажды весной, в час небывало жаркого заката, в Москве, на Патриарших прудах, появились два гражданина. Первый из них, одетый в летнюю серенькую пару, был маленького роста, упитан, лыс, свою приличную шляпу пирожком нес в руке, а на хорошо выбритом лице его помещались сверхъестественных размеров очки в черной роговой оправе. Второй — плечистый, рыжеватый, вихрастый молодой человек в заломленной на затылок клетчатой кепке — был в ковбойке, жеваных белых брюках и в черных тапочках.

Первый был не кто иной, как Михаил Александрович Берлиоз, председатель правления одной из крупнейших московских литературных

ассоциаций, сокращенно именуемой МАССОЛИТ, и редактор толстого художественного журнала, а молодой спутник его — поэт Иван Николаевич Понырёв, пишущий под псевдонимом Бездомный.

Попав в тень чуть зеленеющих лип, писатели первым долгом бросились к пёстро раскрашенной будочке с надписью «Пиво и воды».

Да, следует отметить первую странность этого страшного майского вечера. Не только у будочки, но и во всей аллее, параллельной Малой Бронной улице, не оказалось ни одного человека. В тот час, когда уж, кажется, и сил не было дышать, когда солнце, раскалив Москву, в сухом тумане валилось куда-то за Садовое кольцо, — никто не пришел под липы, никто не сел на скамейку, пуста была аллея.

— Дайте нарзану, — попросил Берлиоз.

— Нарзану нету, — ответила женщина в будочке и почему-то обиделась.

— Пиво есть? — сиплым голосом осведомился Бездомный.

— Пиво привезут к вечеру, — ответила женщина.

— А что есть? — спросил Берлиоз.

— Абрикосовая, только теплая, — сказала женщина.

— Ну, давайте, давайте, давайте!..

Абрикосовая дала обильную желтую пену, и в воздухе запахло парикмахерской. Напившись, литераторы немедленно начали икать, расплатились и уселись на скамейке лицом к пруду и спиной к Бронной.

Тут приключилась вторая странность, касающаяся одного Берлиоза. Он внезапно перестал икать, сердце его стукнуло и на мгновение куда-то провалилось, потом вернулось, но с тупой иглой, засевшей в нем. Кроме того, Берлиоз охватил необоснованный, но столь сильный страх, что ему захотелось тотчас же бежать с Патриарших без оглядки. Берлиоз тоскливо оглянулся, не понимая, что его напугало. Он побледнел, вытер лоб платком, подумал: «Что это со мной? Этого никогда не было... сердце шалит... я переутомился. Пожалуй, пора бросить все к черту и в Кисловодск...»

И тут знойный воздух сгустился перед ним, и соткался из этого воздуха прозрачный гражданин престранного вида. На маленькой головке жокейский картузик, клетчатый кургузый воздушный же пиджачок... Гражданин ростом в сажень, но в плечах узок, худ невероятно, и физиономия, прошу заметить, глумливая.

Жизнь Берлиоза складывалась так, что к необыкновенным явлениям он не привык. Еще более побледнев, он вытаращил глаза и в смятении подумал: «Этого не может быть!..»

Но это, увы, было, и длинный, сквозь которого видно, гражданин, не касаясь земли, качался перед ним и влево и вправо.

Тут ужас до того овладел Берлиозом, что он закрыл глаза. А когда он их открыл, увидел, что всё кончилось, марево растворилось, клетчатый исчез, а заодно и тупая игла выскочила из сердца.

— Фу ты черт! — воскликнул редактор, — ты знаешь, Иван, у меня сейчас едва удар от жары не сделался! Даже что-то вроде галлюцинации было, — он попытался усмехнуться, но в глазах его еще прыгала тревога, и руки дрожали.

Однако постепенно он успокоился, обмахнулся платком и, произнеся довольно бодро: «Ну-с, итак...» — повёл речь, прерванную питьем абрикосовой.

Речь эта, как впоследствии узнали, шла об Иисусе Христе. Дело в том, что редактор заказал поэту для очередной книжки журнала большую антирелигиозную поэму. Эту поэму Иван Николаевич сочинил, и в очень короткий срок, но, к сожалению, ею редактора нисколько не удовлетворил. Очертил Бездомный главное действующее лицо своей поэмы, то есть Иисуса, очень черными красками, и тем не менее всю поэму приходилось, по мнению редактора, писать заново. И вот теперь редактор читал поэту нечто вроде лекции об Иисусе, с тем чтобы подчеркнуть основную ошибку поэта. Трудно сказать, что именно подвело Ивана Николаевича — изобразительная ли сила его таланта или полное незнакомство с вопросом, по которому он собирался писать, — но Иисус в его изображении получился ну совершенно как живой, хотя и не привлекающий к себе персонаж. Берлиоз же хотел доказать поэту, что главное не в том, каков был Иисус, плох ли, хорош ли, а в том, что Иисуса-то этого, как личности, вовсе не существовало на свете и что все рассказы о нем — простые выдумки, самый обыкновенный миф. <...>

И вот как раз в то время, когда Михаил Александрович рассказывал поэту о том, как ацтеки лепили из теста фигурку Вицлипуцли, в аллее показался первый человек.

Впоследствии, когда, откровенно говоря, было уже поздно, разные учреждения представили свои сводки с описанием этого человека. Сличение их не может не вызвать изумления. Так, в первой из них сказано, что человек этот был маленького роста, зубы имел золотые и хромал на правую ногу. Во второй — что человек был росту громадного, коронки имел платиновые, хромал на левую ногу. Третья лаконически сообщает, что особых примет у человека не было.

Приходится признать, что ни одна из этих сводок никуда не годится.

Раньше всего: ни на какую ногу описываемый не хромал, и росту был не маленького и не громадного, а просто высокого. Что касается зубов, то с левой стороны у него были платиновые коронки, а с правой — золотые. Он был в дорогом сером костюме, в заграничных, в цвет костюма, туфлях. Серый берет он лихо заломил на ухо, под мышкой нес трость с черным набалдашником в виде головы пуделя. По виду — лет сорока с лишним. Рот какой-то кривой. Выбрит гладко. Брюнет. Правый глаз черный, левый почему-то зеленый. Брови черные, но одна выше другой. Словом — иностранец. <...>

— Извините меня, пожалуйста, — заговорил подошедший с иностранным акцентом, но не коверкая слов, — что я, не будучи знаком, позволяю себе... но предмет вашей ученой беседы настолько интересен, что...

Тут он вежливо снял берет, и друзьям ничего не оставалось, как приподняться и раскланяться. <...>

— Если я не ослышался, вы изволили говорить, что Иисуса не было на свете? — спросил иностранец, обращая к Берлиозу свой левый зеленый глаз.

— Нет, вы не ослышались, — учтиво ответил Берлиоз, — именно это я и говорил.

— Ах, как интересно! — воскликнул иностранец.

«А какого черта ему надо?» — подумал Бездомный и нахмурился.

— А вы соглашались с вашим собеседником? — осведомился неизвестный, повернувшись вправо к Бездомному.

— На все сто! — подтвердил тот, любя выразаться вычурно и фигурально.

— Изумительно! — воскликнул непрошенный собеседник и, почему-то воровски оглянувшись и приглушив свой низкий голос, сказал: — Простите мою навязчивость, но я так понял, что вы, помимо всего прочего, ещё и не верите в Бога? — он сделал испуганные глаза и прибавил: — Клянусь, я никому не скажу.

— Да, мы не верим в Бога, — чуть улыбнувшись испугу интуриста, ответил Берлиоз. — Но об этом можно говорить совершенно свободно.

Иностранец откинулся на спинку скамейки и спросил, даже привизгнув от любопытства:

— Вы — атеисты?!

— Да, мы — атеисты, — улыбаясь, ответил Берлиоз, а Бездомный подумал, рассердившись: «Вот прицепился, заграничный гусь!»

— Ох, какая прелесть! — вскричал удивительный иностранец и завертел головой, глядя то на одного, то на другого литератора.

— В нашей стране атеизм никого не удивляет, — дипломатически вежливо сказал Берлиоз, — большинство нашего населения сознательно и давно перестало верить сказкам о божестве. <...>

— Но, позвольте вас спросить, — после тревожного раздумья спросил заграничный гость, — как же быть с доказательствами бытия божия, коих, как известно, существует ровно пять?

— Увы! — с сожалением ответил Берлиоз, — ни одно из этих доказательств ничего не стоит, и человечество давно сдало их в архив. Ведь согласитесь, что в области разума никакого доказательства существования бога быть не может.

— Bravo! — вскричал иностранец, — bravo! Вы полностью повторили мысль беспокойного старика Иммануила по этому поводу. Но вот курьёз: он начисто разрушил все пять доказательств, а затем, как бы в насмешку над самим собою, соорудил собственное шестое доказательство!

— Доказательство Канта, — тонко улыбнувшись, возразил образованный редактор, — также неубедительно. И недаром Шиллер говорил, что кантовские рассуждения по этому вопросу могут удовлетворить только рабов, а Штраус просто смеялся над этим доказательством.

Берлиоз говорил, а сам в это время думал: «Но, все-таки, кто же он такой? И почему так хорошо говорит по-русски?»

— Взять бы этого Канта, да за такие доказательства года на три в Соловки! — совершенно неожиданно бухнул Иван Николаевич.

— Иван! — сконфузившись, шепнул Берлиоз.

Но предложение отправить Канта в Соловки не только не поразило иностранца, но даже привело в восторг.

— Именно, именно, — закричал он, и левый зеленый глаз его, обращенный к Берлиозу, засверкал, — ему там самое место! Ведь говорил я ему тогда за завтраком: «Вы, профессор, воля ваша, что-то нескладное придумали! Оно, может, и умно, но больно непонятно. Над вами потешаться будут».

Берлиоз выпучил глаза. «За завтраком... Канту?.. Что это он плетет?» — подумал он.

— Но, — продолжал иноземец, не смущаясь изумлением Берлиоза и обращаясь к поэту, — отправить его в Соловки невозможно по той причине, что он уже с лишком сто лет пребывает в местах значительно более отдаленных, чем Соловки, и извлечь его оттуда никоим образом нельзя, уверяю вас!

— А жаль! — отозвался задира-поэт.

— И мне жаль! — подтвердил неизвестный, сверкая глазом, и продолжал: — Но вот какой вопрос меня беспокоит: ежели Бога нет, то, спрашивается, кто же управляет жизнью человеческой и всем вообще порядком на земле?

— Сам человек и управляет, — поспешил сердито ответить Бездомный на этот, признаться, не очень ясный вопрос.

— Виноват, — мягко отозвался неизвестный, — для того, чтобы управлять, нужно, как-никак, иметь точный план на некоторый, хоть сколько-нибудь приличный срок. Позвольте же вас спросить, как же может управлять человек, если он не только лишен возможности составить какой-нибудь план хотя бы на смехотворно короткий срок, ну, лет, скажем, в тысячу, но не может ручаться даже за свой собственный завтрашний день? И, в самом деле, — тут неизвестный повернулся к Берлиозу, — вообразите, что вы, например, начнете управлять, распоряжаться и другими и собою, вообще, так сказать, входить во вкус, и вдруг у вас... кхе... кхе... саркома легкого... — тут иностранец сладко усмехнулся, как будто мысль о саркоме легкого доставила ему удовольствие, — да, саркома, — жмурясь, как кот, повторил он звучное слово, — и вот ваше управление закончилось! Ничья судьба, кроме своей собственной, вас более не интересует. Родные вам начинают лгать, вы, чуя неладное, бросаетесь к ученым врачам, затем к шарлатанам, а бывает, и к гадалкам. Как первое и второе, так и третье — совершенно бессмысленно, вы сами понимаете. И все это кончается трагически: тот, кто еще недавно полагал, что он чем-то управляет, оказывается вдруг лежащим неподвижно в деревянном ящике, и окружающие, понимая, что толку от лежащего нет более никакого, сжигают его в печи. А бывает и еще хуже: только что человек соберется съездить в Кисловодск, — тут иностранец прищурился на Берлиоза, — пустяковое, казалось бы, дело, но и этого совершить не может, потому что неизвестно почему вдруг возьмет — поскользнется и попадет под трамвай! Неужели вы скажете, что это он сам собою управил так? Не правильнее ли ду-

мать, что управился с ним кто-то совсем другой? — и здесь незнакомец рассмеялся странным смешком. <...>

«Надо будет ему возразить так, — решил Берлиоз, — да, человек смертен, никто против этого и не спорит. А дело в том, что...»

Однако он не успел выговорить этих слов, как заговорил иностранец:

— Да, человек смертен, но это было бы еще полбеды. Плохо то, что он иногда внезапно смертен, вот в чем фокус! И вообще не может сказать, что он будет делать в сегодняшней вечер.

«Какая-то нелепая постановка вопроса...» — помыслил Берлиоз и возразил:

— Ну, здесь уж есть преувеличение. Сегодняшний вечер мне известен более или менее точно. Само собой разумеется, что, если на Бронной мне свалится на голову кирпич...

— Кирпич ни с того ни с сего, — внушительно перебил неизвестный, — никому и никогда на голову не свалится. В частности же, уверяю вас, вам он ни в коем случае не угрожает. Вы умрете другой смертью.

— Может быть, вы знаете, какой именно? — с совершенно естественной иронией осведомился Берлиоз, вовлекаясь в какой-то действительно нелепый разговор, — и скажете мне?

— Охотно, — отозвался незнакомец. Он смерил Берлиоза взглядом, как будто собирался сшить ему костюм, сквозь зубы пробормотал что-то вроде: «Раз, два... Меркурий во втором доме... луна ушла... шесть — несчастье... вечер — семь...» — и громко и радостно объявил: — Вам отрежут голову!

Бездомный дико и злобно вытаращил глаза на развязного неизвестного, а Берлиоз спросил, криво усмехнувшись:

— А кто именно? Враги? Интервенты?

— Нет, — ответил собеседник, — русская женщина, комсомолка.

— Гм... — промычал раздраженный шуточкой неизвестного Берлиоз, — ну, это, извините, маловероятно.

— Прошу и меня извинить, — ответил иностранец, — но это так. Да, мне хотелось бы спросить вас, что вы будете делать сегодня вечером, если это не секрет?

— Секрета нет. Сейчас я зайду к себе на Садовую, а потом в десять часов вечера в МАССОЛИТе состоится заседание, и я буду на нем председательствовать.

— Нет, этого быть никак не может, — твердо возразил иностранец.

— Это почему?

— Потому, — ответил иностранец и прищуренными глазами поглядел в небо, где, предчувствуя вечернюю прохладу, бесшумно чертили черные птицы, — что Аннушка уже купила подсолнечное масло, и не только купила, но даже разлила. Так что заседание не состоится.

Тут, как вполне понятно, под липами наступило молчание.

— Простите, — после паузы заговорил Берлиоз, поглядывая на мелющего чепуху иностранца, — при чем здесь подсолнечное масло... и какая Аннушка?

— Подсолнечное масло здесь вот при чем, — вдруг заговорил Бездомный, очевидно, решив объявить незваному собеседнику войну, — вам не приходилось, гражданин, бывать когда-нибудь в лечебнице для душевнобольных?

— Иван!.. — тихо воскликнул Михаил Александрович.

Но иностранец ничуть не обиделся и повесело рассмеялся.

— Бывал, бывал и не раз! — вскричал он, смеясь, но не сводя несмешющегося глаза с поэта, — где я только не бывал! Жаль только, что я не удосужился спросить у профессора, что такое шизофрения. Так что вы уж сами узнайте это у него, Иван Николаевич!

— Откуда вы знаете, как меня зовут?

— Помилуйте, Иван Николаевич, кто же вас не знает? — здесь иностранец вытащил из кармана вчерашний номер «Литературной газеты», и Иван Николаевич увидел на первой же странице свое изображение, а под ним свои собственные стихи. Но вчера еще радовавшее доказательство славы и популярности на этот раз ничуть не обрадовало поэта. <...>

— Извините меня, что я в пылу нашего спора забыл представить себя вам. Вот моя карточка, паспорт и приглашение приехать в Москву для консультации, — веско проговорил неизвестный, проницательно глядя на обоих литераторов.

Те сконфузились. «Черт, все слышал», — подумал Берлиоз и вежливым жестом показал, что в предъявлении документов нет надобности. Пока иностранец совал их редактору, поэт успел разглядеть на карточке напечатанное иностранными буквами слово «профессор» и начальную букву фамилии — двойное «В».

— Очень приятно, — тем временем смущенно бормотал редактор, и иностранец спрятал документы в карман.

Отношения таким образом были восстановлены, и все трое снова сели на скамью.

— Вы в качестве консультанта приглашены к нам, профессор? — спросил Берлиоз.

— Да, консультантом.

— Вы — немец? — осведомился Бездомный.

— Я-то?.. — переспросил профессор и вдруг задумался. — Да, пожалуй, немец... — сказал он.

— Вы по-русски здорово говорите, — заметил Бездомный.

— О, я вообще полиглот и знаю очень большое количество языков, — ответил профессор.

— А у вас какая специальность? — осведомился Берлиоз.

— Я — специалист по черной магии. <...>

— Имейте в виду, что Иисус существовал.

Николай Королёв.
Иллюстрация к книге
«Пастер и Маргарита».
Глава 1. «Никогда
не разговаривайте
с неизвестными»

— Видите ли, профессор, — принужденно улыбнувшись, отозвался Берлиоз, — мы уважаем ваши большие знания, но сами по этому вопросу придерживаемся другой точки зрения.

— А не надо никаких точек зрения! — ответил странный профессор, — просто он существовал, и больше ничего.

— Но требуется же какое-нибудь доказательство... — начал Берлиоз.

— И доказательств никаких не требуется, — ответил профессор и заговорил негромко, причем его акцент почему-то пропал: — Все просто: в белом плаще...

К заданию 5. Прочитайте 3 главу романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита». Ответьте на вопросы и выполните задания.

ГЛАВА 3

Седьмое доказательство

<...> Вода в пруде почернела, и легкая лодочка уже скользила по ней, и слышался плеск весла и смешки какой-то гражданки в лодочке. В аллеях на скамейках появилась публика, но опять-таки на всех трех сторонах квадрата, кроме той, где были наши собеседники.

Небо над Москвой как бы выцвело, и совершенно отчетливо была видна в высоте полная луна, но еще не золотая, а белая. Дышать стало гораздо легче, и голоса под липами звучали мягче, по-вечернему. <...>

«Вот тебе все и объяснилось! — подумал Берлиоз в смятении, — приехал сумасшедший немец или только что спятил на Патриарших. Вот так история!»

Да, действительно, объяснилось все: и страннейший завтрак у покойного философа Канта, и дурацкие речи про подсолнечное масло и Аннушку, и предсказания о том, что голова будет отрублена, и все прочее — профессор был сумасшедший.

Берлиоз тотчас сообразил, что следует делать. <...>

План Берлиоза следует признать правильным: нужно было добежать до ближайшего телефона-автомата и сообщить в бюро иностранцев о том, что вот, мол, приезжий из-за границы консультант сидит на Патриарших прудах в состоянии явно ненормальном. Так вот, необходимо принять меры, а то получается какая-то неприятная чепуха.

— Позвонить? Ну что же, позвоните, — печально согласился больной и вдруг страстно попросил: — Но умоляю вас на прощанье, поверьте хоть в то, что дьявол существует! О большем я уж вас и не прошу. Имейте в виду, что на это существует седьмое доказательство, и уж самое надежное! И вам оно сейчас будет предъявлено. <...>

И, ничего не слушая более, Берлиоз побежал дальше.

Тут у самого выхода на Бронную со скамейки навстречу редактору поднялся в точности тот самый гражданин, что тогда при свете солнца вылепился из жирного зноя. Только сейчас он был уже не воздушный, а обыкновенный, плотский, и в начинающихся сумерках Берлиоз отчетли-

во разглядел, что усишки у него, как куриные перья, глазки маленькие, иронические и полупьяные, а брючки клетчатые, подтянутые настолько, что видны грязные белые носки.

Михаил Александрович так и попятился, но утешил себя тем соображением, что это глупое совпадение и что вообще сейчас об этом некогда размышлять.

— Турникет ищите, гражданин? — треснувшим тенором осведомился клетчатый тип, — сюда пожалуйста! Прямо, и выйдете куда надо. С вас бы за указание на четверть литра... поправиться... бывшему регенту! — кривляясь, субъект наотмашь снял жокейский свой картузик.

Берлиоз не стал слушать попрошайку и ломаку регента, подбежал к турникету и взялся за него рукой. Повернув его, он уже собирался шагнуть на рельсы, как в лицо ему брызнул красный и белый свет: загорелась в стеклянном ящике надпись «Берегись трамвая!».

Тотчас и подлетел этот трамвай, поворачивающий по новопроложенной линии с Ермолаевского на Бронную. Повернув и выйдя на прямую, он внезапно осветился изнутри электричеством, взвыл и нагнал.

Осторожный Берлиоз, хоть и стоял безопасно, решил вернуться за рогатку, переложил руку на вертушке, сделал шаг назад. И тотчас рука его скользнула и сорвалась, нога неудержимо, как по льду, поехала по булыжнику, откосом сходящему к рельсам, другую ногу подбросило, и Берлиоза выбросило на рельсы.

Стараясь за что-нибудь ухватиться, Берлиоз упал навзничь, несильно ударившись затылком о булыжник, и успел увидеть в высоте, но справа или слева — он уже не сообразил, — позлащенную луну. Он успел повернуться на бок, бешеным движением в тот же миг подтянув ноги к животу, и, повернувшись, разглядел несущееся на него с неудержимой силой совершенно белое от ужаса лицо женщины-вагоновожатой и ее алую повязку. Берлиоз не вскрикнул, но вокруг него отчаянными женскими голосами завизжала вся улица. Вожатая рванула электрический тормоз, вагон сел носом в землю, после этого мгновенно подпрыгнул, и с грохотом и звоном из окон полетели стекла. Тут в мозгу Берлиоза кто-то отчаянно крикнул — «Неужели?..» Еще раз, и в последний раз, мелькнула луна, но уже разваливаясь на куски, и затем стало темно.

Трамвай накрыл Берлиоза, и под решетку Патриаршей аллеи выбросило на булыжный откос круглый темный предмет. Скатившись с этого откоса, он запрыгал по булыжникам Бронной.

Это была отрезанная голова Берлиоза.

К рубрике «Дома»

Прочитайте фрагменты 4, 5 и 6 глав романа «Мастер и Маргарита». Составьте на основе их содержания трехчастный дневник по форме, данной ниже. Подготовьте высказывание об Иване Бездомном-Понырёве как о справедливо наказанном человеке или как о человеке, который не по своей вине попал в трудную жизненную ситуацию и которому вы сочувствуете.

ГЛАВА 4

Погоня

Утихли истерические женские крики, отсверлили свистки милиции, две санитарные машины увезли: одна — обезглавленное тело и отрезанную голову в морг, другая — раненную осколками стекла красавицу вожатую, дворники в белых фартуках убрали осколки стекла и засыпали песком кровавые лужи, а Иван Николаевич как упал на скамейку, не добежав до турникета, так и остался на ней.

Несколько раз он пытался подняться, но ноги его не слушались — с Бездомным приключилось что-то вроде паралича.

Поэт бросился бежать к турникету, как только услышал первый вопль, и видел, как голова подскакивала на мостовой. От этого он до того обезумел, что, упавши на скамью, укусил себя за руку до крови. Про сумасшедшего немца он, конечно, забыл и старался понять только одно, как это может быть, что вот только что он говорил с Берлиозом, а через минуту — голова...

Взволнованные люди пробегали мимо поэта по аллее, что-то восклицая, но Иван Николаевич их слов не воспринимал. <...>

Не оставалось даже зерна сомнения в том, что таинственный консультант точно знал заранее всю картину ужасной смерти Берлиоза. Тут две мысли пронизали мозг поэта. Первая: «Он отнюдь не сумасшедший! Все это глупости!», и вторая: «Уж не подстроил ли он это сам?!»

Но, позвольте спросить, каким образом?!

— Э, нет! Это мы узнаем!

Сделав над собой великое усилие, Иван Николаевич поднялся со скамьи и бросился назад, туда, где разговаривал с профессором. И оказалось, что тот, к счастью, еще не ушел. <...>

Иван ахнул, глянул вдаль и увидел ненавистного неизвестного. Тот был уже у выхода в Патриарший переулок, и притом не один. Более чем сомнительный регент успел присоединиться к нему. Но это еще не все: третьим в этой компании оказался неизвестно откуда взявшийся кот, громадный, как боров, черный, как сажа или грач, и с отчаянными кавалерийскими усами. Тройка двинулась в Патриарший, причем кот тронулся на задних лапах.

Иван устремился за злодеями вслед и тотчас убедился, что догнать их будет очень трудно. <...>

Как ни был расстроен Иван, все же его поражала та сверхъестественная скорость, с которой происходила погоня.

<...> И вот здесь-то Иван Николаевич окончательно потерял того, кто был ему так нужен. Профессор исчез. <...>

— К Грибоедову! Вне всяких сомнений, он там. <...>

ГЛАВА 5

Было дело в Грибоедове

<...> И вдруг за столиком вспорхнуло слово: «Берлиоз!!» Вдруг джаз развалился и затих, как будто кто-то хлопнул по нему кулаком. «Что, что, что, что?!» — «Берлиоз!!!». И пошли вскакивать, пошли вскакивать. <...>

Вслед за тем, откуда ни возьмись, у чугунной решетки вспыхнул огонечек и стал приближаться к веранде. <...>

И привидение, пройдя в отверстие трельяжа, беспрепятственно вступило на веранду. Тут все увидели, что это — никакое не привидение, а Иван Николаевич Бездомный — известнейший поэт.

Он был бос, в разодранной беловатой толстовке, к коей на груди английской булавкой была приколота бумажная иконка со стершимся изображением неизвестного святого, и в полосатых белых кальсонах. В руке Иван Николаевич нес зажженную венчальную свечу. Правая щека Ивана Николаевича была свежо изодрана. <...>

— Братья по литературе! (Осипший голос его окреп и стал горячее.) Слушайте меня все! Он появился! Ловите же его немедленно, иначе он на творит неопикуемых бед! <...>

Иван впал в беспокойство, растолкал окружающих, начал размахивать свечой, заливая себя воском, и заглядывать под столы. Тут послышалось слово: «Доктора!» — и чье-то ласковое мясистое лицо, бритое и упитанное, в роговых очках, появилось перед Иваном.

— Товарищ Бездомный, — заговорило это лицо юбилейным голосом, — успокойтесь! Вы расстроены смертью всеми нами любимого Михаила Александровича... нет, просто Миши Берлиоза. Мы все это прекрасно понимаем. Вам нужен покой. Сейчас товарищи проводят вас в постель, и вы забудетесь... <...>

Через четверть часа чрезвычайно пораженная публика не только в ресторане, но и на самом бульваре и в окнах домов, выходящих в сад ресторана, видела, как из ворот Грибоедова Пантелей, швейцар, милиционер, официант и поэт Рюхин выносили спеленатого, как куклу, молодого человека, который, заливаясь слезами, плевался... <...>

Кругом гудела толпа, обсуждая невиданное происшествие; словом, был гадкий, гнусный, соблазнительный, свинский скандал, который кончился лишь тогда, когда грузовик унес на себе от ворот Грибоедова несчастного Ивана Николаевича, милиционера, Пантелея и Рюхина.

ГЛАВА 6

Шизофрения, как и было сказано

Когда в приемную знаменитой психиатрической клиники, недавно отстроенной под Москвой на берегу реки, вошел человек с острой бородкой и облаченный в белый халат, была половина второго ночи. Трое санитаров не спускали глаз с Ивана Николаевича, сидящего на диване. Тут же находился и крайне взволнованный поэт Рюхин. Полотенца, которыми был связан Иван Николаевич, лежали грудой на том же диване. Руки и ноги Ивана Николаевича были свободны. <...>

— Вы находитесь, — спокойно заговорил врач, присаживаясь на белый табурет на блестящей ноге, — не в сумасшедшем доме, а в клинике, где вас никто не станет задерживать, если в этом нет надобности. <...>

— А почему вас, собственно, доставили к нам? — спросил врач, внимательно выслушав обличения Бездомного.

— Да черт их возьми, олухов! Схватили, связали какими-то тряпками и поволокли в грузовике! <...>

— Ага, — сказал врач, — а почему так спешили? Какое-нибудь деловое свидание?

— Консультанта я ловлю, — ответил Иван Николаевич и тревожно оглянулся. <...>

— Эге-ге! — воскликнул Иван и поднялся с дивана, — два часа, а я с вами время теряю! Я извиняюсь, где телефон?

— Пропустите к телефону, — приказал врач санитарам. <...>

— Милиция? — закричал Иван в трубку, — милиция? Товарищ дежурный, распорядитесь сейчас же, чтобы выслали пять мотоциклетов с пулеметами для поимки иностранного консультанта. Что? Заезжайте за мною, я сам с вами поеду... Говорит поэт Бездомный из сумасшедшего дома... Как ваш адрес? — шепотом спросил Бездомный у доктора, прикрывая трубку ладонью, — а потом опять закричал в трубку: — Вы слушаете? Алло!.. Безобразия! — вдруг завопил Иван и швырнул трубку в стену. Затем он повернулся к врачу, протянул ему руку, сухо сказал «до свидания» и собрался уходить.

— Помилуйте, куда же вы хотите идти? — заговорил врач, вглядываясь в глаза Ивана, — глубокой ночью, в белье... Вы плохо чувствуете себя, останьтесь у нас!

— Пропустите-ка, — сказал Иван санитарам, сомкнувшись у дверей. — Пустите вы или нет? — страшным голосом крикнул поэт. <...>

Шприц блеснул в руках у врача, женщина одним взмахом распоролла ветхий рукав толстовки и вцепилась в руку с неженской силой. Запахло эфиром. Иван ослабел в руках четырех человек, и ловкий врач воспользовался этим моментом и вколол иглу в руку Ивану. Ивана подержали ещё несколько секунд, и потом опустили на диван. <...>

— Заточили все-таки, — сказал он, зевнул еще раз, неожиданно прилег, голову положил на подушку, кулак по-детски под щеку, забормотал уже сонным голосом, без злобы: — Ну и очень хорошо... Сами же за все и поплатитесь. Я предупредил, а там как хотите! Меня же сейчас более всего интересуется Понтий Пилат... Пилат... — тут он закрыл глаза.

— Ванна, сто семнадцатую отдельную и пост к нему, — распорядился врач, надевая очки.

Тут Рюхин опять вздрогнул: бесшумно открылись белые двери, за ними стал виден коридор, освещенный синими ночными лампами. Из коридора выехала на резиновых колесиках кушетка, на нее переложили затихшего Ивана, и он уехал в коридор, и двери за ним замкнулись.

— Доктор, — шепотом спросил потрясенный Рюхин, — он, значит, действительно болен?

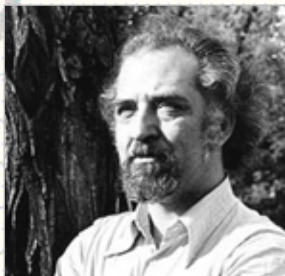
— О да, — ответил врач.

— А что же это такое с ним? — робко спросил Рюхин.

Усталый врач поглядел на Рюхина и вяло ответил:

— Двигательное и речевое возбуждение... Бредовые интерпретации... Случай, по-видимому, сложный... Шизофрения, надо полагать. А тут еще алкоголизм... <...>

Материал для справок

Ефименко
Виктор Георгиевич
(1933–1994)

Виктор Георгиевич Ефименко родился 10 февраля 1933 г. в Херсоне. С 1957 года жил и работал в Одессе, посещал вольнослушателем студии в Одесском государственном художественном училище. С 1960 года по 1966 год обучался на графическом факультете Украинского полиграфического института им. Ивана Федорова во Львове, получил диплом с отличием по специальности «Художник-график по оформлению и иллюстрированию книг». Виктор Георгиевич был в числе создателей Художественно-графического факультета Одесского государственного педагогического института им. К. Д. Ушинского, где впоследствии возглавлял кафедру Рисунка и вёл офортную мастерскую.

Профессиональная творческая и выставочная деятельность художника началась в 1966 году оформлением книги «Народні пісні в записах Івана Франка». С 1979 года по 1992 год художник работал над серией иллюстраций к роману М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» (известны 64 листа этой серии). Каждая иллюстрация этой серии — почти самостоятельная сюжетная картина. Многие современники считали, что Мастер в изображении Виктора Ефименко похож на самого автора иллюстраций.

Умер В. Г. Ефименко 12 июля 1994 г. в Одессе.

Имя В. Г. Ефименко вошло в отдельные справочные издания, например в девятый том «Енциклопедії сучасної України» (2009 г.), а также в словарь «Спадкоємці першодрукаря» (2010 г.) — издания Украинской академии печати во Львове.

По Юрию Письмаку

Офóрт — гравюра на меди или цинке с рисунком, протравленным кислотой, а также оттиск с такой гравюры.

Офорты Виктора Ефименко к роману М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита»

К заданию 1. Прочитайте сведения о М. М. Бахтине — ученом-филологе и ученом-философе. Опираясь на выделенные ключевые слова статьи, расскажите о своем понимании умения вести диалог с текстом, с автором, с героями произведения. Предположите и аргументируйте свое мнение о том, при каком условии можно считать такой диалог состоявшимся.

Михаил Михайлович Бахтин

Бахтин Михаил Михайлович — русский философ, филолог, историк культуры. Родился в Орле, учился на историко-филологическом и философском факультетах в Новороссийском (Одесса), затем — в Петербургском университетах.

М. М. Бахтин — создатель новой теории европейского романа, концепции полифонизма (многоголосия) в литературном произведении. Ученый является автором лингвистических работ, посвящённых общетеоретическим вопросам, стилистике и теории речевых жанров.

Бахтин Михаил
Михайлович
(1895–1975)

Основные работы М. М. Бахтина были переведены и получили широкую известность на Западе. Так, при Шеффилдском университете в Англии существует «Бахтинский центр», ведущий научную и учебную работу, в Японии вышло первое в мире его собрание сочинений, издано большое количество монографий о нем.

Одной из центральных философских идей Бахтина является *идея диалога*, раскрытая на примере анализа творчества Достоевского как полифонического явления.

В первой своей крупной работе «К философия поступка» Бахтин указывает на то, что каждый человек не существует вообще, но лишь в каждый конкретный момент времени в конкретном месте, в уникальной точке своего бытия, которое всегда есть *событие* с другими, то есть встреча с другими неповторимыми личностями, иначе — с *Другим*. Эта встреча необходима, потому что человек не способен самостоятельно обозреть свое существо со всех сторон. Без *Другого* человек обречен на распад памяти и забвение самости. *Другой* может констатировать индивидуальность конкретной личности, дать ей свое завершение. Высшей формой отношений между отдельным человеком и *Другим* Бахтин считает любовь, понимаемую им как евангельскую заповедь «Возлюби ближнего своего, как самого себя».

Диалог же, по мысли Бахтина, является одной из наиболее распространенных форм отношений между человеком и *Другим*. Бахтин определяет жизнь как гул человеческих голосов. Каждый голос произносит то или иное слово и таким образом выражает уникальность личности носителя в *слове*. Можно сказать, что человек существует в *слове*. О любом поступке свидетельствуют

через *слово*, любое явление осмысляют с помощью *слов*. Но человек никогда не говорит в первый раз, каждое слово уже когда-то было кем-то сказано. Всякое слово обретает новизну не по собственному значению, а по намерению живого лица, вновь и вновь это слово произносящего. При этом каждое произнесенное слово не существует само по себе, в отрыве от других слов. Оно всегда есть некой репликой, ответом кому-то, одной из сторон диалога с кем-то.

М. М. Бахтин писал: «Жизнь по природе своей диалогична. Жить — значит участвовать в диалоге: вопрошать, понимать, ответствовать, соглашаться и т. п. В этом диалоге человек участвует весь и всю жизнь: глазами, губами, руками, душой, духом, всем телом, поступками. Он вкладывает всего себя в слово, и это слово входит в диалогическую ткань человеческой жизни...».

Диалог может вестись не только *в пространстве*, но и *во времени*. Можно спорить с мыслителями прошлого, вторить поэтам ушедших эпох или обращаться с назидательным словом к потомкам. В любом случае произнесенное слово к кому-то обращено или является реакцией на чье-то обращение. Поэтому *весь человеческий мир Бахтин понимает как бесконечный диалог*.

М. М. Бахтин был твердо убежден в том, что истина — это не абстрактная формула. Вне живого, любящего, действующего человека она не существует. Именно поэтому Бахтин считал, что у мира есть смысл. И этот смысл проявляется через осмысленные слова людей. *Каждое осмысленное слово — это ответ вопросам новых поколений*. Бахтин пишет: «Нет ни первого, ни последнего слова и нет границ диалогическому контексту. Он уходит в безграничное прошлое и безграничное будущее. Нет ничего абсолютно мертвого: у каждого смысла будет свой праздник Возрождения».

Диалог у М. М. Бахтина имеет силу и значение всеобщности, изначально свойственной человеческому сознанию, отражает целостные личностные позиции, выраженные одновременно в едином пространстве *текста*. «Быть — значит общаться диалогически. Когда диалог кончается — все кончается. Поэтому диалог в сущности не может и не должен кончиться», — считал ученый-философ.

Культурные идеи погружены в речь и в ней трансформируются. В общении и ради общения постоянно раскрываются *слова-термины, слова-знаки, слова-понятия*.

Культура — событие многоплановое: как факт она принадлежит истории, как идея — умозрению, сверхвременному, но как смысл она может осуществляться только сейчас, в настоящем (с проекцией в будущее), *в вопрос-ответ-вопросной ситуации*, где смысл только тогда и смысл, когда он подпирается, предопределяется и конкретизируется другим смыслом.

С именем М. М. Бахтина связано введение вектора чтения-понимания «от текста к произведению», осознание важности *общения автора и читателя, диалогичности* действующих героев литературных произведений и идеи *диалога* в современной культуре. Именно с *диалога*, по мнению исследователя, начинается настоящий читательский труд.

По материалам Интернета

49 ОРФОГРАФИЧЕСКИЕ НОРМЫ

К заданию 2. Вспомните, какие фонетические изменения произошли со словами *зга* и *здоровье*, о происхождении которых рассказывалось в учебнике для 10-го класса. Что общего в их истории и в истории слов *здание* и *здесь*, о происхождении которых вы узнаете, прочитав приведенные статьи из «Этимологического словаря русского языка» Г. П. Цыганенко (с изменениями)?

ЗДАНИЕ. Заимствовано из старославянского языка, в котором восходит к глаголу *зѣдати* «создавать, строить», в свою очередь производного от *зѣдѣ* «глина». В древнерусском языке означало «творение, тварь» и «здание, строение».

ЗДЕСЬ. В русских памятниках отмечается с XIV века, современная форма развилась из *сьдесе* в результате утраты *ь* и озвончения согласного перед звонким *д*. Слово образовано с помощью частицы *се* из праславянского *сьде*, в свою очередь производного от местоимения *сь* «сей, этот».

К заданию 3.**Лингвокультурологическая справка**

Слова презирать и призирать заимствованы из старославянского, первое в нем означало «оставлять без внимания, презирать», второе — «смотреть, проявлять милосердие». Оба слова были образованы префиксальным способом от глагола со значением «смотреть, видеть».

Слово призирать стало архаизмом, как и его производные. Сейчас глагол можно встретить в церковной литературе, например в псалме 79, стих 15: «Боже сил! обратись же, призри с неба, и воззри, и посети виноград сей...». Существительное сохранилось в обозначении дом призрения — учреждение, занимавшееся почитательством, опекой кого-либо, чего-либо.

К старейшим благотворительным заведениям, где заботились о больных и немощных, принадлежит Ярославский Екатерининский Дом призрения ближнего, учрежденный в Ярославле в 1786 г. с целью воспитания детей бедных родителей Ярославской губернии.

Благотворительные заведения разных типов имелись в разных городах царской России.

Согласно данным сайта «Интересный Киев», самый большой благотворительный комплекс города из тринадцати корпусов, открывшийся в 1902 г., находился в окрестностях Лукьяновки (теперь на улице Дегтярёвской, там, где долгое время располагалось танковое училище).

Улица была названа в честь Михаила Парфентьевича Дегтерёва (в ином написании — Дехтерёв, Дегтярёв), на деньги которого был построен этот комплекс. В своем завещании М. П. Дегтерёв — купец 1-й гильдии, почётный гражданин Киева, меценат — написал: «Желаю и прошу, чтобы после моей смерти были устроены богадельня и детский приют для детей старшего возраста от 6 до 13 лет. Богадельня имеет назначением призрение

М. П. Дегтерёв
(1831–1898)

500 престарелых и увечных лиц обоего пола, православного вероисповедания, не имеющих ни собственных средств, ни родственников, могущих оказывать им помощь. Приют желаю устроить на 60 детей обоего пола, без различия звания, круглых сирот, полусирот и таких, родители коих не имеют средств для воспитания и обучения, при этом назначаю его как для призрения постоянного и полного содержания принятых детей, так и для дневного призрения детей, оставшихся во время дневных работ родителей без попечения. Сверх указанного желаю, чтобы был устроен приют для 100 детей возраста до 6 лет, как бесприютных младенцев, так и вообще бедных».

Для тех, кто увлекается историей своего края. Подготовьте рассказ о тех, кто занимался раньше или занимается сейчас благотворительностью в крае, в котором вы живете.

50

МИХАИЛ БУЛГАКОВ.
«МАСТЕР И МАРГАРИТА»**К рубрике «Читаем художественный текст»**

К заданию 2. Прочитайте сведения о Понтии Пилате как реальной исторической и легендарной личности, сопоставьте их с тем, как изображен Понтий Пилат в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита». Помогли ли эти сведения глубже осмыслить события и героев, изображенных писателем в этих главах?

Понтий Пилат: историческая личность и легенда

На протяжении более 2000 лет историки стараются установить, существовал ли на самом деле Понтий Пилат, и если существовал, то понять, что за личность он был, а писатели и художники по-своему воссоздают образ этого легендарного героя. Что представлял из себя человек, отправивший на Голгофу Спасителя, многие люди узнают из знаменитого романа Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита». Но это художественный образ, а вот что известно о Понтии Пилате как реальном историческом лице.

Личность Понтия Пилата доказана исторически, хотя известно о нем немного. Сегодня одним из важнейших источников о Пилате являются Евангелия, труды римского историка Иосифа Флавия, письменные свидетельства таких историков, как Тацит, Евсевий Кесарийский и Филон Александрийский.

Понтий Пилат действительно был пятым римским прокуратором (*правителем*) Иудеи с 26 по 36 годы н. э., то есть наместником Римской власти в Иудее. Его резиденция располагалась во дворце, построенном Иродом Великим, в городе Кесарии, откуда он и управлял страной. По некоторым сведениям, он родился в 10 году до Р. Х. в Лугдуне, в Галлии (ныне г. Лион, Франция). Имя «Понтий» (*Pontius*) — это, по всей видимости, фамилия или родовое имя Пилата, указывающее на его принадлежность к римскому роду Понтиев. А имя «Пилат» (*Pilatus*) означает «человек с копьем, или копьеносец».

Чуть ли не единственной характеристикой, данной Пилату его современником Филоном Александрийским, являются слова: «... природно жесткий, упрямый и безжалостный... развратен, груб и агрессивен, он насиловал, надругался, неоднократно убивал и постоянно зверствовал». О моральных качествах Понтия Пилата можно судить по его деяниям в Иудее. Как указывают историки, Пилат был ответственен за бесчисленные жестокости и казни, совершенные без всякого суда. Налоговый и политический гнет, провокации, оскорблявшие религиозные верования и обычаи иудеев, вызывали массовые народные выступления, беспощадно подавлявшиеся.

Однако имя Понтия Пилата стало одним из самых известных в истории не из-за особой жестокости и коварства, а вследствие единственного

его поступка — суда над Иисусом Христом и последовавшей в результате суда казни Спасителя. Из Священного Писания определенно известно, что Иисус был приговорен к смерти именно Пилатом, представлявшим в то время высшую римскую власть в Иудее, ему принадлежало право утвердить или отменить приговор синедриона, то есть окончательно решить участь Иисуса Христа.

Пилат был недоволен тем, что его вмешивают в это дело. По свидетельствам евангелистов, Понтий Пилат во время суда трижды отказывался предать смерти Иисуса Христа, в которой был заинтересован синедрион во главе с первосвященником Каифой. Иудеи, осознав желание Пилата уйти от ответственности и не участвовать в том деле, с которым они пришли, выдвинули против Иисуса новое обвинение, имевшее чисто политический характер. Осудив Иисуса за богохульство, они оклеветали его и представили Пилату преступником, опасным для Рима: «Он развращает народ наш и запрещает давать податъ кесарю, называя себя Христом Царем». Члены синедриона хотели перевести дело из религиозной области, которая Пилата мало интересовала, в политическую.

После бичевания окровавленного Христа в терновом венце и багрянице Пилат вывел к народу и сказал, что не находит никакой его вины. В словах Пилата: «Се, Человек!» — выражено его желание вызвать у иудеев сострадание к узнику, который после истязаний своим внешним видом не был похож на царя и не представлял угрозы римскому императору. Но народ ни в первый, ни во второй раз не проявил снисхождения и требовал казни Иисуса в ответ на предложение Пилата отпустить Христа, следуя давнему обычаю отпускать одного из узников на Пасху. При этом, согласно Евангелию, народ еще сильнее стал кричать: «Да будет распят». Видя это, Пилат вынес смертный приговор — приговорил Иисуса к распятию, а сам «умыл руки перед народом и сказал: невиновен я в крови Праведника Сего». Умыв руки, Пилат совершил ритуальное омовение рук в знак непричастности к совершаемому убийству.

В текстах раннехристианских историков можно найти сведения, что спустя 4 года после казни Назарянина прокуратор Понтий Пилат был низложен и сослан в Галлию. Что касается дальнейшей его судьбы после отъезда из Иудеи в конце 36 года, никаких достоверных сведений не имеется.

Однако сохранилось множество гипотез, которые, несмотря на различие деталей, сводятся к одному: Пилат покончил жизнь самоубийством. Существуют также легенды, согласно которым воды реки, куда бросили Пилата после совершенного им суицида, отказались принять его тело, и пришлось его бросить в одно из высокогорных озер в Альпах.

Имя Пилата стало нарицательным: этим словом обозначают жестокого человека, мучителя. В словаре Даля, например, можно найти слово «пилатить», которое и означает «мучить, тиранить». С его именем связано еще одно известное выражение — «умывать руки». В древности этот обычай указывал, что человек не берет на себя ответственность за происходящее, символически «смывает с себя грех». В русском языке это выражение стало обозначать «снимать с себя ответственность за то, что

происходит». Но это выражение приобрело еще и другой смысл: так говорят о том, кто остается в стороне от происходящих событий, хотя и имеет возможность как-то повлиять на их ход.

М. Мункачи. Христос перед Пилатом. 1881 г.

К заданию 2. Прочитайте фрагменты 2 главы романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита». Ответьте на вопросы и выполните задания.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА 2

Понтий Пилат

В белом плаще с кровавым подбоем, шаркающей кавалерийской походкой, ранним утром четырнадцатого числа весеннего месяца нисана в крытую колоннаду между двумя крыльями дворца Ирода великого вышел прокуратор¹ Иудеи² Понтий Пилат.

Более всего на свете прокуратор ненавидел запах розового масла, и все теперь предвещало нехороший день, так как запах этот начал преследо-

¹ *Прокуратор* (лат. *procurator* — заведующий, управляющий) — в Древнем Риме название управителя вообще. Исторически так называли слуг, управляющих господскими имениями, затем, с появлением одноименной государственной должности, — высокопоставленных чиновников, заведующих той или иной частью императорского имущества и управляющих провинциями.

² *Иудея* — римская провинция, образованная в 6 году на месте Иудейского царства. Просуществовала до восстания Бар-Кохбы и в 135 году была переименована в Сирию Палестинскую. Административным центром провинции была Кесария, однако значение духовной столицы для местного населения долгое время сохранял Иерусалим.

вать прокуратора с рассвета. Прокуратору казалось, что розовый запах источают кипарисы и пальмы в саду, что к запаху кожи и конвоя примешивается проклятая розовая струя. От флигелей в тылу дворца, где расположилась пришедшая с прокуратором в Ершалаим первая когорта¹ двенадцатого молниеносного легиона², заносило дымком в колоннаду через верхнюю площадку сада, и к горьковатому дыму, свидетельствовавшему о том, что кашевары в кентуриях³ начали готовить обед, примешивался все тот же жирный розовый дух. О боги, боги, за что вы наказываете меня?

«Да, нет сомнений! Это она, опять она, непобедимая, ужасная болезнь гемикрания⁴, при которой болит полголовы. От нее нет средств, нет никакого спасения. Попробую не двигать головой».

На мозаичном полу у фонтана уже было приготовлено кресло, и прокуратор, не глядя ни на кого, сел в него и протянул руку в сторону.

Секретарь почтительно вложил в эту руку кусок пергамента. Не удержавшись от болезненной гримасы, прокуратор искоса, бегло проглядел написанное, вернул пергамент секретарю и с трудом проговорил:

— Подследственный из Галилеи⁵? К тетрарху⁶ дело посылали?

— Да, прокуратор, — ответил секретарь.

— Что же он?

— Он отказался дать заключение по делу и смертный приговор Синедриона⁷ направил на ваше утверждение, — объяснил секретарь.

Прокуратор дернул щекой и сказал тихо:

— Приведите обвиняемого.

И сейчас же с площадки сада под колонны на балкон двое легионеров ввели и поставили перед креслом прокуратора — человека лет двадцати семи. Этот человек был одет в старенький и разорванный голубой хитон⁸. Голова его была прикрыта белой повязкой с ремешком вокруг лба, а руки связаны за спиной. Под левым глазом у человека был большой синяк, в углу рта — ссадина с запекшейся кровью. Приведенный с тревожным любопытством глядел на прокуратора.

¹ Когорта — отряд войска, десятая часть легиона в Древнем Риме.

² Легион — крупная воинская единица в Древнем Риме.

³ Кентурия (лат. centuria — сотня; от centum — сто) — военное подразделение римской армии; в легионе при Империи было 59 центурий; первоначально насчитывала около 100 человек.

⁴ Гемикрания — мигрень, неврологическое заболевание, наиболее частым и характерным симптомом которого являются эпизодические или регулярные сильные и мучительные приступы головной боли в одной (редко в обеих) половине головы.

⁵ Галилея — северная область Палестины, известная из Евангелия.

⁶ Тетрарх — один из четырех правителей в тетрархии. Например, в Иудее после смерти Ирода Великого.

⁷ Синедрион — в Древней Иудее — высшее религиозное учреждение, а также высший судебный орган в каждом городе.

⁸ Хитон — мужская и женская одежда у древних греков; подобие рубашки, чаще без рукавов; мужской хитон делали из прямоугольного куска ткани, который складывали пополам по вертикали и скалывали на плечах пряжками.

Тот помолчал, потом тихо спросил по-арамейски:

— Так это ты подговаривал народ разрушить Ершалаимский храм?

Прокуратор при этом сидел как каменный, и только губы его шевелились чуть-чуть при произнесении слов. Прокуратор был как каменный, потому что боялся качнуть пылающей адской болью головой.

Человек со связанными руками несколько подался вперед и начал говорить:

— Добрый человек! Поверь мне...

Но прокуратор, по-прежнему не шевелясь и ничуть не повышая голоса, тут же перебил его:

— Это меня ты называешь добрым человеком? Ты ошибаешься. В Ершалаиме все шепчут про меня, что я свирепое чудовище, и это совершенно верно, — и так же монотонно прибавил: — Кентуриона Крысобоя ко мне.

Всем показалось, что на балконе потемнело, когда кентурион, командующий особой кентурией, Марк, прозванный Крысобоем, предстал перед прокуратором.

Крысобой был на голову выше самого высокого из солдат легиона и настолько широк в плечах, что совершенно заслонил еще невысокое солнце.

Прокуратор обратился к кентуриону по-латыни:

— Преступник называет меня «добрый человек». Выведите его отсюда на минуту, объясните ему, как надо разговаривать со мной. Но не калечить.

И все, кроме неподвижного прокуратора, проводили взглядом Марка Крысобоя, который махнул рукою арестованному, показывая, что тот должен следовать за ним. <...>

Через минуту он вновь стоял перед прокуратором.

Прозвучал тусклый больной голос:

— Имя?

— Мое? — торопливо отозвался арестованный, всем существом выражая готовность отвечать толково, не вызывать более гнева.

Прокуратор сказал негромко:

— Мое — мне известно. Не притворяйся более глупым, чем ты есть. Твое.

— Иешуа, — поспешно ответил арестант.

— Прозвище есть?

— Га-Ноцри.

— Откуда ты родом?

— Из города Гамалы, — ответил арестант, головой показывая, что там, где-то далеко, направо от него, на севере, есть город Гамала.

— Кто ты по крови?

— Я точно не знаю, — живо ответил арестованный, — я не помню моих родителей. Мне говорили, что мой отец был сириец...

— Где ты живешь постоянно?

— У меня нет постоянного жилища, — застенчиво ответил арестант, — я путешествую из города в город.

— Это можно выразить короче, одним словом — бродяга, — сказал прокуратор и спросил: — Родные есть?

— Нет никого. Я один в мире.

— Знаешь ли грамоту?

— Да.

— Знаешь ли какой-либо язык, кроме арамейского?

— Знаю. Греческий.

Вспухшее веко приподнялось, подернутый дымкой страдания глаз уставился на арестованного. Другой глаз остался закрытым.

Пилат заговорил по-гречески:

— Так ты собирался разрушить здание храма и призывал к этому народ?

Тут арестант опять оживился, глаза его перестали выражать испуг, и он заговорил по-гречески:

— Я, доб... — тут ужас мелькнул в глазах арестанта оттого, что он едва не оговорился, — я, игемон, никогда в жизни не собирался разрушать здание храма и никого не подговаривал на это бессмысленное действие. <...>

— Я, игемон, говорил о том, что рухнет храм старой веры и создастся новый храм истины. Сказал так, чтобы было понятнее.

— Зачем же ты, бродяга, на базаре смутил народ, рассказывая про истину, о которой ты не имеешь представления? Что такое истина?

И тут прокуратор подумал: «О, боги мои! Я спрашиваю его о чем-то ненужном на суде... Мой ум не служит мне больше...» И опять померещилась ему чаша с темною жидкостью. «Яду мне, яду!»

И вновь он услышал голос:

— Истина прежде всего в том, что у тебя болит голова, и болит так сильно, что ты малодушно помышляешь о смерти. Ты не только не в силах говорить со мной, но тебе трудно даже глядеть на меня. И сейчас я невольно являюсь твоим палачом, что меня огорчает. Ты не можешь даже думать о чем-нибудь и мечтаешь только о том, чтобы пришла твоя собака, единственное, по-видимому, существо, к которому ты привязан. Но мучения твои сейчас кончатся, голова пройдет.

Секретарь вытаращил глаза на арестанта и не дописал слова.

Пилат поднял мученические глаза на арестанта и увидел, что солнце уже довольно высоко стоит над гипсодромом, что луч пробрался в колоннаду и подползает к стоптанным сандалиям Иешуа, что тот сторонится от солнца.

Тут прокуратор поднялся с кресла, сжал голову руками, и на желтоватом его бритом лице выразился ужас. Но он тотчас же подавил его своею волею и вновь опустился в кресло.

Арестант же тем временем продолжал свою речь, но секретарь ничего более не записывал, а только, вытянув шею, как гусь, старался не проронить ни одного слова.

— Ну вот, все и кончилось, — говорил арестованный, благожелательно поглядывая на Пилата, — и я чрезвычайно этому рад. Я советовал бы тебе, игемон, оставить на время дворец и погулять пешком где-нибудь в окрестностях, ну хотя бы в садах на Елеонской горе. Гроза начнется, — арестант повернулся, прищурился на солнце, — позже, к вечеру. Прогулка принесла бы тебе большую пользу, а я с удовольствием сопровождал бы

тебя. Мне пришли в голову кое-какие новые мысли, которые могли бы, полагаю, показаться тебе интересными, и я охотно поделился бы ими с тобой, тем более что ты производишь впечатление очень умного человека.

Секретарь смертельно побледнел и уронил свиток на пол.

— Беда в том, — продолжал никем не останавливаемый связанный, — что ты слишком замкнут и окончательно потерял веру в людей. Ведь нельзя же, согласишься, поместить всю свою привязанность в собаку. Твоя жизнь скудна, игемон, — и тут говорящий позволил себе улыбнуться. <...>

— Так, так, — улыбнувшись, сказал Пилат, — теперь я не сомневаюсь в том, что праздные зеваки в Ершалаиме ходили за тобою по пятам. Не знаю, кто подвесил твой язык, но подвешен он хорошо. Кстати, скажи: верно ли, что ты явился в Ершалаим через Сузские ворота верхом на осле, сопровождаемый толпою черни, кричавшей тебе приветствия как бы некоему пророку? — тут прокуратор указал на свиток пергамента.

Арестант недоуменно поглядел на прокуратора.

— У меня и осла-то никакого нет, игемон, — сказал он. — Пришел я в Ершалаим точно через Сузские ворота, но пешком, в сопровождении одного Левия Матвея, и никто мне ничего не кричал, так как никто меня тогда в Ершалаиме не знал.

— Не знаешь ли ты таких, — продолжал Пилат, не сводя глаз с арестанта, — некоего Дисмаса, другого — Гестаса и третьего — Вар-раввана?

— Этих добрых людей я не знаю, — ответил арестант.

— Правда?

— Правда.

— А теперь скажи мне, что это ты все время употребляешь слова «добрые люди»? Ты всех, что ли, так называешь?

— Всех, — ответил арестант, — злых людей нет на свете.

— Впервые слышу об этом, — сказал Пилат, усмехнувшись, — но, может быть, я мало знаю жизнь! Можете дальнейшее не записывать, — обратился он к секретарю, хотя тот и так ничего не записывал, и продолжал говорить арестанту: — В какой-нибудь из греческих книг ты прочел об этом?

— Нет, я своим умом дошел до этого.

— И ты проповедуешь это?

— Да.

— А вот, например, кентурион Марк, его прозвали Крысобою, — он — добрый?

— Да, — ответил арестант, — он, правда, несчастливый человек. С тех пор как добрые люди изуродовали его, он стал жесток и черств. Интересно бы знать, кто его искалечил. <...>

В это время в колоннаду стремительно влетела ласточка, сделала под золотым потолком круг, снизилась, чуть не задела острым крылом лица медной статуи в нише и скрылась за капителью колонны. Быть может, ей пришла мысль, вить там гнездо.

В течение ее полета в светлой теперь и легкой голове прокуратора сложилась формула. Она была такова: игемон разобрал дело бродячего фило-

софа Иешуа по кличке Га-Ноцри, и состава преступления в нем не нашел. В частности, не нашел ни малейшей связи между действиями Иешуа и беспорядками, происшедшими в Ершалаиме недавно. Бродячий философ оказался душевнобольным. Вследствие этого смертный приговор Га-Ноцри, вынесенный Малым Синедрионом, прокуратор не утверждает. Но ввиду того, что безумные, утопические речи Га-Ноцри могут быть причиной волнений в Ершалаиме, прокуратор удаляет Иешуа из Ершалаима и подвергает его заключению в Кесарии Стратоновой на Средиземном море, то есть именно там, где резиденция прокуратора.

Оставалось это продиктовать секретарю.

Крылья ласточки фыркнули над самой головой игемона, птица метнулась к чаше фонтана и вылетела на волю. Прокуратор поднял глаза на арестанта и увидел, что возле того столбом загорелась пыль.

— Все о нем? — спросил Пилат у секретаря.

— Нет, к сожалению, — неожиданно ответил секретарь и подал Пилату другой кусок пергамента.

— Что еще там? — спросил Пилат и нахмурился.

Прочитав поданное, он еще более изменился в лице. Темная ли кровь прилила к шее и лицу или случилось что-либо другое, но только кожа его утратила желтизну, побурела, а глаза как будто провалились.

Опять-таки виновата была, вероятно, кровь, прилившая к вискам и застучавшая в них, только у прокуратора что-то случилось со зрением. Так, померещилось ему, что голова арестанта уплыла куда-то, а вместо нее появилась другая. На этой плешивой голове сидел редкозубый золотой венец; на лбу была круглая язва, разъедающая кожу и смазанная мазью; запавший беззубый рот с отвисшей нижней капризной губой. Пилату показалось, что исчезли розовые колонны балкона и кровли Ершалаима вдали, внизу за садом, и все утонуло вокруг в густейшей зелени Капрейских садов. И со слухом совершилось что-то странное, как будто вдали проиграли негромко и грозно трубы и очень явственно послышался носовой голос, надменно тянущий слова: «Закон об оскорблении величества...»

Мысли понеслись короткие, бессвязные и необыкновенные: «Погиб!», потом: «Погибли!..» И какая-то совсем нелепая среди них о каком-то должествующем непременно быть — и с кем?! — бессмертии, причем бессмертие почему-то вызывало нестерпимую тоску.

Пилат напрягся, изгнал видение, вернулся взором на балкон, и опять перед ним оказались глаза арестанта.

— Слушай, Га-Ноцри, — заговорил прокуратор, глядя на Иешуа как-то странно: лицо прокуратора было грозно, но глаза тревожны, — ты когда-либо говорил что-нибудь о великом кесаре? Отвечай! Говорил?.. Или... не... говорил? — Пилат протянул слово «не» несколько больше, чем это полагается на суде, и послал Иешуа в своем взгляде какую-то мысль, которую как бы хотел внушить арестанту.

— Правду говорить легко и приятно, — заметил арестант.

— Мне не нужно знать, — придушенным, злым голосом отозвался Пилат, — приятно или неприятно тебе говорить правду. Но тебе придется ее

говорить. Но, говоря, взвешивай каждое слово, если не хочешь не только неизбежной, но и мучительной смерти.

Никто не знает, что случилось с прокуратором Иудеи, но он позволил себе поднять руку, как бы заслоняясь от солнечного луча, и за этой рукой, как за щитом, послать арестанту какой-то намекающий взор.

— Итак, — говорил он, — отвечай, знаешь ли ты некоего Иуду из Кириафа, и что именно ты говорил ему, если говорил, о кесаре?

— Дело было так, — охотно начал рассказывать арестант, — позавчера вечером я познакомился возле храма с одним молодым человеком, который назвал себя Иудой из города Кириафа. Он пригласил меня к себе в дом в Нижнем Городе и угостил...

— Добрый человек? — спросил Пилат, и дьявольский огонь сверкнул в его глазах.

— Очень добрый и любознательный человек, — подтвердил арестант, — он высказал величайший интерес к моим мыслям, принял меня весьма радушно...

— Светильники зажег... — сквозь зубы в тон арестанту проговорил Пилат, и глаза его при этом мерцали.

— Да, — немного удивившись осведомленности прокуратора, продолжал Иешуа, — попросил меня высказать свой взгляд на государственную власть. Его этот вопрос чрезвычайно интересовал.

— И что же ты сказал? — спросил Пилат, — или ты ответишь, что ты забыл, что говорил? — но в тоне Пилата была уже безнадежность.

— В числе прочего я говорил, — рассказывал арестант, — что всякая власть является насилием над людьми и что настанет время, когда не будет власти ни кесарей, никакой-либо иной власти. Человек перейдет в царство истины и справедливости, где вообще не будет надобна никакая власть.

— Далее!

— Далее ничего не было, — сказал арестант, — тут вбежали люди, стали меня вязать и повели в тюрьму.

Секретарь, стараясь не проронить ни слова, быстро чертил на пергаменте слова.

— На свете не было, нет и не будет никогда более великой и прекрасной для людей власти, чем власть императора Тиверия! — сорванный и большой голос Пилата разрossa.

Прокуратор с ненавистью почему-то глядел на секретаря и конвой.

— И не тебе, безумный преступник, рассуждать о ней! — тут Пилат вскричал: — Вывести конвой с балкона! — и, повернувшись к секретарю, добавил: — Оставьте меня с преступником наедине, здесь государственное дело.

Конвой поднял копья и, мерно стуча подкованными каллигами, вышел с балкона в сад, а за конвоем вышел и секретарь.

Молчание на балконе некоторое время нарушала только песня воды в фонтане. Пилат видел, как вздувалась над трубочкой водяная тарелка, как отламывались её края, как падали струйками.

Первым заговорил арестант:

— Я вижу, что совершается какая-то беда из-за того, что я говорил с этим юношей из Кириафа. У меня, игемон, есть предчувствие, что с ним случится несчастье, и мне его очень жаль.

— Я думаю, — странно усмехнувшись, ответил прокуратор, — что есть ещё кое-кто на свете, кого тебе следовало бы пожалеть более, чем Иуду из Кириафа, и кому придется гораздо хуже, чем Иуде! Итак, Марк Крысобой, холодный и убеждённый палач, люди, которые, как я вижу, — прокуратор указал на изуродованное лицо Иешуа, — тебя били за твои проповеди, разбойники Дисмас и Гестас, убившие со своими присными четырех солдат, и, наконец, грязный предатель Иуда — все они хорошие люди?

— Да, — ответил арестант.

— И настанет царство истины?

— Настанет, игемон, — убежденно ответил Иешуа.

— Оно никогда не настанет! — вдруг закричал Пилат таким страшным голосом, что Иешуа отшатнулся. Так много лет тому назад в долине дев кричал Пилат своим всадникам слова: «Руби их! Руби их! Великан Крысобой попался!» Он еще повысил сорванный командами голос, выкликая слова так, чтобы их слышали в саду: — Преступник! Преступник! Преступник!

А затем, понизив голос, он спросил:

— Иешуа Га-Ноцри, веришь ли ты в каких-нибудь богов?

— Бог один, — ответил Иешуа, — в него я верю.

— Так помолись ему! Покрепче помолись! Впрочем, — тут голос Пилата сел, — это не поможет. Жены нет? — почему-то тоскливо спросил Пилат, не понимая, что с ним происходит.

— Нет, я один.

— Ненавистный город, — вдруг почему-то пробормотал прокуратор и передернул плечами, как будто озяб, а руки потёр, как бы обмывая их, — если бы тебя зарезали перед твоим свиданием с Иудой из Кириафа, право, это было бы лучше.

— А ты бы меня отпустил, игемон, — неожиданно попросил арестант, и голос его стал тревожен, — я вижу, что меня хотят убить.

Лицо Пилата искажилось судорогой, он обратился к Иешуа воспаленные, в красных жилках белки глаз и сказал:

— Ты полагаешь, несчастный, что римский прокуратор отпустит человека, говорившего то, что говорил ты? О, боги, боги! Или ты думаешь, что я готов занять твоё место? Я твоих мыслей не разделяю! И слушай меня: если с этой минуты ты произнесешь хотя бы одно слово, заговоришь с кем-нибудь, берегись меня! Повторяю тебе: берегись.

— Игемон...

— Молчать! — вскричал Пилат и бешеным взором проводил ласточку, опять впорхнувшую на балкон. — Ко мне! — крикнул Пилат.

И когда секретарь и конвой вернулись на свои места, Пилат объявил, что утверждает смертный приговор, вынесенный в собрании Малого Синедриона преступнику Иешуа Га-Ноцри, и секретарь записал сказанное Пилатом.

Через минуту перед прокуратором стоял Марк Крысобой. Ему прокуратор приказал сдать преступника начальнику тайной службы и при этом передать ему распоряжение прокуратора о том, чтобы Иешуа Га-Ноцри был отделен от других осужденных, а также о том, чтобы команде тайной службы было под страхом тяжкой кары запрещено о чем бы то ни было разговаривать с Иешуа или отвечать на какие-либо его вопросы.

По знаку Марка вокруг Иешуа сомкнулся конвой и вывел его с балкона. <...>

Прокуратор начал с того, что пригласил первосвященника на балкон, с тем чтобы укрыться от безжалостного зноя, но Каифа вежливо извинился и объяснил, что сделать этого не может. Пилат накинул капюшон на свою чуть лысеющую голову и начал разговор. Разговор этот шел по-гречески.

Пилат сказал, что он разобрал дело Иешуа Га-Ноцри и утвердил смертный приговор.

Таким образом, к смертной казни, которая должна совершиться сегодня, приговорены трое разбойников: Дисмас, Гестас, Вар-равван и, кроме того, этот Иешуа Га-Ноцри. Первые двое, вздумавшие подбивать народ на бунт против кесаря, взяты с боем римскою властью, числятся за прокуратором, и, следовательно, о них здесь речь идти не будет. Последние же, Вар-равван и Га-Ноцри, схвачены местной властью и осуждены Синедрионом. Согласно закону, согласно обычаю, одного из этих двух преступников нужно будет отпустить на свободу в честь наступающего сегодня великого праздника Пасхи.

Итак, прокуратор желает знать, кого из двух преступников намерен освободить Синедрион: Вар-раввана или Га-Ноцри? Каифа склонил голову в знак того, что вопрос ему ясен, и ответил:

— Синедрион просит отпустить Вар-раввана.

Прокуратор хорошо знал, что именно так ему ответит первосвященник, но задача его заключалась в том, чтобы показать, что такой ответ вызывает его изумление.

Пилат это и сделал с большим искусством. Брови на надменном лице поднялись, прокуратор прямо в глаза поглядел первосвященнику с изумлением.

— Признаюсь, этот ответ меня удивил, — мягко заговорил прокуратор, — боюсь, нет ли здесь недоразумения.

Пилат объяснился. Римская власть ничуть не покушается на права духовной местной власти, первосвященнику это хорошо известно, но в данном случае налицо явная ошибка. И в исправлении этой ошибки римская власть, конечно, заинтересована.

В самом деле: преступления Вар-раввана и Га-Ноцри совершенно не сравнимы по тяжести. Если второй, явно сумасшедший человек, повинен в произнесении нелепых речей, смущавших народ в Ершалаиме и других некоторых местах, то первый отягощен гораздо значительнее. Мало того, что он позволил себе прямые призывы к мятежу, но он еще убил стража при попытках брать его. Вар-равван гораздо опаснее, нежели Га-Ноцри.

В силу всего изложенного прокуратор просит первосвященника пересмотреть решение и оставить на свободе того из двух осужденных, кто менее вреден, а таким, без сомнения, является Га-Ноцри. Итак?

Каифа прямо в глаза посмотрел Пилату и сказал тихим, но твердым голосом, что Синедрион внимательно ознакомился с делом и вторично сообщает, что намерен освободить Вар-раввана.

— Как? Даже после моего ходатайства? Ходатайства того, в лице которого говорит римская власть? Первосвященник, повтори в третий раз.

— И в третий раз мы сообщаем, что освобождаем Вар-раввана, — тихо сказал Каифа.

Все было кончено, и говорить более было не о чем. Га-Ноцри уходил навсегда, и страшные, злые боли прокуратора некому излечить; от них нет средства, кроме смерти. Но не эта мысль поразила сейчас Пилата. Все та же непонятная тоска, что уже приходила на балконе, пронизала всё его существо. Он тотчас постарался ее объяснить, и объяснение было странное: показалось смутно прокуратору, что он чего-то не договорил с осужденным, а может быть, чего-то не дослушал.

Пилат прогнал эту мысль, и она улетела в одно мгновение, как и прилетела. Она улетела, а тоска осталась необъясненной, ибо не могла же ее объяснить мелькнувшая как молния и тут же погасшая какая-то короткая другая мысль: «Бессмертие... пришло бессмертие...» Чье бессмертие пришло? Этого не понял прокуратор, но мысль об этом загадочном бессмертии заставила его похолодеть на солнцепеке.

— Хорошо, — сказал Пилат, — да будет так.

Тут он оглянулся, окинул взором видимый ему мир и удивился происшедшей перемене. Пропал отягощенный розами куст, пропали кипарисы, окаймляющие верхнюю террасу, и гранатовое дерево, и белая статуя в зелени, да и сама зелень. Поплыла вместо этого всего какая-то багровая гуща, в ней закачались водоросли и двинулись куда-то, а вместе с ними двинулся и сам Пилат. Теперь его уносил, удушая и обжигая, самый страшный гнев, гнев бессилия. <...>

Лишь только группа, выйдя из сада на площадь, поднялась на обширный царящий над площадью каменный помост, Пилат, оглядываясь сквозь прищуренные веки, разобрался в обстановке. То пространство, которое он только что прошел, то есть пространство от дворцовой стены до помоста, было пусто, но зато впереди себя Пилат площади уже не увидел — ее съела толпа. Она залила бы и самый помост, и то очищенное пространство, если бы тройной ряд себастийских солдат по левую руку Пилата и солдат итурейской вспомогательной когорты по правую — не держал ее.

Итак, Пилат поднялся на помост, сжимая машинально в кулаке ненужную пряжку и щурясь. Щурился прокуратор не оттого, что солнце жгло ему глаза, нет! Он не хотел почему-то видеть группу осужденных, которых, как он это прекрасно знал, сейчас вслед за ним возводят на помост.

Лишь только белый плащ с багряной подбивкой возник в высоте на

каменном утесе над краем человеческого моря, незрячему Пилату в уши ударила звуковая волна: «Га-а-а...» Она началась негромко, зародившись где-то вдали у гипподрома, потом стала громоподобной и, продержавшись несколько секунд, начала спадать. «Увидели меня», — подумал прокуратор. Волна не дошла до низшей точки и неожиданно стала опять вырастать и, качаясь, поднялась выше первой, и на второй волне, как на морском валу вскипает пена, вскипел свист и отдельные, сквозь гром различимые, женские стоны. «Это их ввели на помост... — подумал Пилат, — а стоны оттого, что задавили нескольких женщин, когда толпа подалась вперед».

Он выждал некоторое время, зная, что никакой силой нельзя заставить умолкнуть толпу, пока она не выдохнет все, что накопилось у нее внутри, и не смолкнет сама.

И когда этот момент наступил, прокуратор выбросил вверх правую руку, и последний шум сдуло с толпы.

Тогда Пилат набрал, сколько мог, горячего воздуха в грудь и закричал, и сорванный его голос понесло над тысячами голов:

— Именем кесаря императора!

Тут в уши ему ударил несколько раз железный рубленый крик — в когортах, взбросив вверх копьа и значки, страшно прокричали солдаты:

— Да здравствует кесарь!

Пилат задрал голову и уткнул ее прямо в солнце. Под веками у него вспыхнул зеленый огонь, от него загорелся мозг, и над толпой полетели хриплые арамейские слова:

— Четверо преступников, арестованных в Ершалаиме за убийства, подстрекательства к мятежу и оскорбление законов и веры, приговорены к позорной казни — повешению на столбах! И эта казнь сейчас совершится на Лысой Горе! Имена преступников — Дисмас, Гестас, Вар-равван и Га-Ноцри. Вот они перед вами!

Пилат указал вправо рукой, не видя никаких преступников, но зная, что они там, на месте, где им нужно быть.

Толпа ответила длинным гулом как бы удивления или облегчения. Когда же он потух, Пилат продолжал:

— Но казнены из них будут только трое, ибо, согласно закону и обычаю, в честь праздника пасхи одному из осужденных, по выбору Малого Синедриона и по утверждению римской власти, великодушный кесарь император возвращает его презренную жизнь!

Пилат выкрикивал слова и в то же время слушал, как на смену гулу идет великая тишина. Теперь ни вздоха, ни шороха не доносилось до его ушей, и даже настало

Николай Королёв. Понтий Пилат

мгновение, когда Пилату показалось, что все кругом вообще исчезло. Ненавидимый им город умер, и только он один стоит, сжигаемый отвесными лучами, упершись лицом в небо. Пилат еще придержал тишину, а потом начал выкрикивать:

— Имя того, кого сейчас при вас отпустят на свободу...

Он сделал еще одну паузу, задерживая имя, проверяя, все ли сказал, потому что знал, что мертвый город воскреснет после произнесения имени счастливца и никакие дальнейшие слова слышны быть не могут.

«Все? — беззвучно шепнул себе Пилат, — все. Имя!»

И, раскатив букву «р» над молчащим городом, он прокричал:

— Вар-равван!

Тут ему показалось, что солнце, зазвенев, лопнуло над ним и залило ему огнем уши. В этом огне бушевали рев, визги, стоны, хохот и свист.

Пилат повернулся и пошел по мосту назад к ступеням, не глядя ни на что, кроме разноцветных шашек настила под ногами, чтобы не оступиться. Он знал, что теперь у него за спиной на помост градом летят бронзовые монеты, финики, что в воюющей толпе люди, давя друг друга, лезут на плечи, чтобы увидеть своими глазами чудо — как человек, который уже был в руках смерти, вырвался из этих рук! Как легионеры снимают с него веревки, невольно причиняя ему жгучую боль в вывихнутых на допросе руках, как он, морщась и охая, все же улыбается бессмысленной сумасшедшей улыбкой.

Он знал, что в это же время конвой ведет к боковым ступеням троих со связанными руками, чтобы выводить их на дорогу, ведущую на запад, за город, к Лысой Горе. Лишь оказавшись за помостом, в тылу его, Пилат открыл глаза, зная, что он теперь в безопасности — осужденных он видеть уже не мог. <...>

Закрываясь от пыли рукой и недовольно морща лицо, Пилат двинулся дальше, устремляясь к воротам дворцового сада, а за ним двинулся легат, секретарь и конвой.

Было около десяти часов утра.

К заданию 3.

Прочитайте фрагменты 16 главы романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита». Ответьте на вопросы и выполните задания.

ГЛАВА 16

Казнь

Солнце уже снижалось над Лысой Горой, и была эта гора оцеплена двойным оцеплением. <...>

Итак, прошло со времени подъема процессии на гору более трех часов, и солнце уже снижалось над Лысой Горой, но жар еще был невыносим, и солдаты в обоих оцеплениях страдали от него, томились от скуки и в душе проклинали трех разбойников, искренне желая им скорейшей смерти. <...>

То, что было сказано о том, что за цепью легионеров не было ни одного человека, не совсем верно. Один-то человек был, но просто не всем он был виден. Он поместился не на той стороне, где был открыт подъём на гору

и с которой было удобнее всего видеть казнь, а в стороне северной, там, где холм был не отлог и доступен, а неровен, где были и провалы и щели, там, где, уцепившись в расщелине за проклятую небом безводную землю, пыталось жить больное фиговое деревцо.

Именно под ним, вовсе не дающим никакой тени, и утвердился этот единственный зритель, а не участник казни, и сидел на камне с самого начала, то есть вот уже четвертый час. Да, для того чтобы видеть казнь, он выбрал не лучшую, а худшую позицию. Но все-таки и с нее столбы были видны, видны были за цепью и два сверкающие пятна на груди кентуриона, а этого, по-видимому, для человека, явно желавшего остаться мало замеченным и никем не тревожимым, было совершенно достаточно. <...>

Теперь, сидя на камне, этот чернобородый, с гноящимися от солнца и бессонницы глазами человек тосковал. Он то вздыхал, открывая свой истасканный в скитаниях, из голубого превратившийся в грязно-серый талиф, и обнажал ушибленную копьем грудь, по которой стекал грязный пот, то в невыносимой муке поднимал глаза в небо, следя за тремя стервятниками, давно уже плававшими в вышине большими кругами в предчувствии скорого пира, то вперял безнадежный взор в желтую землю и видел на ней полуразрушенный собачий череп и бегающих вокруг него ящериц.

Мучения человека были настолько велики, что по временам он заговаривал сам с собой.

— О, я глупец! — бормотал он, раскачиваясь на камне в душевной боли и ногтями царапая смуглую грудь, — глупец, неразумная женщина, трус! Падаль я, а не человек!

Он умолкал, поникал головой, потом, напившись из деревянной фляги теплой воды, оживал вновь и хватался то за нож, спрятанный под талифом на груди, то за кусок пергамента, лежащий перед ним на камне рядом с палочкой и пузырьком с тушью.

На этом пергаменте уже были набросаны записи:

«Бегут минуты, и я, Левий Матвей, нахожусь на Лысой Горе, а смерти всё нет!»

Далее:

«Солнце склоняется, а смерти нет».

Теперь Левий Матвей безнадежно записал острой палочкой так:

«Бог! За что гневаешься на него? Пошли ему смерть».

Записав это, он болезненно всхлипнул и опять ногтями изранил свою грудь. <...>

Когда истек четвертый час казни, мучения Левия достигли наивысшей степени, и он впал в ярость. Поднявшись с камня, он швырнул на землю бесполезно, как он теперь думал, украденный нож, раздавил флягу ногою, лишив себя воды, сбросил с головы кефи, вцепился в свои жидкие волосы и стал проклинать себя. <...>

Видя, что клятвы и брань не действуют и ничего от этого на солнце-пеке не меняется, он сжал сухие кулаки, зажмурился, вознес их к небу, к солнцу, которое сползало все ниже, удлиняя тени и уходя, чтобы

упасть в Средиземное море, и потребовал у Бога немедленного чуда. Он требовал, чтобы Бог тотчас же послал Иешуа смерть.

Открыв глаза, он убедился в том, что на холме все без изменений, за исключением того, что пылавшие на груди кентуриона пятна потухли. Солнце посылало лучи в спины казнимых, обращенных лицами к Ершалаиму. Тогда Левий закричал:

— Проклинаю тебя, Бог! <...>

Тут что-то дунуло в лицо бывшему сборщику и что-то зашелестело у него под ногами. Дунуло еще раз, и тогда, открыв глаза, Левий увидел, что все в мире, под влиянием ли его проклятий или в силу каких-либо других причин, изменилось. Солнце исчезло, не дойдя до моря, в котором тонуло ежевечерне. Поглотив его, по небу с запада поднималась грозно и неуклонно грозовая туча. Края ее уже вскипали белой пеной, черное дымное брюхо отсвечивало желтым. Туча ворчала, и из нее время от времени вываливались огненные нити. По Яффской дороге, по скудной Гионской долине, над шатрами богомольцев, гонимые внезапно поднявшимся ветром, летели пыльные столбы. Левий умолк, стараясь сообразить, принесет ли гроза, которая сейчас накроет Ершалаим, какое-либо изменение в судьбе несчастного Иешуа. И тут же, глядя на нити огня, раскраивающие тучу, стал просить, чтобы молния ударила в столб Иешуа. В раскаянии глядя в чистое небо, которое еще не пожрала туча и где стервятники ложились на крыло, чтобы уходить от грозы, Левий подумал, что безумно поспешил со своими проклятиями. Теперь бог не слушает его. <...>

Крысобою, брезгливо покосившись на грязные тряпки, бывшие недавно одеждой преступников, от которой отказались палачи, отозвал двух из них и приказал:

— За мною!

С ближайшего столба доносилась хрипая бессмысленная песенка. Повешенный на нем Гестас к концу третьего часа казни сошел с ума от мух и солнца и теперь тихо пел что-то про виноград, но головою, покрытой чалмой, изредка все-таки покачивал, и тогда мухи вяло поднимались с его лица и возвращались на него опять.

Дисмас на втором столбе страдал более двух других, потому что его не одолевало забытие, и он качал головой, часто и мерно, то вправо, то влево, чтобы ухом ударять по плечу.

Счастливее двух других был Иешуа. В первый же час его стали поражать обмороки, а затем он впал в забытие, повесив голову в размотавшейся чалме. Мухи и слепни поэтому совершенно облепили его, так что лицо его исчезло под черной шевелящейся массой. В паху, и на животе, и под мышками сидели жирные слепни и сосали желтое обнаженное тело.

Повинуясь жестам человека в капюшоне, один из палачей взял копье, а другой поднес к столбу ведро и губку. Первый из палачей поднял копье и постучал им сперва по одной, потом по другой руке Иешуа, вытянутым и привязанным веревками к поперечной перекладине столба. Тело с выпятившимися ребрами вздрогнуло. Палач провел концом копья по животу. Тогда Иешуа поднял голову, и мухи с гуденьем снялись, и открылось лицо

повешенного, распухшее от укусов, с заплывшими глазами, неузнаваемое лицо.

Разлепив веки, Га-Ноцри глянул вниз. Глаза его, обычно ясные, теперь были мутноваты.

— Га-Ноцри! — сказал палач.

Га-Ноцри шевельнул вспухшими губами и отозвался хриплым разбойничьим голосом:

— Что тебе надо? Зачем подошел ко мне?

— Пей! — сказал палач, и пропитанная водою губка на конце копья поднялась к губам Иешуа. Радость сверкнула у того в глазах, он прильнул к губке и с жадностью начал впитывать влагу. <...>

— Славь великодушного игемона! — торжественно шепнул он и тихонько кольнул Иешуа в сердце. Тот дрогнул, шепнул:

— Игемон...

Кровь побежала по его животу, нижняя челюсть судорожно дрогнула, и голова его повисла. <...>

Через несколько минут в дымном зареве грозы, воды и огня на холме остался только один человек. Потрясая недаром украденным ножом, срываясь со скользких уступов, цепляясь за что попало, иногда ползя на коленях, он стремился к столбам. Он то пропадал в полной мгле, то вдруг освещался трепещущим светом.

Добравшись до столбов, уже по щиколотку в воде, он содрал с себя отяжелевший, пропитанный водою таллиф, остался в одной рубахе и припал к ногам Иешуа. Он перерезал веревки на голених, поднялся на нижнюю перекладину, обнял Иешуа и освободил руки от верхних связей. Голое влажное тело Иешуа обрушилось на Левия и повалило его наземь. Левий тут же хотел взвалить его на плечи, но какая-то мысль остановила его. Он оставил на земле в воде тело с запрокинутой головой и разметанными руками и побежал на разъезжающихся в глиняной жиже ногах к другим столбам. Он перерезал веревки и на них, и два тела обрушились на землю.

Прошло несколько минут, и на вершине холма остались только эти два тела и три пустых столба. Вода била и поворачивала эти тела.

Ни Левия, ни тела Иешуа на верху холма в это время уже не было.

К рубрике «Дома»

Прочитайте фрагменты 25 и 26 глав романа «Мастер и Маргарита». Составьте на основе их содержания трехчастный дневник (см. форму в теме № 47). Не пропустите афоризмы Иешуа Га-Ноцри, записанные Левию Матвеем в его пергаменте!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ ГЛАВА 25

Как прокуратор пытался спасти Иуду

Тьма, пришедшая со Средиземного моря, накрыла ненавидимый прокуратором город. Исчезли висячие мосты, соединяющие храм со страшной Антониевой башней, опустилась с неба бездна и залила крылатых богов над гипподромом, Хасмонеийский дворец с бойницами, базары,

караван-сарай, переулки, пруды... Пропал Ершалаим — великий город, как будто не существовал на свете. Все пожрала тьма, напугавшая все живое в Ершалаиме и его окрестностях. Странную тучу принесло с моря к концу дня, четырнадцатого дня весеннего месяца нисана.

Она уже навалилась своим брюхом на Лысый Череп, где палачи поспешно кололи казнимых, она навалилась на храм в Ершалаиме, сползла дымными потоками с холма его и залила Нижний Город. Она вливалась в окошки и гнала с кривых улиц людей в дома. Она не спешила отдавать свою влагу и отдавала только свет. Лишь только дымное черное варево распарывал огонь, из крошечной тьмы взлетала вверх великая глыба храма со сверкающим чешуйчатым покрытием. Но он угасал во мгновение, и храм погружался в темную бездну. Несколько раз он выскакивал из нее и опять проваливался, и каждый раз этот провал сопровождался грохотом катастрофы.

Другие трепетные мерцания вызывали из бездны противостоящий храму на западном холме дворец Ирода Великого, и страшные безглазые золотые статуи взлетали к черному небу, простирая к нему руки. Но опять прятался небесный огонь, и тяжелые удары грома загоняли золотых идолов во тьму.

Ливень хлынул неожиданно, и тогда гроза перешла в ураган. В том самом месте, где около полудня, близ мраморной скамьи в саду, беседовали прокуратор и первосвященник, с ударом, похожим на пушечный, как трость переломило кипарис. Вместе с водяной пылью и градом на балкон под колонны несло сорванные розы, листья магнолий, маленькие сучья и песок. Ураган терзал сад. <...>

Наконец услышал прокуратор и долгожданные шаги, и шлепанье но лестнице, ведущей к верхней площадке сада перед самым балконом. Прокуратор вытянул шею, и глаза его заблестали, выражая радость. <...>

Пришедший откинул капюшон, обнаружив совершенно мокрую, с прилипшими ко лбу волосами голову, и, выразив на своем бритом лице вежливую улыбку, стал отказываться переодеться, уверяя, что дождик не может ему ничем повредить. <...>

— А теперь прошу сообщить мне о казни, — сказал прокуратор.

— Что именно интересует прокуратора?

— Не было ли со стороны толпы попыток выражения возмущения? Это главное, конечно.

— Никаких, — ответил гость.

— Очень хорошо. Вы сами установили, что смерть пришла?

— Прокуратор может быть уверен в этом.

— А скажите... напиток им давали перед повешением на столбы?

— Да. Но он, — тут гость закрыл глаза, — отказался его выпить.

— Кто именно? — спросил Пилат.

— Простите, игемон! — воскликнул гость, — я не назвал? Га-Ноцри.

— Безумец! — сказал Пилат, почему-то гримасничая. Под левым глазом у него задергалась жилка, — умирать от ожогов солнца! Зачем же отказываться от того, что предлагается по закону? В каких выражениях он отказался?

— Он сказал, — опять закрывая глаза, ответил гость, — что благодарит и не винит за то, что у него отняли жизнь.

— Кого? — глухо спросил Пилат.

— Этого он, игемон, не сказал.

— Не пытался ли он проповедовать что-либо в присутствии солдат?

— Нет, игемон, он не был многословен на этот раз. Единственное, что он сказал, это, что в числе человеческих пороков одним из самых главных он считает трусость.

— К чему это было сказано? — услышал гость внезапно треснувший голос.

— Этого нельзя было понять. Он вообще вел себя странно, как, впрочем, и всегда.

— В чем странность?

— Он все время пытался заглянуть в глаза то одному, то другому из окружающих и все время улыбался какой-то растерянной улыбкой.

— Больше ничего? — спросил хриплый голос.

— Больше ничего.

Прокуратор стукнул чашей, наливая себе вина. Осушив ее до самого дна, он заговорил:

— Дело заключается в следующем: хотя мы и не можем обнаружить — в данное время, по крайней мере, — каких-либо его поклонников или последователей, тем не менее ручаться, что их совсем нет, нельзя.

Гость внимательно слушал, наклонив голову.

— И вот, во избежание каких-нибудь сюрпризов, — продолжал прокуратор, — я прошу вас немедленно и без всякого шума убрать с лица земли тела всех трех казненных и похоронить их в тайне и в тишине, так, чтобы о них больше не было ни слуху ни духу.

— Слушаю, игемон, — сказал гость и встал, говоря: — Ввиду сложности и ответственности дела разрешите мне ехать немедленно. <...>

— Я счастлив служить под вашим начальством, игемон.

— Мне это очень приятно. Итак, третий вопрос. Касается этого, как его... Иуды из Кириафа.

Тут гость и послал прокуратору свой взгляд и тотчас, как полагается, угасил его.

— Говорят, что он, — понижая голос, продолжал прокуратор, — деньги будто бы получил за то, что так радушно принял у себя этого безумного философа.

— Получит, — тихонько поправил Пилата начальник тайной службы.

— А велика ли сумма?

— Этого никто не может знать, игемон.

— Даже вы? — своим изумлением выражая комплимент, сказал игемон.

— Увы, даже я, — спокойно ответил гость, — но что он получит эти деньги сегодня вечером, это я знаю. Его сегодня вызывают во дворец Каифы.

— Ах, жадный старик из Кириафа, — улыбаясь, заметил прокуратор, — ведь он старик?

— Прокуратор никогда не ошибается, но на сей раз ошибся, — любезно ответил гость, — человек из Кириафа — молодой человек.
— Скажите! Характеристику его вы можете мне дать? Фанатик?
— О нет, прокуратор.
— Так. А еще что-нибудь?
— Очень красив.
— А еще? Имеет, может быть, какую-нибудь страсть?
— Трудно знать так уж точно всех в этом громадном городе, прокуратор...

— О нет, нет, Афраний! Не преуменьшайте своих заслуг!
— У него есть одна страсть, прокуратор. — Гость сделал крохотную паузу. — Страсть к деньгам.

— А он чем занимается?

Афраний поднял глаза кверху, подумал и ответил:

— Он работает в меняльной лавке у одного из своих родственников.

— Ах так, так, так, так. — Тут прокуратор умолк, оглянулся, нет ли кого на балконе, и потом сказал тихо: — Так вот в чем дело — я получил сегодня сведения о том, что его зарежут сегодня ночью. <...>

— Позвольте мне пока этого не говорить, тем более что они случайны, темны и недостоверны. Но я обязан предвидеть все. Такова моя должность, а пуще всего я обязан верить своему предчувствию, ибо никогда оно еще меня не обманывало. Сведения же заключаются в том, что кто-то из тайных друзей Га-Ноцри, возмущенный чудовищным предательством этого менялы, сговаривается со своими сообщниками убить его сегодня ночью, а деньги, полученные за предательство, подбросить первосвященнику с запиской: «Возвращаю проклятые деньги!» <...>

ГЛАВА 26

Погребение

Может быть, эти сумерки и были причиной того, что внешность прокуратора резко изменилась. Он как будто на глазах постарел, сгорбился и, кроме того, стал тревожен. Один раз он оглянулся и почему-то вздрогнул, бросив взгляд на пустое кресло, на спинке которого лежал плащ. Приблизжалась праздничная ночь, вечерние тени играли свою игру, и, вероятно, усталому прокуратору померещилось, что кто-то сидит в пустом кресле. Допустив малодушие — пошевелив плащ, прокуратор оставил его и забежал по балкону, то потирая руки, то подбегая к столу и хватаясь за чашу, то останавливаясь и начиная бессмысленно глядеть на мозаику пола, как будто пытаюсь прочесть в ней какие-то письма.

За сегодняшний день уже второй раз на него пала тоска. Потирая висок, в котором от адской утренней боли осталось только тупое, немного ноющее воспоминание, прокуратор все силился понять, в чем причина его душевных мучений. И быстро он понял это, но постарался обмануть себя. Ему ясно было, что сегодня днем он что-то безвозвратно упустил, и теперь он упущенное хочет исправить какими-то мелкими и ничтожными, а главное, запоздавшими действиями. Обман же самого себя за-

ключался в том, что прокуратор старался внушить себе, что действия эти, теперешние, вечерние, не менее важны, чем утренний приговор. Но это очень плохо удавалось прокуратору. <...>

Дворец Ирода Великого не принимал никакого участия в торжестве пасхальной ночи. <...> Тут, внутри дворца, господствовали мрак и тишина. И внутри прокуратор, как и говорил Афранию, уйти не пожелал. Он велел постель приготовить на балконе, там же, где обедал, а утром вел допрос. Прокуратор лег на приготовленную ложе, но сон не пожелал прийти к нему. Оголенная луна висела высоко в чистом небе, и прокуратор не сводил с нее глаз в течение нескольких часов.

Примерно в полночь сон наконец сжалился над игемоном. Судорожно зевнув, прокуратор расстегнул и сбросил плащ, снял опоясывающий рубаху ремень с широким стальным ножом в ножнах, положил его в кресло у ложа, снял сандалии и вытянулся. Банга тотчас поднялся к нему на постель и лег рядом, голова к голове, и прокуратор, положив собаке руку на шею, закрыл наконец глаза. Только тогда заснул и пес.

Ложе было в полутьме, закрываемое от луны колонной, но от ступеней крыльца тянулась к постели лунная лента. И лишь только прокуратор потерял связь с тем, что было вокруг него в действительности, он немедленно тронулся по светящейся дороге и пошел по ней вверх прямо к луне. Он даже рассмеялся во сне от счастья, до того все сложилось прекрасно и неповторимо на прозрачной голубой дороге. Он шел в сопровождении Банги, а рядом с ним шел бродячий философ. Они спорили о чем-то очень сложном и важном, причем ни один из них не мог победить другого. Они ни в чем не сходились друг с другом, и от этого их спор был особенно интересен и нескончаем. Само собой разумеется, что сегодняшняя казнь оказалась чистейшим недоразумением — ведь вот же философ, выдумавший столь невероятно нелепую вещь вроде того, что все люди добрые, шел рядом, следовательно, он был жив. И, конечно, совершенно ужасно было бы даже помыслить о том, что такого человека можно казнить. Казни не было! Не было! Вот в чем прелесть этого путешествия вверх по лестнице луны.

Свободного времени было столько, сколько надобно, а гроза будет только к вечеру, и трусость, несомненно, один из самых страшных пороков. Так говорил Иешуа Га-Ноцри. Нет, философ, я тебе возражаю: это самый страшный порок.

Вот, например, не струсил же теперешний прокуратор Иудеи, а бывший трибун в легионе, тогда, в долине дев, когда яростные германцы чуть не загрызли Крысобоя-великана. Но, помилуйте меня, философ! Неужели вы, при вашем уме, допускаете мысль, что из-за человека, совершившего преступление против кесаря, погубит свою карьеру прокуратор Иудеи?

— Да, да, — стонал и всхлипывал во сне Пилат.

Разумеется, погубит. Утром бы еще не погубил, а теперь, ночью, взвесив все, согласен погубить. Он пойдет на все, чтобы спасти от казни решительно ни в чем не виноватого безумного мечтателя и врача!

— Мы теперь будем всегда вместе, — говорил ему во сне оборванный философ-бродяга, неизвестно каким образом вставший на дороге всадника с золотым копьём. — Раз один — то, значит, тут же и другой! Помянут меня, — сейчас же помянут и тебя! Меня — подкидыша, сына неизвестных родителей, и тебя — сына короля-звездочета и дочери мельника, красавицы Пилы.

— Да, уж ты не забудь, помяни меня, сына звездочета, — просил во сне Пилат. И, заручившись во сне кивком идущего рядом с ним нищего из Эн-Сарида, жестокий прокуратор Иудеи от радости плакал и смеялся во сне. <...>

<...> Три светильника на столе оказались перед прокуратором, и лунная ночь тотчас отступила в сад, как будто Афраний увел ее с собою. Вместо Афрания на балкон вступил неизвестный маленький и тощий человек рядом с гигантом кентурионом. Этот второй, поймав взгляд прокуратора, тотчас отступил в сад и скрылся.

Прокуратор изучал пришедшего человека жадными и немного испуганными глазами. Так смотрят на того, о ком слышали много, о ком и сами думали и кто наконец появился.

Пришедший человек, лет под сорок, был черен, оборван, покрыт засохшей грязью, смотрел по-волчьи, исподлобья. Словом, он был очень непригляден и скорее всего походил на городского нищего, каких много толчется на террасах храма или на базарах шумного и грязного Нижнего Города.

Молчание продолжалось долго, и нарушено оно было странным поведением приведенного к Пилату. Он изменился в лице, шатнулся и, если бы не ухватился грязной рукой за край стола, упал бы.

— Что с тобой? — спросил его Пилат.

— Ничего, — ответил Левий Матвей и сделал такое движение, как будто что-то проглотил. Тощая, голая, грязная шея его взбухла и опять опала.

— Что с тобою, отвечай, — повторил Пилат.

— Я устал, — ответил Левий и мрачно поглядел в пол.

— Сядь, — молвил Пилат и указал на кресло.

Левий недоверчиво поглядел на прокуратора, двинулся к креслу, испуганно покосился на золотые ручки и сел не в кресло, а рядом с ним, на пол.

— Объясни, почему не сел в кресло? — спросил Пилат.

— Я грязный, я его запачкаю, — сказал Левий, глядя в землю.

— Сейчас тебе дадут поесть.

— Я не хочу есть, — ответил Левий.

— Зачем же лгать? — спросил тихо Пилат, — ты ведь не ел целый день, а может быть, и больше. Ну, хорошо, не ешь. Я призвал тебя, чтобы ты показал мне нож, который был у тебя.

— Солдаты отняли его у меня, когда вводили сюда, — сказал Левий и добавил мрачно: — Вы мне его верните, мне его надо отдать хозяину, я его украл.

— Зачем?

— Чтобы веревки перерезать, — ответил Левий.

— Марк! — крикнул прокуратор, и кентурион вступил под колонны. — Нож его мне дайте.

Кентурион вынул из одного из двух чехлов на поясе грязный хлебный нож и подал его прокуратору, а сам удалился.

— А у кого взял нож?

— В хлебной лавке у Хевронских ворот, как войдешь в город, сейчас же налево.

Пилат поглядел на широкое лезвие, попробовал пальцем остер ли нож зачем-то и сказал:

— Насчет ножа не беспокойся, нож вернут в лавку. А теперь мне нужно второе: покажи хартию, которую ты носишь с собой и где записаны слова Иешуа.

Левий с ненавистью поглядел на Пилата и улыбнулся столь недоброй улыбкой, что лицо его обезобразилось совершенно.

— Все хотите отнять? И последнее, что имею? — спросил он.

— Я не сказал тебе — отдай, — ответил Пилат, — я сказал — покажи.

Левий порылся за пазухой и вынул свиток пергамента. Пилат взял его, развернул, расстелил между огнями и, щурясь, стал изучать малоразборчивые чернильные знаки. Трудно было понять эти корявые строчки, и Пилат морщился и склонялся к самому пергаменту, водил пальцем по строчкам. Ему удалось все-таки разобрать, что записанное представляет собой несвязную цепь каких-то изречений, каких-то дат, хозяйственных заметок и поэтических отрывков. Кое-что Пилат прочел: «Смерти нет... Вчера мы ели сладкие весенние баккуроты...»

Гримасничая от напряжения, Пилат щурился, читал: «Мы увидим чистую реку воды жизни... Человечество будет смотреть на солнце сквозь прозрачный кристалл...»

Тут Пилат вздрогнул. В последних строчках пергамента он разобрал слова: «...большого порока... трусость».

Пилат свернул пергамент и резким движением подал его Левию.

— Возьми, — сказал он и, помолчав, прибавил: — Ты, как я вижу, книжный человек, и незачем тебе, одинокому, ходить в нищей одежде без пристанища. У меня в Кесарии есть большая библиотека, я очень богат и хочу взять тебя на службу. Ты будешь разбирать и хранить папирусы, будешь сыт и одет.

Левий встал и ответил:

— Нет, я не хочу.

— Почему? — темнея лицом, спросил прокуратор, — я тебе неприятен, ты меня боишься?

Та же плохая улыбка исказила лицо Левия, и он сказал:

— Нет, потому что ты будешь меня бояться. Тебе не очень-то легко будет смотреть мне в лицо после того, как ты его убил.

— Молчи, — ответил Пилат, — возьми денег.

Левий отрицательно покачал головой, а прокуратор продолжал:

— Ты, я знаю, считаешь себя учеником Иешуа, но я тебе скажу, что ты не усвоил ничего из того, чему он тебя учил. Ибо, если бы это было так, ты обязательно взял бы у меня что-нибудь. Имей в виду, что он перед смертью сказал, что он никого не винит, — Пилат значительно поднял палец, лицо Пилата дергалось. — И сам он непременно взял бы что-нибудь. Ты жесток, а тот жестоким не был. Куда ты пойдешь?

Левий вдруг приблизился к столу, уперся в него обеими руками и, глядя горящими глазами на прокуратора, зашептал ему:

— Ты, игемон, знай, что я в Ершалаиме зарежу одного человека. Мне хочется тебе это сказать, чтобы ты знал, что крови еще будет.

— Я тоже знаю, что она еще будет, — ответил Пилат, — своими словами ты меня не удивил. Ты, конечно, хочешь зарезать меня?

— Тебя зарезать мне не удастся, — ответил Левий, оскалившись и улыбаясь, — я не такой глупый человек, чтобы на это рассчитывать, но я зарежу Иуду из Кириафа, я этому посвящу остаток жизни.

Тут наслаждение выразилось в глазах прокуратора, и он, поманив к себе пальцем поближе Левия Матвея, сказал:

— Это тебе сделать не удастся, ты себя не беспокой. Иуду этой ночью уже зарезали.

Левий отпрыгнул от стола, дико озираясь, и выкрикнул:

— Кто это сделал?

— Не будь ревнив, — оскалясь, ответил Пилат и потер руки, — я боюсь, что были поклонники у него и кроме тебя.

— Кто это сделал? — шепотом повторил Левий.

Пилат ответил ему:

— Это сделал я.

Левий открыл рот, дико поглядел на прокуратора, а тот сказал:

— Этого, конечно, маловато, сделанного, но все-таки это сделал я. — И прибавил: — Ну, а теперь возьми что-нибудь?

Левий подумал, стал смягчаться и, наконец, сказал:

— Вели мне дать кусочек чистого пергамента.

Прошел час. Левия не было во дворце. Теперь тишину рассвета нарушал только тихий шум шагов часовых в саду. Луна быстро выцветала, на другом краю неба было видно беловатое пятнышко утренней звезды. Светильники давным-давно погасли. На ложе лежал прокуратор. Подложив руку под щеку, он спал и дышал беззвучно. Рядом с ним спал Банга.

Так встретил рассвет пятнадцатого нисана пятый прокуратор Иудеи Понтий Пилат.

52 ВЫСТУПЛЕНИЕ УБЕЖДАЮЩЕГО ХАРАКТЕРА

К рубрике «Дома»

Прочитайте сведения о Вольфе Григорьевиче Мессинге — легендарном артисте, который имел экстрасенсорные способности, владел навыками гипноза и телепатии. Воспользуйтесь сведениями о нем, помещенными в данной ниже статье, если выберите задание составить убеждающую речь о Мессинге как необыкновенном человеке.

Вольф Григорьевич Мессинг

Вольф Григорьевич (Гершкович) Мессинг — советский эстрадный артист-менталист¹.

Вольф Мессинг родился 10 сентября 1899 года в городе Гура-Кальвария, расположенном в 25 км к юго-востоку от Варшавы в еврейской семье. Отец был беден, имел прозвище Гершка-босьяк, жил с аренды крошечного садика. Мать — Хана Мессинг — умерла от чахотки. У Вольфа было трое братьев. С детства с братьями работал в саду, ухаживая за яблонями и сливами. Отец воспитывал их грубо и жестко, часто бил. Отец, братья, а также все родственники Мессинга погибли во время Второй мировой войны в концлагере Майданек и в Варшавском гетто.

Когда Вольфу было четыре года, мать заметила, что он ходит во сне. Умные люди посоветовали ставить у его кровати тазик с холодной водой — ступая в него, мальчик просыпался. В конце концов он излечился от лунатизма. Примерно тогда же обнаружилось, что природа наградила Вольфа феноменальной памятью. Он легко запоминал наизусть целые страницы из Талмуда².

В 11 лет сбежал из дома. После общения с контролером в поезде понял, что обладает сверхестественными способностями. Его, сидевшего под лавкой безбилетника, поймал контролёр и потребовал билет. На требование показать билет он взял с пола грязный обрывок газеты и сунул его контролеру. Тот ответил: «Что же ты с билетом сидишь под лавкой? Вылезай, дурачок!» В поезде добрался до Берлина. Сначала разносил вещи, мыл посуду, чистил ботинки, постоянно голодал. В конце концов он свалился

Вольф Григорьевич
Мессинг
(1899–1974)

¹ *Менталист* — человек, практикующий ментализм; ментализм (мастерство психологических опытов) — вид исполнительского искусства, демонстрация на публике психологических экспериментов, опытов и экстрасенсорных способностей, таких, как телепатия, ясновидение, психокинез и др., а также выдающихся способностей памяти и быстрых вычислений; к ментализму также может быть отнесён гипноз как сценическое искусство.

² *Талмуд* — свод правил, основанных на толковании Библии и регламентирующих религиозные, правовые отношения и быт верующих евреев; фундаментальный труд еврейских мудрецов, являющийся упорядоченной записью Устной Торы (часть Торы, которая была дана еврейскому народу в устной форме и передавалась устно из поколения в поколение), а также высказываний и диспутов еврейских мудрецов, живших в период Второго Храма и несколько столетий после его разрушения.

на улице без чувств. Его едва не отправили в морг — слабое биение сердца слышали лишь в последний момент. Уникального пациента, пролежавшего в глубоком обмороке трое суток, поместили в клинику знаменитого психиатра Абеля. Открыв глаза, мальчик сказал: «Не надо сдавать меня в приют!» Доктор был поражён — он как раз думал об этом. Обнаружив необыкновенный дар мальчишки, Абель первым пытался изучать его способности. И даже развивать их. Но отчёты об экспериментах сгорели в его кабинете во время войны. И подобное случалось не раз — словно какая-то сила настойчиво и властно скрывала всё, что связано с Мессингом. «Чудо-ребёнком» заинтересовался импресарио Цельмейстер. Он устроил Вольфа в цирк. По три дня в неделю мальчик проводил в хрустальном гробу, погружая себя на потеху публике в состояние каталепсии — что-то вроде обморока, сопровождаемого полным онемением тела. Выступал он и с другими номерами: прокалывал себе шею стальной иглой, отыскивал вещи, спрятанные зрителями. Остальное время Вольф посвящал своему образованию: беседовал о психологии с лучшими специалистами того времени. Мессинг утверждал, что провёл телепатический сеанс с Эйнштейном и Фрейдом.

Достоверно известно, что в юности участвовал в номерах иллюзионистов в польских бродячих цирках. Затем, по его словам, освоил «эстрадную телепатию» — так называемые «контакты через руку». Сам он пояснял: «Это не чтение мыслей, а, если так можно выразиться, “чтение мускулов”»... Когда человек напряженно думает о чем-либо, клетки головного мозга передают импульсы всем мышцам организма. Их движения, незаметные простому глазу, мною легко воспринимаются. Я часто выполняю мысленные задания без непосредственного контакта с индуктором. Здесь указателем мне может служить частота дыхания индуктора, биение его пульса, тембр голоса, характер походки и так далее».

Мессинг утверждал, что, когда немецкая армия оккупировала Польшу, его голова была оценена в 200 тысяч марок, так как он в одном из театров Варшавы предсказал гибель Гитлера, если он повернёт на восток. Его якобы схватили и посадили в полицейский участок, откуда он бежал, используя свои сверхъестественные способности. Однако никаких доказательств столь громких утверждений неизвестно.

В 1939 году после начала Второй мировой войны Мессинг бежал в Советский Союз, где начал выступать с «чтением мыслей» сначала в составе агитбригад, затем с индивидуальными концертами. Выступал в качестве иллюзиониста в советском цирке. Есть легенда, что Мессинг якобы встречался в 1940 году в Гомеле со Сталиным, «интересовавшимся положением в Польше, встречами Мессинга с руководителями Речи Посполитой». Подобные встречи со Сталиным якобы проходили и позднее, в том числе и в Москве. Однако какие-либо документы, подтверждающие встречи Сталина с Мессингом, отсутствуют.

В 1943–1944 годах Мессинг проживал в Новосибирске. Во время Второй мировой войны на средства артиста были построены два истребителя. На фюзеляже одного из самолётов была сделана надпись: «Подарок от советского патриота В. Г. Мессинга Герою Советского Союза летчику

Балтики К. Ф. Ковалёву». На этом истребителе Константин Ковалёв сбил 4 вражеских самолёта. Ковалёв и Мессинг подружились и бывали в гостях друг у друга после войны. Второй истребитель был приобретён тоже в 1944 году и был зачислен в авиаполк «Варшава».

В публицистике многократно упоминается об участии Мессинга в раскрытии различных преступлений: поимка шпиона, указание во время суда на истинного убийцу и т. п. Однако в архивах участие Мессинга в расследовании дел не указано. Исключением являются события июня 1974 года в Иркутске. При расследовании дела директора магазина плодоовощторга, обвинявшегося в крупном хищении, Мессинг присутствовал на его допросе, и в тот же день уполномоченный ОБХСС ознакомил следователя со «справкой», составленной якобы после беседы с Мессингом. В справке были указаны ранее неизвестные факты, разоблачавшие обвиняемого. Справка была подшита в секретное дело оперативного учёта, сведения были проверены и подтверждены.

Ассистентом артиста была его жена Аида Михайловна Мессинг-Рапопорт.

Вольф Мессинг скончался 8 ноября 1974 года в больнице после продолжительной болезни ног, которые он повредил во время войны. Похоронен на Востряковском кладбище в Москве.

По материалам Интернета

Сбывшиеся пророчества Мессинга

Мессинг предсказал падение фашизма. Причем он сделал это во время выступления перед немецкими офицерами в Берлине. Тогда он скрылся в Польше, а оттуда пришлось уехать в Советский Союз.

Выступая в Новосибирске, он ответил, когда закончится война, и назвал точную дату — 8 мая. Правда, не уточнил год. Многие его просили рассказать о судьбе тех, кто ушел на фронт, но такие предсказания он всегда отказывался делать.

Мессинг сумел произвести впечатление на Сталина. Маг и кудесник сумел пройти мимо кремлевской охраны незамеченным, а кассир в банке выдал ему крупную сумму денег по пустой квитанции. Сталин даже направил ему как-то благодарственную телеграмму. Этот клочок бумаги потом спас ему жизнь, когда его задержали на границе при попытке попасть в Иран.

Мессинг обращался к Сталину с просьбой прекратить преследования евреев, но получил отказ. Тогда же он предсказал скорую кончину Сталина в день крупного иудейского праздника. Так и получилось — Сталин умер 5 марта 1953 года, когда отмечался Пурим¹.

Предсказатель знал и о своей смерти, хотя до последнего надеялся ошибиться и старался верить врачам. Предстояла операция, и, покидая дом, он сказал, что больше сюда не вернется. Так и произошло. Операция прошла успешно, но у Мессинга отказали почки.

По материалам Интернета

¹ *Пурим* — еврейский праздник, установленный, согласно библейской Книге Есфири, в память о чудесном спасении евреев, проживавших на территории Древней Персии более 2400 лет назад, от истребления Аманом — любимцем царя Ахашвероша (Артахсеркса); получил название от слова «пур», что означает «жребий».

К рубрике «Читаем художественный текст»

Перед чтением художественного текста 7 главы романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» ознакомьтесь с понятием «коммунальная квартира», что поможет вам более полно представить изображенное в романе и глубже проникнуть в суть событий и поступков героев.

Коммунальная квартира

Коммунальная квартира — это квартира, где в изолированных жилых помещениях проживает несколько семей. Каждая семья или отдельный человек занимают одну или несколько комнат, вместе пользуются «местами общего пользования», к которым, как правило, относятся общие коридор, прихожая, ванная, туалет и кухня.

В первые годы Советской власти в крупнейших промышленных центрах в отношении крупных частных домовладений было проведено так называемое «уплотнение» — изъятие излишков жилплощади с дальнейшим подселением новых жильцов. Была определена базовая норма заселения при уплотнении. В Москве, например, из расчета 1 комнаты на 1 взрослого человека. А в Петрограде жилой фонд делился на равные отрезки площади: 10 м² на взрослого и ребенка до двух лет и 5 м² на ребенка от двух до двенадцати лет. Если площадь квартиры превышала норму, то в нее подсаляли новых жильцов.

По Конституции СССР 1924 – 1936 гг. многие бывшие владельцы домов или квартир были лишены избирательных и многих других прав. Такие люди получили название лишенцев. В 1920-х – 1930-х годах проводилось выселение лишенцев из квартир городского фонда. Таким образом, многие бывшие владельцы квартир были лишены даже тех комнат, которые у них оставались после уплотнений, и были вообще выселены из когда-то принадлежавших им квартир и домов.

Приток сельского населения в города, вызванный индустриализацией страны, способствовал образованию новых коммунальных квартир и новым уплотнениям, что привело к обострению так называемого «квартирного вопроса».

По материалам Интернета

К заданию 2.

Прочитайте фрагменты 7 главы романа «Мастер и Маргарита». Ответьте на вопросы и выполните задания.

ГЛАВА 7**Нехорошая квартира**

Если бы в следующее утро Степе Лиходееву сказали бы так: «Степа! Тебя расстреляют, если ты сию минуту не встанешь!» — Степа ответил бы

томным, чуть слышным голосом: «Расстреливайте, делайте со мною, что хотите, но я не встану».

Не то что встать, — ему казалось, что он не может открыть глаз, потому что, если он только это сделает, сверкнет молния и голову его тут же разнесет на куски. В этой голове гудел тяжелый колокол, между глазными яблоками и закрытыми веками проплывали коричневые пятна с огненно-зеленым ободком, и в довершение всего тошнило, причем казалось, что тошнота эта связана со звуками какого-то назойливого патефона.

Степа старался что-то припомнить, но припоминалось только одно — что, кажется, вчера и неизвестно где он стоял с салфеткой в руке и пытался поцеловать какую-то даму, причем обещал ей, что на другой день, и ровно в полдень, придет к ней в гости. Дама от этого отказывалась, говоря: «Нет, нет, меня не будет дома!» — а Степа упорно настаивал на своем: «А я вот возьму да и приду!»

Ни какая это была дама, ни который сейчас час, ни какое число, ни какого месяца — Степа решительно не знал и, что хуже всего, не мог понять, где он находится. Он постарался выяснить хотя бы последнее и для этого разлепил слипшиеся веки левого глаза. В полутьме что-то тускло отсвечивало. Степа наконец узнал трюмо и понял, что он лежит навзничь у себя на кровати, то есть на бывшей ювелиршиной кровати, в спальне. Тут ему так ударило в голову, что он закрыл глаз и застонал.

Объяснимся: Степа Лиходеев, директор театра Варьете, очнулся утром у себя в той самой квартире, которую он занимал пополам с покойным Берлиозом, в большом шестиэтажном доме, покоем расположенном на садовой улице.

Надо сказать, что квартира эта — № 50 — давно уже пользовалась если не плохой, то, во всяком случае, странной репутацией. Еще два года тому назад владелицей ее была вдова ювелира де Фужере. Анна Францевна де Фужере, пятидесятилетняя почтенная и очень деловая дама, три комнаты из пяти сдавала жильцам: одному, фамилия которого была, кажется, Беломут, и другому — с утраченной фамилией.

И вот два года тому назад начались в квартире необъяснимые происшествия: из этой квартиры люди начали бесследно исчезать.

Однажды в выходной день явился в квартиру милиционер, вызвал в переднюю второго жильца (фамилия которого утратилась) и сказал, что того просят на минутку зайти в отделение милиции в чем-то расписаться. Жилец приказал Анфисе, преданной и давней домашней работнице Анны Францевны, сказать, в случае если ему будут звонить, что он вернется через десять минут, и ушел вместе с корректным милиционером в белых перчатках. Но не вернулся он не только через десять минут, а вообще никогда не вернулся. Удивительнее всего то, что, очевидно, с ним вместе исчез и милиционер.

Набожная, а откровеннее сказать — суеверная, Анфиса так напрямик и заявила очень расстроенной Анне Францевне, что это колдовство и что она прекрасно знает, кто утащил и жильца и милиционера, только к ночи не хочет говорить. Ну, а колдовству, как известно, стоит только начаться, а там уж его ничем не остановишь. Второй жилец исчез, помнится, в по-

недельник, а в среду как сквозь землю провалился Беломут, но, правда, при других обстоятельствах. Утром за ним заехала, как обычно, машина, чтобы отвезти его на службу, и отвезла, но назад никого не привезла и сама больше не вернулась.

Горе и ужас мадам Беломут не поддаются описанию. Но, увы, и то и другое было непродолжительно. В ту же ночь, вернувшись с Анфисой с дачи, на которую Анна Францевна почему-то спешно поехала, она не застала уже гражданки Беломут в квартире. Но этого мало: двери обеих комнат, которые занимали супруги Беломут, оказались запечатанными.

Два дня прошли кое-как. На третий же день страдавшая все это время бессонницей Анна Францевна опять-таки спешно уехала на дачу... Нужно ли говорить, что она не вернулась!

Оставшаяся одна Анфиса, наплакавшись вволю, легла спать во втором часу ночи. Что с ней было дальше, неизвестно, но рассказывали жильцы других квартир, что будто бы в № 50-м всю ночь слышались какие-то стуки и будто бы до утра в окнах горел электрический свет. Утром выяснилось, что и Анфисы нет!

Об исчезнувших и о проклятой квартире долго в доме рассказывали всякие легенды, вроде того, например, что эта сухая и набожная Анфиса будто бы носила на своей иссохшей груди в замшевом мешочке двадцать пять крупных бриллиантов, принадлежащих Анне Францевне. Что будто бы в дровяном сарае на той самой даче, куда спешно ездила Анна Францевна, обнаружили сами собой какие-то несметные сокровища в виде тех же бриллиантов, а также золотых денег царской чеканки... И прочее в этом же роде. Ну, чего не знаем, за то не ручаемся.

Как бы то ни было, квартира простояла пустой и запечатанной только неделю, а затем в нее вселились — покойный Берлиоз с супругой и этот самый Степа тоже с супругой. Совершенно естественно, что, как только они попали в окаймленную квартиру, и у них началось черт знает что. Именно, в течение одного месяца пропали обе супруги. Но эти не бесследно. Про супругу Берлиоза рассказывали, что будто бы ее видели в Харькове с каким-то балетмейстером, а супруга Степы якобы обнаружилась на Божедомке, где, как болтали, директор Варьете, используя свои бесчисленные знакомства, ухитрился добыть ей комнату, но с одним условием, чтобы духу ее не было на Садовой улице...

Итак, Степа застонал. Он хотел позвать домработницу Груню и потребовать у нее пирамидону, но все-таки сумел сообразить, что это глупости... Что никакого пирамидону у Груни, конечно, нету. Попытался позвать на помощь Берлиоза, дважды простонал: «Миша... Миша...», но, как сами понимаете, ответа не получил. В квартире стояла полнейшая тишина.

Пошевелив пальцами ног, Степа догадался, что лежит в носках, трясущейся рукою провел по бедру, чтобы определить, в брюках он или нет, и не определил.

Наконец, видя, что он брошен и одинок, что некому ему помочь, решил подняться, каких бы нечеловеческих усилий это ни стоило.

Степа разлепил склеенные веки и увидел, что отражается в трюмо в виде человека с торчащими в разные стороны волосами, с опухшей, по-

крытую черной щетиною физиономией, с заплывшими глазами, в грязной сорочке с воротником и галстуком, в кальсонах и в носках.

Таким он увидел себя в трюмо, а рядом с зеркалом увидел неизвестного человека, одетого в черное и в черном берете.

Степа сел на кровать и сколько мог вытаращил налитые кровью глаза на неизвестного.

Молчание нарушил этот неизвестный, произнеся низким, тяжелым голосом и с иностранным акцентом следующие слова:

— Добрый день, симпатичнейший Степан Богданович!

Произошла пауза, после которой, сделав над собой страшнейшее усилие, Степа выговорил:

— Что вам угодно? — и сам поразился, не узнав своего голоса. Слово «что» он произнес дискантом, «вам» — басом, а «угодно» у него совсем не вышло.

Незнакомец дружелюбно усмехнулся, вынул большие золотые часы с алмазным треугольником на крышке, позвонил одиннадцать раз и сказал:

— Одиннадцать! И ровно час, как я дожидаюсь вашего пробуждения, ибо вы назначили мне быть у вас в десять. Вот и я!

Степа нащупал на стуле рядом с кроватью брюки, шепнул:

— Извините... — надел их и хрипло спросил: — Скажите, пожалуйста, вашу фамилию?

Говорить ему было трудно. При каждом слове кто-то втыкал ему иголку в мозг, причиняя адскую боль.

— Как? Вы и фамилию мою забыли? — тут неизвестный улыбнулся.

— Простите... — прохрипел Степа, чувствуя, что похмелье дарит его новым симптомом: ему показалось, что пол возле кровати ушел куда-то и что сию минуту он головой вниз полетит к чертовой матери в преисподнюю.

— Дорогой Степан Богданович, — заговорил посетитель, проникательно улыбаясь, — никакой пирамидон вам не поможет. Следуйте старому мудрому правилу, — лечить подобное подобным. Единственно, что вернет вас к жизни, это две стопки водки с острой и горячей закуской.

Степа был хитрым человеком и, как ни был болен, сообразил, что раз уж его застали в таком виде, нужно признаваться во всем.

— Откровенно сказать... — начал он, еле ворочая языком, — вчера я немножко...

— Ни слова больше! — ответил визитер и отъехал с креслом в сторону.

Степа, тараща глаза, увидел, что на маленьком столике сервирован поднос, на коем имеется нарезанный белый хлеб, паюсная икра в вазочке, белые маринованные грибы на тарелочке, что-то в кастрюльке и, наконец, водка в объемистом ювелиршином графинчике. Особенно поразило Степу то, что графин запотел от холода. Впрочем, это было понятно — он помещался в полоскательнице, набитой льдом. Накрыто, словом, было чисто, умело.

Незнакомец не дал Степину изумлению развиваться до степени болезненной и ловко налил ему полстопки водки.

— А вы? — пискнул Степа.

— С удовольствием!

Прыгающей рукой поднес Степа стопку к устам, а незнакомец одним духом проглотил содержимое своей стопки. Прожевывая кусок икры, Степа выдавил из себя слова:

— А вы что же... закусить?

— Благодарствуйте, я не закусываю никогда, — ответил незнакомец и налил по второй. Открыли кастрюлю — в ней оказались сосиски в томате.

И вот проклятая зелень перед глазами растаяла, стали выговариваться слова, и, главное, Степа кое-что припомнил. Именно, что дело вчера было на Сходне, на даче у автора скетчей Хустова, куда этот Хустов и возил Степу в таксомоторе. Припомнилось даже, как нанимали этот таксомотор у «Метрополя», был еще при этом какой-то актер не актер... с патефоном в чемоданчике. Да, да, да, это было на даче! Еще, помнится, выли собаки от этого патефона. Вот только дама, которую Степа хотел поцеловать, осталась неразъясненной... черт ее знает, кто она... кажется, в радио служит, а может быть, и нет.

Вчерашний день, таким образом, помаленьку высветлялся, но Степу сейчас гораздо более интересовал день сегодняшний и, в частности, появление в спальне неизвестного, да еще с закуской и водкой. Вот что недурно было бы разъяснить!

— Ну, что же, теперь, я надеюсь, вы вспомнили мою фамилию?

Но Степа только стыдливо улыбнулся и развел руками.

— Однако! Я чувствую, что после водки вы пили портвейн! Помилуйте, да разве это можно делать!

— Я хочу вас попросить, чтоб это осталось между нами, — заискивающе сказал Степа.

— О, конечно, конечно! Но за Хустова я, само собой разумеется, не ручаюсь.

— А вы разве знаете Хустова?

— Вчера в кабинете у вас видел этого индивидуума мельком, но достаточно одного беглого взгляда на его лицо, чтобы понять, что он — сволочь, склочник, приспособленец и подхалим.

«Совершенно верно!» — подумал Степа, пораженный таким верным, точным и кратким определением Хустова.

Да, вчерашний день лепился из кусочков, но все-таки тревога не покидала директора Варьете. Дело в том, что в этом вчерашнем дне зияла преогромная черная дыра. Вот этого самого незнакомца в берете, воля ваша, Степа в своем кабинете вчера никак не видал.

— Профессор черной магии Воланд, — веско сказал визитер, видя Степины затруднения, и рассказал все по порядку.

Вчера днем он приехал из-за границы в Москву, немедленно явился к Степе и предложил свои гастроли в Варьете. Степа позвонил в московскую областную зрелищную комиссию и вопрос этот согласовал (Степа побледнел и заморгал глазами), подписал с профессором Воландом контракт на семь выступлений (Степа открыл рот), условился, что Воланд придет к нему для уточнения деталей в десять часов утра сегодня... Вот Воланд и пришел!

Придя, был встречен домработницей Груней, которая объяснила, что сама она только что пришла, что она проходящая, что Берлиоза дома нет, а что если визитер желает видеть Степана Богдановича, то пусть идет к нему в спальню сам. Степан Богданович так крепко спит, что разбудить его она не берется. Увидев, в каком состоянии Степан Богданович, артист послал Груню в ближайший гастроном за водкой и закуской, в аптеку за льдом и...

— Позвольте с вами рассчитаться, — проскулил убитый Степа и стал искать бумажник.

— О, какой вздор! — воскликнул гастролер и слушать ничего больше не захотел.

Итак, водка и закуска стали понятны, и все же на Степу было жалко взглянуть: он решительно не помнил ничего о контракте и, хоть убейте, не видел вчера этого Воланда. Да, Хустов был, а Воланда не было.

— Разрешите взглянуть на контракт, — тихо попросил Степа.

— Пожалуйста, пожалуйста...

Степа взглянул на бумагу и закоченел. Все было на месте. Во-первых, собственноручная Степина залихватская подпись! Косая надпись сбоку рукою финдиректора Римского с разрешением выдать артисту Воланду в счет следуемых ему за семь выступлений тридцати пяти тысяч рублей десять тысяч рублей. Более того: тут же расписка Воланда в том, что он эти десять тысяч уже получил!

«Что же это такое?!» — подумал несчастный Степа, и голова у него закружилась. Начинаются зловещие провалы в памяти?! Но, само собою, после того, как контракт был предъявлен, дальнейшие выражения удивления были бы просто неприличны. Степа попросил у гостя разрешения на минуту отлучиться и, как был в носках, побежал в переднюю к телефону. По дороге он крикнул в направлении кухни:

— Груня!

Но никто не отозвался. Тут он взглянул на дверь в кабинет Берлиоза, бывшую рядом с передней, и тут, как говорится, остолбенел. На ручке двери он разглядел огромнейшую сургучную печать на веревке. «Здравствуйте! — рявкнул кто-то в голове у Степы. — Этого еще не доставало!» И тут Степины мысли побежали уже по двойному рельсовому пути, но, как всегда бывает во время катастрофы, в одну сторону и вообще черт знает куда. Головную Степину кашу трудно даже передать. Тут и чертовщина с черным беретом, холодной водкой и невероятным контрактом, — а тут еще ко всему этому, не угодно ли, и печать на двери! То есть кому хотите сказать, что Берлиоз что-то натворил, — не поверит, ей-ей, не поверит! Однако печать, вот она! Да-с...

И тут закопошились в мозгу у Степы какие-то неприятнейшие мыслишки о статье, которую, как назло, недавно он всучил Михаилу Александровичу для напечатания в журнале. И статья, между нами говоря, дурацкая! И никчемная, и деньги-то маленькие...

Немедленно вслед за воспоминанием о статье прилетело воспоминание о каком-то сомнительном разговоре, происходившем, как помнится, двад-

цать четвертого апреля вечером тут же, в столовой, когда Степа ужинал с Михаилом Александровичем. То есть, конечно, в полном смысле слова разговор этот сомнительным назвать нельзя (не пошел бы Степа на такой разговор), но это был разговор на какую-то ненужную тему. Совершенно свободно можно было бы, граждане, его и не затевать. До печати, нет сомнений, разговору этот мог считаться совершеннейшим пустяком, но вот после печати...

«Ах, Берлиоз, Берлиоз! — вскипало в голове у Степы. — Ведь это в голову не лезет!»

Но горевать долго не приходилось, и Степа набрал номер в кабинете финдиректора Варьете Римского. Положение Степы было щекотливое: во-первых, иностранец мог обидеться на то, что Степа проверяет его после того, как был показан контракт, да и с финдиректором говорить было чрезвычайно трудно. В самом деле, ведь не спросишь его так: «Скажите, заключал ли я вчера с профессором черной магии контракт на тридцать пять тысяч рублей?» Так спрашивать не годится!

— Да! — послышался в трубке резкий, неприятный голос Римского.

— Здравствуйте, Григорий Данилович, — тихо заговорил Степа, — это Лиходеев. Вот какое дело... гм... гм... у меня сидит этот... э... артист Вольанд... Так вот... я хотел спросить, как насчет сегодняшнего вечера?..

— Ах, черный маг? — отозвался в трубке Римский, — афиши сейчас будут.

— Ага, — слабым голосом сказал Степа, — ну, пока...

— А вы скоро придете? — спросил Римский.

— Через полчаса, — ответил Степа и, повесив трубку, сжал горячую голову руками. Ах, какая выходила скверная штука! Что же это с памятью, граждане? А?

Однако дольше задерживаться в передней было неудобно, и Степа тут же составил план: всеми мерами скрыть свою невероятную забывчивость, а сейчас первым делом хитро выпросить у иностранца, что он, собственно, намерен сегодня показывать во вверенном Степе Варьете?

Тут Степа повернулся от аппарата и в зеркале, помещавшемся в передней, давно не вытираемом ленивой Груней, отчетливо увидел какого-то странного субъекта — длинного, как жердь, и в пенсне (ах, если бы здесь был Иван Николаевич! Он узнал бы этого субъекта сразу!). А тот отразился и тотчас пропал. Степа в тревоге поглубже заглянул в переднюю, и вторично его качнуло, ибо в зеркале прошел здоровеннейший черный кот и также пропал.

У Степы оборвалось сердце, он пошатнулся.

«Что же это такое? — подумал он, — уж не схожу ли я с ума? Откуда ж эти отражения?!» — он заглянул в переднюю и испуганно закричал:

— Груня! Какой тут кот у нас шляется? Откуда он? И кто-то еще с ним??

— Не беспокойтесь, Степан Богданович, — отозвался голос, но не Грунин, а гостя из спальни, — кот этот мой. Не нервничайте. А Груни нет, я

услал ее в Воронеж, на родину, так как она жаловалась, что вы давно уже не даете ей отпуска.

Слова эти были настолько неожиданными и нелепыми, что Степа решил, что ослышался. В полном смятении он рысцой побежал в спальню и застыл на пороге. Волосы его шевельнулись, и на лбу появилась россыпь мелкого пота.

Гость пребывал в спальне уже не один, а в компании. Во втором кресле сидел тот самый тип, что померещился в передней. Теперь он был ясно виден: усы-перышки, стеклышко пенсне поблескивает, а другого стеклышка нет. Но оказались в спальне вещи и похуже: на ювелиршином пуфе в развязной позе развалился некто третий, именно — жутких размеров черный кот со стопкой водки в одной лапе и вилкой, на которую он успел поддеть маринованный гриб, в другой.

Свет, и так слабый в спальне, и вовсе начал меркнуть в глазах Степы. «Вот как, оказывается, сходят с ума!» — подумал он и ухватился за притолоку.

— Я вижу, вы немного удивлены, дражайший Степан Богданович? — осведомился Воланд у лязгающего зубами Степы, — а между тем удивляться нечему. Это моя свита.

Тут кот выпил водки, и Степина рука поползла по притолоке вниз.

— И свита эта требует места, — продолжал Воланд, — так что кое-кто из нас здесь лишний в квартире. И мне кажется, что этот лишний — именно вы!

— Они, они! — козлиным голосом запел длинный клетчатый, во множественном числе говоря о Степе, — вообще они в последнее время жутко свинячат. Пьянствуют, вступают в связи с женщинами, используя свое положение, ни черта не делают, да и делать ничего не могут, потому что ничего не смыслят в том, что им поручено. Начальству втирают очки!

— Машину зря гоняет казенную! — наябедничал и кот, жуя гриб.

И тут случилось четвертое, и последнее, явление в квартире, когда Степа, совсем уже сползший на пол, ослабевшей рукой царапал притолоку.

Прямо из зеркала трюмо вышел маленький, но необыкновенно широкоплечий, в котелке на голове и с торчащим изо рта клыком, безобразящим и без того невиданно мерзкую физиономию. И при этом еще огненно-рыжий.

— Я, — вступил в разговор этот новый, — вообще не понимаю, как он попал в директора, — рыжий гнусавил все больше и больше, — он такой же директор, как я архиерей!

— Ты не похож на архиерея, Азazelло, — заметил кот, накладывая себе сосисок на тарелку.

— Я это и говорю, — прогнусил рыжий и, повернувшись к Воланду, добавил почтительно: — Разрешите, мессир, его выкинуть ко всем чертям из Москвы?

— Брысь!! — вдруг рявкнул кот, вздыбив шерсть.

И тогда спальня завертелась вокруг Степы, и он ударился о притолоку головой и, теряя сознание, подумал: «Я умираю...»

Но он не умер. Открыв слегка глаза, он увидел себя сидящим на чем-то каменном. Вокруг него что-то шумело. Когда он открыл, как следует, глаза, он увидел, что шумит море, и что даже больше того, — волна покачивается у самых его ног, и что, короче говоря, он сидит на самом конце мола, и что под ним голубое сверкающее море, а зади — красивый город на горах.

Не зная, как поступают в таких случаях, Степа поднялся на трясущиеся ноги и пошел по молу к берегу.

На молу стоял какой-то человек, курил, плевал в море. На Степу он поглядел дикими глазами и перестал плевать. Тогда Степа отколол такую штуку: стал на колени перед неизвестным курильщиком и произнес:

— Умоляю, скажите, какой это город?

— Однако! — сказал бездушный курильщик.

— Я не пьян, — хрипло ответил Степа, — я болен, со мной что-то случилось, я болен... Где я? Какой это город?..

— Ну, Ялта...

Степа тихо вздохнул, повалился на бок, голову стукнул о нагретый камень мола.

К заданию 3. Познакомьтесь с некоторыми сведениями о прообразе вымышленного М. Булгаковым Театра Варьете. Сопоставьте полученную информацию с содержанием 12 главы романа, сделайте собственные выводы о том, как писатель художественно интерпретировал современную ему реальность.

Театр Варьете

Театр Варьете — вымышленный эстрадно-цирковой театр из романа Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита». В первых вариантах романа учреждение называлось театром Кабаре. Его прототипом был Московский мюзик-холл, который в 1926 – 1936 годах размещался в здании бывшего цирка братьев Никитиных на Большой Садовой в доме 18. В настоящее время это здание занимает труппа Театра сатиры.

По мнению исследователей, некоторые сюжетные линии романа «Мастер и Маргарита», связанные с сеансом массового гипноза, появились в результате наблюдения за артистом оригинального жанра, специализировавшемся на ментальной магии и сеансах гипноза, Николаем Орнальдо, который в 1930-х годах выступал с иллюзионным театром в мюзик-холле, кинотеатрах и домах культуры. В его программе были карточные фокусы, «распиливание» ассистенток, сеансы массового гипноза и лечения и другие трюки.

Николай Орнальдо
(Н. А. Смирнов)

Критики скептически воспринимали выступления Орнальдо; так, рецензент «Красной газеты» писал, что его программа «обставлена в духе самых старых традиций — то есть выступления чудадея, продавца счастья, целителя, излечивающего от пьянства, курения, сомнений и черт знает ещё какого ассортимента недугов».

Молва наделяла Орнальдо демоническими качествами. Согласно одной из московских легенд, в середине 1930-х годов артист был арестован, однако, загипнотизировав следователя и охрану, беспрепятственно покинул застенки и отправился домой.

На создание главы о сеансе чёрной магии могли повлиять впечатления от представлений, которые давали в мюзик-холле иностранные артисты. В арсенале грека Костано Касфикиса был трюк под названием «фабрика денег»: артист вкладывал в аппарат белые листы бумаги и после коротких манипуляций демонстрировал зрителям «настоящие» купюры. Американец датского происхождения Данте (Гарри Янсен), гастролировавший в Москве в 1928 году, выступал в гриме Мефистофеля; на зрителей он смотрел «со снисходительной улыбкой дьявола-философа».

По материалам интернет-энциклопедии «Википедии»

К заданию 3. Прочитайте фрагменты 12 главы романа «Мастер и Маргарита». Ответьте на вопросы и выполните задания в учебнике.

ГЛАВА 12

Чёрная магия и ее разоблачение

Маленький человек в дырявом желтом котелке и с грушевидным малиновым носом, в клетчатых брюках и лакированных ботинках выехал на сцену Варьете на обыкновенном двухколесном велосипеде. Под звуки фокстрота он сделал круг, а затем испустил победный вопль, от чего велосипед поднялся на дыбы.

Проехавшись на одном заднем колесе, человек перевернулся вверх ногами, ухитрился на ходу отвинтить переднее колесо и пустить его за кулисы, а затем продолжал путь на одном колесе, вертя педали руками.

На высокой металлической мачте с седлом наверху и с одним колесом выехала полная блондинка в трико и юбочке, усеянной серебряными звездами, и стала ездить по кругу. Встречаясь с ней, человек издавал приветственные крики и ногой снимал с головы котелок.

Наконец, прикатил малютка лет восьми со старческим лицом и зашнырял между взрослыми на крошечной двухколеске, к которой был приделан громадный автомобильный гудок.

Сделав несколько петель, вся компания под тревожную дробь барабана из оркестра подкатилась к самому краю сцены, и зрители первых рядов ахнули и откинулись, потому что публике показалось, что вся тройка со своими машинами грохнется в оркестр.

Но велосипеды остановились как раз в тот момент, когда передние колеса уже грозили соскользнуть в бездну на головы музыкантам. Велосипедисты с громким криком «Ап!» соскочили с машин и раскланялись, причем блондинка посылая публике воздушные поцелуи, а малютка протрубил смешной сигнал на своем гудке.

Рукоплескания потрясли здание, голубой занавес пошел с двух сторон и закрыл велосипедистов, зеленые огни с надписью «выход» у дверей погасли, и в паутине трапезий под куполом, как солнце, зажглись белые шары. Наступил антракт перед последним отделением.

Единственным человеком, которого ни в коей мере не интересовали чудеса велосипедной техники семьи Джулли, был Григорий Данилович Римский. В полном одиночестве он сидел в своем кабинете, кусал тонкие губы, и по лицу его то и дело проходила судорога. К необыкновенному исчезновению Лиходеева присоединилось совершенно непредвиденное исчезновение администратора Варенухи.

Римскому было известно, куда он ушел, но он ушел и... не пришел обратно! Римский пожимал плечами и шептал сам себе:

— Но за что?!

И, странное дело: такому деловому человеку, как финдиректор, проще всего, конечно, было позвонить туда, куда отправился Варенуха, и узнать, что с тем стряслось, а между тем он до десяти часов вечера не мог принудить себя сделать это.

В десять же, совершив над собою форменное насилие, Римский снял трубку с аппарата и тут убедился в том, что телефон его мертв. Курьер доложил, что и остальные аппараты в здании испортились. Это, конечно, неприятное, но не сверхъестественное событие почему-то окончательно потрясло финдиректора, но в то же время и обрадовало: отвалилась необходимость звонить.

В то время, как над головой финдиректора вспыхнула и замигала красная лампочка, возвещая начало антракта, вошел курьер и сообщил, что приехал иностранный артист. Финдиректора почему-то передернуло, и, став уж совсем мрачнее тучи, он отправился за кулисы, чтобы принимать гастролера, так как более принимать было некому.

В большую уборную из коридора, где уже трещали сигнальные звонки, под разными предложениями заглядывали любопытные. Тут были фокусники в ярких халатах и в чалмах, конькобежец в белой вязаной куртке, бледный от пудры рассказчик и гример.

Прибывшая знаменитость поразила всех своим невиданным по длине фраком дивного покроя и тем, что явилась в черной полумаске. Но удивительнее всего были двое спутников черного мага: длинный клетчатый в треснувшем пенсне и черный жирный кот, который, войдя в уборную на задних лапах, совершенно непринужденно сел на диван, щурясь на оголенные гримировальные лампы.

Римский постарался изобразить на лице улыбку, от чего оно сделалось кислым и злым, и раскланялся с безмолвным магом, сидящим рядом с котом на диване. Рукопожатия не было. Зато развязный клетчатый сам отрекомендовался финдиректору, назвав себя «ихний помощник». Это обстоятельство удивило финдиректора, и опять-таки неприятно: в контракте решительно ничего не упоминалось ни о каком помощнике.

Весьма принужденно и сухо Григорий Данилович осведомился у свалившегося ему на голову клетчатого о том, где аппаратура артиста.

— Алмаз вы наш небесный, драгоценнейший господин директор, — дребезжающим голосом ответил помощник мага, — наша аппаратура всегда при нас. Вот она! Эйн, цвей, дрей! — и, повертев перед глазами Римского узловатыми пальцами, внезапно вытащил из-за уха у кота

собственные Римского золотые часы с цепочкой, которые до этого были у финдиректора в жилетном кармане под застегнутым пиджаком и с прорезом в петлю цепочки.

Римский невольно ухватился за живот, присутствующие ахнули, а гример, заглядывающий в дверь, одобрительно крикнул.

— Ваши часики? Прошу получить, — развязно улыбаясь, сказал клетчатый и на грязной ладони подал растерянному Римскому его собственность.

— С таким в трамвай не садись, — тихо и весело шепнул рассказчик гримеру.

Но кот отмочил штуку почище номера с чужими часами. Неожиданно поднявшись с дивана, он на задних лапах подошел к подзеркальному столику, передней лапой вытащил пробку из графина, налил воды в стакан, выпил ее, водрузил пробку на место и гримировальной тряпкой вытер усы.

Тут никто даже и не ахнул, только рты раскрыли, а гример восхищенно шепнул:

— Ай, класс!

Тут в третий раз тревожно загремели звонки, и все, возбужденные и предвкушающие интересный номер, повалили из уборной вон.

Через минуту в зрительном зале погасли шары, вспыхнула и дала красноватый отблеск на низ занавеса рампа, и в освещенной щели занавеса предстал перед публикой полный, веселый как дитя человек с бритым лицом, в помятом фраке и несвежем белье. Это был хорошо знакомый всей Москве конферансье Жорж Бенгальский.

— Итак, граждане, — заговорил Бенгальский, улыбаясь младенческой улыбкой, — сейчас перед вами выступит... — тут Бенгальский прервал сам себя и заговорил с другими интонациями: — Я вижу, что количество публики к третьему отделению еще увеличилось. У нас сегодня половина города! Как-то на днях встречаю я приятеля и говорю ему: «Отчего не заходишь к нам? Вчера у нас была половина города». А он мне отвечает: «А я живу в другой половине!»

— Бенгальский сделал паузу, ожидая, что произойдет взрыв смеха, но так как никто не засмеялся, то он продолжал: — ...Итак, выступает знаменитый иностранный артист мосье Воланд с сеансом черной магии! Ну, мы-то с вами понимаем, — тут Бенгальский улыбнулся мудрой улыбкой, — что ее вовсе не существует на свете и что она не что иное, как суеверие, а просто маэстро Воланд в высокой степени владеет техникой фокуса, что и будет видно из самой интересной части, то есть разоблачения этой техники, а так как мы все как один и за технику, и за ее разоблачение, то попросим господина Воланда!

Произнеся всю эту ахиною, Бенгальский сцепил обе руки ладонь к ладони и приветственно замахал ими в прорез занавеса, от чего тот, тихо шумя, и разошелся в стороны.

Выход мага с его длинным помощником и котом, вступившим на сцену на задних лапах, очень понравился публике.

— Кресло мне, — негромко приказал Воланд, и в ту же секунду, неизвестно как и откуда, на сцене появилось кресло, в которое и сел маг. — Скажи мне, любезный Фагот, — осведомился Воланд у клетчатого гаера, носившего, по-видимому, и другое наименование, кроме «Коровьев», — как по-твоему, ведь московское народонаселение значительно изменилось?

Маг поглядел на затихшую, пораженную появлением кресла из воздуха публику.

— Точно так, мессир, — негромко ответил Фагот-Коровьев.

— Ты прав. Горожане сильно изменились, внешне, я говорю, как и сам город, впрочем. О костюмах нечего уж и говорить, но появились эти... как их... трамваи, автомобили...

— Автобусы, — почтительно подсказал Фагот.

Публика внимательно слушала этот разговор, полагая, что он является прелюдией к магическим фокусам. Кулисы были забиты артистами и рабочими сцены, и между их лицами виднелось напряженное, бледное лицо Римского.

Физиономия Бенгальского, приютившегося сбоку сцены, начала выражать недоумение. Он чуть-чуть приподнял бровь и, воспользовавшись паузой, заговорил:

— Иностраннный артист выражает свое восхищение Москвой, выросшей в техническом отношении, а также и москвичами, — тут Бенгальский дважды улыбнулся, сперва партеру, а потом галерее.

Воланд, Фагот и кот повернули головы в сторону конференсье.

— Разве я выразил восхищение? — спросил маг у Фагота.

— Никак нет, мессир, вы никакого восхищения не выражали, — ответил тот.

— Так что же говорит этот человек?

— А он попросту соврал! — звучно, на весь театр сообщил клетчатый помощник и, обратясь к Бенгальскому, прибавил: — Поздравляю вас, гражданин, соврамши!

С галерки плеснуло смешком, а Бенгальский вздрогнул и выпучил глаза.

— Но меня, конечно, не столько интересуют автобусы, телефоны и прочая...

— Аппаратура! — подсказал клетчатый.

— Совершенно верно, благодарю, — медленно говорил маг тяжелым басом, — сколько гораздо более важный вопрос: изменились ли эти горожане внутренне?

— Да, это важнейший вопрос, сударь.

В кулисах стали переглядываться и пожимать плечами, Бенгальский стоял красный, а Римский был бледен. Но тут, как бы отгадав начавшуюся тревогу, маг сказал:

— Однако мы заговорились, дорогой Фагот, а публика начинает скучать. Покажи для начала что-нибудь простенькое.

Зал облегченно шевельнулся. Фагот и кот разошлись в разные стороны по рампе. Фагот щелкнул пальцами, залихватски крикнул:

— Три, четыре! — поймал из воздуха колоду карт, стасовал ее и лентой пустил коту. Кот ленту перехватил и пустил ее обратно. Атласная змея фыркнула, Фагот раскрыл рот, как птенец, и всю ее, карту за картой, заглотал.

После этого кот раскланялся, шаркнув правой задней лапой, и вызвал неимоверный аплодисмент.

— Класс, класс! — восхищенно кричали за кулисами.

А Фагот тыкнул пальцем в партер и объявил:

— Колода эта таперича, уважаемые граждане, находится в седьмом ряду у гражданина Парчевского, как раз между трехрублевкой и повесткой о вызове в суд по делу об уплате алиментов гражданке Зельковой.

В партере зашевелились, начали привставать, и, наконец, какой-то гражданин, которого, точно, звали Парчевским, весь пунцовый от изумления, извлек из бумажника колоду и стал тыкать ею в воздух, не зная, что с нею делать.

— Пусть она останется у вас на память! — прокричал Фагот. — Недаром же вы говорили вчера за ужином, что кабы не покер, то жизнь ваша в Москве была бы совершенно несносна.

— Стара штука, — слышалось с галерки, — этот в партере из той же компании.

— Вы полагаете? — заорал Фагот, прищуриваясь на галерею, — в таком случае, и вы в одной шайке с нами, потому что она у вас в кармане!

На галерке произошло движение, и слышался радостный голос:

— Верно! У него! Тут, тут... Стой! Да это червонцы!

Сидящие в партере повернули головы. На галерее какой-то смятенный гражданин обнаружил у себя в кармане пачку, перевязанную банковским способом и с надписью на обложке: «Одна тысяча рублей».

Соседи навалились на него, а он в изумлении ковырял ногтем обложку, стараясь дознаться, настоящие ли это червонцы или какие-нибудь волшебные.

— Ей богу, настоящие! Червонцы! — кричали с галерки радостно.

— Сыграйте и со мной в такую колоду, — весело попросил какой-то толстяк в середине партера.

— Авек плезир! — отозвался Фагот, — но почему же с вами одним? Все примут горячее участие! — и скомандовал: — Прошу глядеть вверх!... Раз! — в руке у него показался пистолет, он крикнул: — Два! — Пистолет вздернулся кверху. Он крикнул: — Три! — сверкнуло, бухнуло, и тотчас же из-под купола, ныряя между трапециями, начали падать в зал белые бумажки.

Они вертелись, их разносило в стороны, забивало на галерею, откидывало в оркестр и на сцену. Через несколько секунд денежный дождь, все гущея, достиг кресел, и зрители стали бумажки ловить.

Поднимались сотни рук, зрители сквозь бумажки глядели на освещенную сцену и видели самые верные и праведные водяные знаки.

Запах тоже не оставлял никаких сомнений: это был ни с чем по прелести не сравнимый запах только что отпечатанных денег. Сперва веселье, а потом изумление охватило весь театр. Всюду гудело слово «червонцы, червонцы», слышались восклицанья «ах, ах!» и веселый смех. Кое-кто уже ползал в проходе, шаря под креслами. Многие стояли на сиденьях, ловя вертлявые, капризные бумажки.

На лицах милиции помаленьку стало выражаться недоумение, а артисты без церемонии начали высовываться из кулис.

В бельэтаже послышался голос: «Ты чего хватаешь? Это моя! Ко мне летела!» И другой голос: «Да ты не толкайся, я тебя сам так толкну!» И вдруг послышалась плюха. Тотчас в бельэтаже появился шлем милиционера, из бельэтажа кого-то повели.

Вообще возбуждение возрастало, и неизвестно, во что бы все это вылилось, если бы Фагот не прекратил денежный дождь, внезапно дунув в воздух.

Двое молодых людей, обменявшись многозначительным веселым взглядом, снялись с мест и прямехонько направились в буфет. В театре стоял гул, у всех зрителей возбужденно блестели глаза. Да, да, неизвестно, во что бы все это вылилось, если бы Бенгальский не нашел в себе силы и не шевельнулся бы. Стараясь покрепче овладеть собой, он по привычке потер руки и голосом наибольшей звучности заговорил так:

— Вот, граждане, мы с вами видели случай так называемого массового гипноза. Чисто научный опыт, как нельзя лучше доказывающий, что никаких чудес и магии не существует. Попросим же маэстро Воланда разоблачить нам этот опыт. Сейчас, граждане, вы увидите, как эти, якобы денежные, бумажки исчезнут так же внезапно, как и появились.

Тут он заплодировал, но в совершенном одиночестве, и на лице при этом у него играла уверенная улыбка, но в глазах этой уверенности отнюдь не было, и скорее в них выражалась мольба.

Публике речь Бенгальского не понравилась. Наступило полное молчание, которое было прервано клетчатый Фаготом.

— Это опять-таки случай так называемого вранья, — объявил он громким козлиным тенором, — бумажки, граждане, настоящие!

— Bravo! — отрывисто рявкнул бас где-то в высоте.

— Между прочим, этот, — тут Фагот указал на Бенгальского, — мне надоел. Суется все время, куда его не спрашивают, ложными замечаниями портит сеанс! Что бы нам такое с ним сделать?

— Голову ему оторвать! — сказал кто-то сурово на галерке.

— Как вы говорите? Ась? — тотчас отозвался на это безобразное предложение Фагот, — голову оторвать? Это идея! Бегемот! — закричал он коту, — делай! Эйн, цвей, дрей!

И произошла невиданная вещь. Шерсть на черном коте встала дыбом, и он раздрающе мяукнул. Затем сжался в комок и, как пантера, махнул прямо на грудь Бенгальскому, а оттуда перескочил на голову. Урча, пухлыми лапами кот вцепился в жидкую шевелюру конферансье и, дико взвыв, в два поворота сорвал эту голову с полной шеи.

Две с половиной тысячи человек в театре вскрикнули как один. Кровь фонтанами из разорванных артерий на шее ударила вверх и залила и манишку, и фрак. Безглавое тело как-то нелепо загребло ногами и село на пол. В зале слышались истерические крики женщин. Кот передал голову Фаготу, тот за волосы поднял ее и показал публике, и голова эта отчаянно крикнула на весь театр:

— Доктора!

— Ты будешь в дальнейшем молоть всякую чушь? — грозно спросил Фагот у плачущей головы.

— Не буду больше! — прохрипела голова.

— Ради бога, не мучьте его! — вдруг, покрывая гам, прозвучал из ложи женский голос, и маг повернул в сторону этого голоса лицо.

— Так что же, граждане, простить его, что ли? — спросил Фагот, обращаясь к залу.

— Простить! Простить! — раздалось вначале отдельные и преимущественно женские голоса, а затем они слились в один хор с мужскими.

— Как прикажете, мессир? — спросил Фагот у замаскированного.

— Ну что же, — задумчиво отозвался тот, — они — люди как люди. Любят деньги, но ведь это всегда было... Человечество любит деньги, из чего бы те ни были сделаны, из кожи ли, из бумаги ли, из бронзы или из золота. Ну, легкомысленны... ну, что ж... и милосердие иногда стучится в их сердца... обыкновенные люди... в общем, напоминают прежних... квартирный вопрос только испортил их... — и громко приказал: — Наденьте голову.

Кот, прицелившись поаккуратнее, нахлобучил голову на шею, и она точно села на свое место, как будто никуда и не отлучалась.

И главное, даже шрама на шее никакого не осталось. Кот лапами обмахнул фрак Бенгальского и пластрон, и с них исчезли следы крови. Фагот поднял сидящего Бенгальского на ноги, сунул ему в карман фрака пачку червонцев и выпроводил со сцены со словами:

— Катитесь отсюда! Без вас веселей.

Бессмысленно оглядываясь и шатаясь, конференсье добрал только до пожарного поста, и там с ним сделалось худо. Он жалобно вскрикнул:

— Голова моя, голова!

В числе прочих к нему бросился Римский. Конференсье плакал, ловил в воздухе что-то руками, бормотал:

— Отдайте мою голову! Голову отдайте! Квартиру возьмите, картины возьмите, только голову отдайте!

Курьер побежал за врачом. Бенгальского пробовали уложить на диван в уборной, но он стал отбиваться, сделался буен. Пришлось вызывать карету. Когда несчастного конференсье увезли, Римский побежал обратно на сцену и увидел, что на ней происходят новые чудеса. Да, кстати, в это ли время или немножко раньше, но только маг, вместе со своим полинялым креслом, исчез со сцены, причем надо сказать, что публика совершенно этого не заметила, увлеченная теми необычайными вещами, которые развернул на сцене Фагот.

А Фагот, спровадив пострадавшего конференсье, объявил публике так:

— Таперича, когда этого надоедалу сплавили, давайте откроем дамский магазин!

И тотчас пол сцены покрылся персидскими коврами, возникли громадные зеркала, с боков освещенные зеленоватыми трубками, а меж зеркал витрины, и в них зрители в веселом ошеломлении увидели разных цветов и фасонов парижские женские платья. Это в одних витринах, а в других появились сотни дамских шляп, и с перышками, и без перышек, и с пряжками, и без них, сотни же туфель — черных, белых, желтых, кожаных, атласных, замшевых, и с ремешками, и с камушками. Между туфель появились футляры, и в них заиграли светом блестящие грани хрустальных флаконов. Горы сумочек из антилоповой кожи, из замши, из шелка, а между ними — целые груды чеканных золотых продолговатых футлярчиков, в которых бывает губная помада.

Черт знает откуда взявшаяся рыжая девица в вечернем черном туалете, всем хорошая девица, кабы не портил ее причудливый шрам на шее, заулыбалась у витрин хозяйской улыбкой.

Фагот, сладко ухмыляясь, объявил, что фирма совершенно бесплатно производит обмен старых дамских платьев и обуви на парижские модели и парижскую же обувь. То же самое он добавил относительно сумочек, духов и прочего.

Кот начал шаркать задней лапой, передней и в то же время выделявая какие-то жесты, свойственные швейцарам, открывающим дверь.

Девица хоть и с хрипотцой, но сладко запела, картавя, что-то малопонятное, но, судя по женским лицам в партере, очень соблазнительное:

— Герлэн, шанель номер пять, мицуко, нарсис нуар, вечерние платья, платья коктейль...

Фагот извивался, кот кланялся, девица открывала стеклянные витрины.

— Прощу! — орал Фагот, — без всякого стеснения и церемоний!

Публика волновалась, но идти на сцену пока никто не решался. Но наконец какая-то брюнетка вышла из десятого ряда партера и, улыбаясь так, что ей, мол, решительно все равно и в общем наплевать, прошла и по боковому трапу поднялась на сцену.

— Bravo! — вскричал Фагот, — приветствую первую посетительницу! Бегемот, кресло! Начнем с обуви, мадам.

Брюнетка села в кресло, и Фагот тотчас вывалил на ковер перед нею целую грудку туфель.

Брюнетка сняла свою правую туфлю, примерила сиреневую, потопала в ковер, осмотрела каблук.

— А они не будут жать? — задумчиво спросила она.

На это Фагот обиженно воскликнул:

— Что вы, что вы! — и кот от обиды мяукнул.

— Я беру эту пару, мосье, — сказала брюнетка с достоинством, надевая и вторую туфлю.

Старые туфли брюнетки были выброшены за занавеску, и туда же проследовала и сама она в сопровождении рыжей девицы и Фагота, несшего на плечиках несколько модельных платьев. Кот суетился, помогал и для пущей важности повесил себе на шею сантиметр.

Через минуту из-за занавески вышла брюнетка в таком платье, что по всему партеру прокатился вздох. Храбрая женщина, до удивительности похорошевшая, остановилась у зеркала, повела обнаженными плечами, потрогала волосы на затылке и изогнулась, стараясь заглянуть себе за спину.

— Фирма просит вас принять это на память, — сказал Фагот и подал брюнетке открытый футляр с флаконом.

— Мерси, — надменно ответила брюнетка и пошла по трапу в партер. Пока она шла, зрители вскакивали, прикасались к футляру.

И вот тут прорвало начисто, и со всех сторон на сцену пошли женщины. В общем возбужденном говоре, смешках и вздохах послышался мужской голос: «Я не позволю тебе!» — и женский: «Деспот и мещанин, не ломайте мне руку!» Женщины исчезали за занавеской, оставляли там свои платья и выходили в новых. На табуретках с золочеными ножками сидел целый ряд дам, энергично топая в ковер заново обутыми ногами. Фагот становился на колени, орудовал роговой надевалкой, кот, изнемогая под грудями сумочек и туфель, таскался от витрины к табуретам и обратно, девица с изуродованной шеей то появлялась, то исчезала и дошла до того, что уж полностью стала тархтеть по-французски, и удивительно было то, что ее с полуслова понимали все женщины, даже те из них, что не знали ни одного французского слова.

Общее изумление вызвал мужчина, затесавшийся на сцену. Он объявил, что у супруги его грипп и что он поэтому просит передать ей что-нибудь через него. В доказательство же того, что он действительно женат, гражданин был готов предъявить паспорт. Заявление заботливого мужа было встречено хохотом, Фагот проорал, что верит, как самому себе, и без паспорта, и вручил гражданину две пары шелковых чулок, кот от себя добавил футлярчик с помадой.

Опоздавшие женщины рвались на сцену, со сцены текли счастливицы в бальных платьях, в пижамах с драконами, в строгих визитных костюмах, в шляпочках, надвинутых на одну бровь.

Тогда Фагот объявил, что за поздним временем магазин закрывается до завтрашнего вечера ровно через одну минуту, и невероятная суета поднялась на сцене. Женщины наскоро, без всякой примерки, хватали туфли. Одна, как буря, ворвалась за занавеску, сбросила там свой костюм и овладела первым, что подвернулось, — шелковым, в громадных букетах, халатом и, кроме того, успела подцепить два футляра духов.

Ровно через минуту грянул пистолетный выстрел, зеркала исчезли, провалились витрины и табуретки, ковер растаял в воздухе так же, как и занавеска. Последней исчезла высоченная гора старых платьев и обуви, и стала сцена опять строга, пуста и гола.

И вот здесь в дело вмешалось новое действующее лицо.

Приятный звучный и очень настойчивый баритон послышался из ложи № 2:

— Все-таки желательно, гражданин артист, чтобы вы незамедлительно разоблачили бы перед зрителями технику ваших фокусов, в особенности фокус с денежными бумажками. Желательно также и возвращение конферансье на сцену. Судьба его волнует зрителей.

Баритон принадлежал не кому иному, как почетному гостю сегодняшнего вечера Аркадию Аполлоновичу Семплеярову, председателю акустической комиссии московских театров.

Аркадий Аполлонович помещался в ложе с двумя дамами: пожилой, дорого и модно одетой, и другой — молоденькой и хорошенькой, одетой попроще. Первая из них, как вскоре выяснилось при составлении протокола, была супругой Аркадия Аполлоновича, а вторая — дальней родственницей его, начинающей и подающей надежды актрисой, приехавшей из Саратова и проживающей на квартире Аркадия Аполлоновича и его супруги.

— Пardon! — отозвался Фагот, — я извиняюсь, здесь разоблачать нечего, все ясно.

— Нет, виноват! Разоблачение совершенно необходимо. Без этого ваши блестящие номера оставят тягостное впечатление. Зрительская масса требует объяснения.

— Зрительская масса, — перебил Семплеярова наглый гаер, — как будто ничего не заявляла? Но, принимая во внимание ваше глубокоуважаемое желание, Аркадий Аполлонович, я, так и быть, произведу разоблачение. Но для этого разрешите еще один крохотный номерок?

— Отчего же, — покровительственно ответил Аркадий Аполлонович, — но непременно с разоблачением!

— Слушаюсь, слушаюсь. Итак, позвольте вас спросить, где вы были вчера вечером, Аркадий Аполлонович?

При этом неуместном и даже, пожалуй, хамском вопросе лицо Аркадия Аполлоновича изменилось, и весьма сильно изменилось.

— Аркадий Аполлонович вчера вечером был на заседании акустической комиссии, — очень надменно заявила супруга Аркадия Аполлоновича, — но я не понимаю, какое отношение это имеет к магии.

— Уй, мадам! — подтвердил Фагот, — натурально, вы не понимаете. Насчет же заседания вы в полном заблуждении. Выехав на упомянутое заседание, каковое, к слову говоря, и назначено-то вчера не было, Аркадий Аполлонович отпустил своего шофера у здания акустической комиссии на Чистых прудах (весь театр затих), а сам на автобусе поехал на Елоховскую улицу в гости к артистке разъездного районного театра Милице Андреевне Покобатько и провел у нее в гостях около четырех часов.

— Ой! — страдальчески воскликнул кто-то в полной тишине.

Молодая же родственница Аркадия Аполлоновича вдруг расхохоталась низким и страшным смехом.

— Все понятно! — воскликнула она, — и я давно уже подозревала это. Теперь мне ясно, почему эта бездарность получила роль Луизы!

И, внезапно размахнувшись коротким и толстым лиловым зонтиком, она ударила Аркадия Аполлоновича по голове.

Подлый же Фагот, и он же Коровьев, прокричал:

— Вот, почтенные граждане, один из случаев разоблачения, которого так назойливо добивался Аркадий Аполлонович!

— Как смела ты, негодяйка, коснуться Аркадия Аполлоновича? — грозно спросила супруга Аркадия Аполлоновича, поднимаясь в ложе во весь свой гигантский рост.

Второй короткий прилив сатанинского смеха овладел молодой родственницей.

— Уж кто-кто, — ответила она, хохоча, — а уж я-то смею коснуться! — и второй раз раздался сухой треск зонтика, отскочившего от головы Аркадия Аполлоновича.

— Милиция! Взять ее! — таким страшным голосом прокричала супруга Семплеярова, что у многих похолодели сердца.

А тут еще кот выскочил к рампе и вдруг рявкнул на весь театр человеческим голосом:

— Сеанс окончен! Маэстро! Урежьте марш!!

Ополоумевший дирижер, не отдавая себе отчета в том, что делает, взмахнул палочкой, и оркестр не заиграл, и даже не грянул, и даже не хватил, а именно, по омерзительному выражению кота, урезал какой-то невероятный, ни на что не похожий по развязности своей марш.

На мгновение почудилось, что будто слышаны были некогда, под южными звездами, в кафешантане, какие-то малопонятные, но разудалые слова этого марша:

Его превосходительство
Любил домашних птиц
И брал под покровительство
Хорошеньких девиц!!!

А может быть, не было никаких этих слов, а были другие на эту же музыку, какие-то неприличные крайне. Важно не это, а важно то, что в Варьете после всего этого началось что-то вроде столпотворения вавилонского. К Семплеяровской ложе бежала милиция, на барьер лезли любопытные, слышались адские взрывы хохота, бешеные крики, заглушаемые золотым звоном тарелок из оркестра.

И видно было, что сцена внезапно опустела и что надувало Фагот, равно как и наглый котяра Бегемот, растаяли в воздухе, исчезли, как раньше исчез маг в кресле с полинявшей обивкой.

К заданию 4. Прочитайте фрагменты 17 главы романа «Мастер и Маргарита». Ответьте на вопросы и выполните задания в учебнике.

ГЛАВА 17

Беспокойный день

Утром в пятницу, то есть на другой день после проклятого сеанса, весь наличный состав служащих Варьете — бухгалтер Василий Степанович Ласточкин, два счетовода, три машинистки, обе кассирши, курьеры,

капельдинеры и уборщицы, — словом, все, кто был в наличии, не находились при деле на своих местах, а все сидели на подоконниках окон, выходящих на Садовую, и смотрели на то, что делается под стеною Варьете. Под этой стеной в два ряда лепилась многотысячная очередь, хвост которой находился на Кудринской площади. В голове этой очереди стояло примерно два десятка хорошо известных в театральной Москве барышников.

Очередь держала себя очень взволнованно, привлекала внимание струившихся мимо граждан и занималась обсуждением зажигательных рассказов о вчерашнем невиданном сеансе черной магии. Эти же рассказы привели в величайшее смущение бухгалтера Василия Степановича, который накануне на спектакле не был. Капельдинеры рассказывали бог знает что, в том числе, как после окончания знаменитого сеанса некоторые гражданки в неприличном виде бегали по улице, и прочее в том же роде. Скромный и тихий Василий Степанович только моргал глазами, слушая рассказы обо всех этих чудесах, и решительно не знал, что ему предпринять, а между тем предпринимать нужно было что-то, и именно ему, так как он теперь остался старшим во всей команде Варьете.

К десяти часам утра очередь жаждущих билетов до того вспухла, что о ней дошли слухи до милиции, и с удивительной быстротой были присланы как пешие, так и конные наряды, которые эту очередь и привели в некоторый порядок. Однако и стоящая в порядке змея длиной в километр сама по себе уже представляла великий соблазн и приводила граждан на Садовой в полное изумление.

Это было снаружи, а внутри Варьете тоже было очень неладно. С самого раннего утра начали звонить и звонили непрерывно телефоны в кабинете Лиходеева, в кабинете Римского, в бухгалтерии, в кассе и в кабинете Варенухи. Василий Степанович сперва отвечал что-то, отвечала и кассирша, бормотали что-то в телефон капельдинеры, а потом и вовсе перестали отвечать, потому что на вопросы, где Лиходеев, Варенуха, Римский, отвечать было решительно нечего. Сперва пробовали отделаться словами «Лиходеев на квартире», а из города отвечали, что звонили на квартиру и что квартира говорит, что Лиходеев в Варьете.

Позвонила взволнованная дама, стала требовать Римского, ей посоветовали позвонить к жене его, на что трубка, зарыдав, ответила, что она и есть жена и что Римского нигде нет. Начиналась какая-то чепуха. Уборщица уже всем рассказала, что, явившись в кабинет финдиректора убирать, увидела, что дверь настежь, лампы горят, окно в сад разбито, кресло валяется на полу и никого нету.

В одиннадцатом часу ворвалась в Варьете мадам Римская. Она рыдала и заламывала руки. Василий Степанович совершенно растерялся и не знал, что ей посоветовать. А в половине одиннадцатого явилась милиция. Первый же и совершенно резонный ее вопрос был:

— Что у вас тут происходит, граждане? В чем дело?

Команда отступила, выставив вперед бледного и взволнованного Василия Степановича. Пришлось называть вещи своими именами и признаться в том, что администрация Варьете, в лице директора, финдиректора

и администратора, пропала и находится неизвестно где, что конференсье после вчерашнего сеанса был отвезен в психиатрическую лечебницу и что, коротко говоря, этот вчерашний сеанс был прямо скандальным сеансом.

Рыдающую мадам Римскую, сколько можно успокоив, отправили домой и более всего заинтересовались рассказом уборщицы о том, в каком виде был найден кабинет финдиректора. Служащих попросили отправиться по своим местам и заняться делом, и через короткое время в здании Варьете появилось следствие в сопровождении остроухой, мускулистой, цвета папиросного пепла собаки с чрезвычайно умными глазами. Среди служащих Варьете тотчас разнеслось шушуканье о том, что пес — не кто другой, как знаменитый Тузбубен. И точно, это был он. Поведение его изумило всех. Лишь только Тузбубен вбежал в кабинет финдиректора, он зарычал, оскалив чудовищные желтоватые клыки, затем лег на брюхо и с каким-то выражением тоски и в то же время ярости в глазах пополз к разбитому окну. Преодолев свой страх, он вдруг вскочил на подоконник и, задрав острую морду вверх, дико и злобно завыл. Он не хотел уходить с окна, рычал, и вздрагивал, и порывался спрыгнуть вниз.

Пса вывели из кабинета и пустили его в вестибюль, оттуда он вышел через парадный вход на улицу и привел следовавших за ним к таксомоторной стоянке. Возле нее он след, по которому шел, потерял. После этого Тузабубен увезли.

Следствие расположилось в кабинете Варенухи, куда и стало по очереди вызывать тех служащих Варьете, которые были свидетелями вчерашних происшествий во время сеанса. Нужно сказать, что следствию на каждом шагу приходилось преодолевать непредвиденные трудности. Ниточка то и дело рвалась в руках.

Афиши-то были? Были. Но за ночь их заклеили новыми, и теперь ни одной нет, хоть убей. Откуда взялся этот маг-то самый? А кто ж его знает. Стало быть, с ним заключали договор?

— Надо полагать, — отвечал взволнованный Василий Степанович.

— А ежели заключали, так он должен был пройти через бухгалтерию?

— Всенепременно, — отвечал, волнуясь, Василий Степанович.

— Так где же он?

— Нету, — отвечал бухгалтер, все более бледнея и разводя руками. И действительно, ни в папках бухгалтерии, ни у финдиректора, ни у Лиходеева, ни у Варенухи никаких следов договора нет.

Как фамилия-то этого мага? Василий Степанович не знает, он не был вчера на сеансе. Капельдинеры не знают, билетная кассирша морщила лоб, морщила, думала, думала, наконец сказала:

— Во... Кажись, Воланд.

А может быть, и не Воланд? Может быть, и не Воланд, может быть, Фаланд.

Выяснилось, что в бюро иностранцев ни о каком Воланде, а равно так же и Фаланде, маге, ровно ничего не слышали.

Курьер Карпов сообщил, что будто бы этот самый маг остановился на квартире у Лиходеева. На квартире, конечно, тотчас побывали. Никакого

мага там не оказалось. Самого Лиходеева тоже нет. Домработницы Груни нету, и куда она девалась, никто не знает. Председателя правления Никанора Ивановича нету, Пролежнева нету!

Выходило что-то совершенно несусветимое: пропала вся головка администрации, вчера был странный скандальный сеанс, а кто его проводил и по чьему наущению — неизвестно.

А дело тем временем шло к полудню, когда должна была открыться касса. Но об этом, конечно, не могло быть и разговора! На дверях Варьете тут же был вывешен громадный кусок картона с надписью: «Сегодняшний спектакль отменяется». В очереди началось волнение, начиная с головы ее, но, поволновавшись, она все-таки стала разрушаться, и через час примерно от нее на Садовой не осталось и следа. Следствие отбыло для того, чтобы продолжать свою работу в другом месте, служащих отпустили, оставив только дежурных, и двери Варьете заперли.

Бухгалтеру Василию Степановичу предстояло срочно выполнить две задачи. Во-первых, съездить в комиссию зрелищ и увеселений облегченного типа с докладом о вчерашних происшествиях, а во-вторых, побывать в финзрелищном секторе для того, чтобы сдать вчерашнюю кассу — 21 711 рублей.

Аккуратный и исполнительный Василий Степанович упаковал деньги в газетную бумагу, бечевкой перекрестил пакет, уложил его в портфель и, прекрасно зная инструкцию, направился, конечно, не к автобусу или трамваю, а к таксомоторной стоянке.

Лишь только шоферы трех машин увидели пассажира, спешащего на стоянку с туго набитым портфелем, как все трое из-под носа у него уехали пустыми, почему-то при этом злобно оглядываясь.

Пораженный этим обстоятельством бухгалтер долгое время стоял столбом, соображая, что бы это значило.

Минуты через три подкатила пустая машина, и лицо шофера сразу перекопилось, лишь только он увидел пассажира.

— Свободна машина? — изумленно кашлянув, спросил Василий Степанович.

— Деньги покажите, — со злобой ответил шофер, не глядя на пассажира.

Все более поражаясь, бухгалтер, зажав драгоценный портфель под мышкой, вытащил из бумажника червонец и показал его шоферу.

— Не поеду! — кратко сказал тот.

— Я извиняюсь... — начал было бухгалтер, но шофер его перебил:

— Трешки есть?

Совершенно сбитый с толку бухгалтер вынул из бумажника две трешки и показал шоферу.

— Садитесь, — крикнул тот и хлопнул по флажку счетчика так, что чуть не сломал его. — Поехали.

— Сдачи, что ли, нету? — робко спросил бухгалтер.

— Полный карман сдачи! — заорал шофер, и в зеркальце отразились его наливающиеся кровью глаза, — третий случай со мной сегодня. Да и

с другими то же было. Дает какой-то сукин сын червонец, я ему сдачи — четыре пятьдесят... Вылез, сволочь! Минут через пять смотрю: вместо червонца бумажка с нарзанной бутылки! — тут шофер произнес несколько непечатных слов. — Другой — за Зубовской. Червонец. Даю сдачи три рубля. Ушел! Я полез в кошелек, а оттуда пчела — тяп за палец! Ах ты!.. — шофер опять вклеил непечатные слова, — а червонца нету. Вчера в этом Варьете (непечатные слова) какая-то гадюка — фокусник сеанс с червонцами сделал (непечатные слова).

Бухгалтер обомлел, съезжился и сделал такой вид, как будто и самое слово «Варьете» он слышит впервые, а сам подумал: «Ну и ну!..»

Приехав куда нужно, расплатившись благополучно, бухгалтер вошел в здание и устремился по коридору туда, где находился кабинет заведующего, и уже по дороге понял, что попал не вовремя. Какая-то суматоха царила в канцелярии зрелищной комиссии. Мимо бухгалтера пробежала курьерша со сбившимся на затылок платочком и вытаращенными глазами.

— Нету, нету, нету, милые мои! — кричала она, обращаясь неизвестно к кому, — пиджак и штаны тут, а в пиджаке ничего нету!

Она скрылась в какой-то двери, и тут же за ней послышались звуки битья посуды. Из секретарской комнаты выбежал знакомый бухгалтеру заведующий первым сектором комиссии, но был в таком состоянии, что бухгалтера не узнал, и скрылся бесследно.

Потрясенный всем этим бухгалтер дошел до секретарской комнаты, являвшейся преддверием кабинета председателя комиссии, и здесь окончательно поразился.

Из-за закрытой двери кабинета доносился грозный голос, несомненно принадлежащий Прохору Петровичу — председателю комиссии. «Распекает, что ли, кого?» — подумал смятенный бухгалтер и, оглянувшись, увидел другое: в кожаном кресле, закинув голову на спинку, безудержно рыдая, с мокрым платком в руке, лежала, вытянув ноги почти до середины секретарской, личный секретарь Прохора Петровича — красавица Анна Ричардовна.

Весь подбородок Анны Ричардовны был вымазан губной помадой, а по персиковым щекам ползли с ресниц потоки раскисшей краски.

Увидев, что кто-то вошел, Анна Ричардовна вскочила, кинулась к бухгалтеру, вцепилась в лацканы его пиджака, стала трясти бухгалтера и кричать:

— Слава Богу! Нашелся хоть один храбрый! Все разбежались, все предали! Идемте, идемте к нему, я не знаю, что делать! — И, продолжая рыдать, она потащила бухгалтера в кабинет.

Попав в кабинет, бухгалтер первым долгом уронил портфель, и все мысли в его голове перевернулись кверху ногами. И надо сказать, было от чего.

За массивным письменным столом с огромной чернильницей сидел пустой костюм и не обмакнутым в чернила сухим пером водил по бумаге. Костюм был при галстукке, из кармашка костюма торчало самопишущее перо, но над воротником не было ни шеи, ни головы, равно как из манжет

не выглядывали кисти рук. Костюм был погружен в работу и совершенно не замечал той кутерьмы, что царила кругом. Услыхав, что кто-то вошел, костюм откинулся в кресле, и над воротником прозвучал хорошо знакомый бухгалтеру голос Прохора Петровича:

— В чем дело? Ведь на дверях же написано, что я не принимаю.

Красавица секретарь взвизгнула и, ломая руки, вскричала:

— Вы видите? Видите?! Нету его! Нету! Верните его, верните!

Тут в дверь кабинета кто-то сунулся, охнул и вылетел вон. Бухгалтер почувствовал, что ноги его задрожали, и сел на краешек стула, но не забыл поднять портфель. Анна Ричардовна прыгала вокруг бухгалтера, терзая его пиджак, и вскрикивала:

— Я всегда, всегда останавливала его, когда он чертыхался! Вот и дочертыхался, — тут красавица подбежала к письменному столу и музыкальным нежным голосом, немного гнусавым после плача, воскликнула:

— Проша! где вы?

— Кто вам тут «Проша»? — осведомился надменно костюм, еще глубже заваливаясь в кресле.

— Не узнает! Меня не узнает! Вы понимаете? — взрыдала секретарь.

— Попрошу не рыдать в кабинете! — уже злясь, сказал вспыльчивый костюм в полоску и рукавом подтянул к себе свежую пачку бумаг, с явной целью поставить на них резолюцию.

— Нет, не могу видеть этого, нет, не могу! — закричала Анна Ричардовна и выбежала в секретарскую, а за нею как пуля вылетел и бухгалтер.

— Вообразите, сию, — рассказывала, трясясь от волнения, Анна Ричардовна, снова вцепившись в рукав бухгалтера, — и входит кот. Черный, здоровый, как бегемот. Я, конечно, кричу ему «брысь!». Он — вон, а вместо него входит толстяк, тоже с какой-то кошачьей мордой, и говорит: «Это что же вы, гражданка, посетителям “брысь” кричите?» И прямо шаст к Прохору Петровичу, я, конечно, за ним, кричу: «Вы с ума сошли?» А он, наглец, прямо к Прохору Петровичу и садится против него в кресло! Ну, тот... Он — добрейшей души человек, но нервный. Вспылил! Не спорю. Нервозный человек, работает как вол, — вспылил. «Вы чего, говорит, без доклада влезаете?» А тот нахал, вообразите, развалился в кресле и говорит, улыбаясь: «А я, говорит, с вами по дельцу пришел потолковать». Прохор Петрович вспылил опять-таки: «Я занят!» А тот, подумайте только, отвечает: «Ничем вы не заняты...» А? Ну, тут уж, конечно, терпение Прохора Петровича лопнуло, и он вскричал: «Да что ж это такое? Вывести его вон, черти б меня взяли!» А тот, вообразите, улыбнулся и говорит: «Черти чтоб взяли? А что ж, это можно!» И, трах, я не успела вскрикнуть, смотрю: нету этого с кошачьей мордой и си... сидит... костюм... Геее! — распялив совершенно потерявший всякие очертания рот, завyla Анна Ричардовна.

подавившись рыданием, она перевела дух, но понесла что-то уж совсем несообразное:

— И пишет, пишет, пишет! С ума сойти! По телефону говорит! Костюм! Все разбежались, как зайцы!

Бухгалтер только стоял и трясся. Но тут судьба его выручила. В секретарскую спокойной деловой походкой входила милиция в составе двух человек. Увидев их, красавица зарыдала еще пуще, тыча рукою в дверь кабинета. — Давайте не будем рыдать, гражданка, — спокойно сказал первый, а бухгалтер, чувствуя, что он здесь совершенно лишний, выскочил из секретарской и через минуту был уже на свежем воздухе. В голове у него был какой-то сквозняк, гудело, как в трубе, и в этом гудении слышались клочки капельдинерских рассказов о вчерашнем коте, который принимал участие в сеансе. «Э-ге-ге? Да уж не наш ли это котик?»

Не добившись толку в комиссии, добросовестный Василий Степанович решил побывать в филиале ее, помещавшемся в Ваганьковском переулке. И чтобы успокоить себя немного, проделал путь до филиала пешком.

Городской зрелищный филиал помещался в облупленном от времени особняке в глубине двора и знаменит был своими порфировыми колоннами в вестибюле.

Но не колонны поражали в этот день посетителей филиала, а то, что происходило под ними.

Несколько посетителей стояли в оцепенении и глядели на плачущую барышню, сидевшую за столиком, на котором лежала специальная зрелищная литература, продаваемая барышней. В данный момент барышня никому ничего не предлагала из этой литературы и на участливые вопросы только отмахивалась, а в это время и сверху, и снизу, и с боков, из всех отделов филиала сыпался телефонный звон, по крайней мере, двадцати надрывающихся аппаратов.

Поплавав, барышня вдруг вздрогнула, истерически крикнула:

— Вот опять! — и неожиданно запела дрожащим сопрано:

Славное море священный Байкал...

Курьер, показавшийся на лестнице, погрозил кому-то кулаком и запел вместе с барышней незвучным, тусклым баритоном:

Славен корабль, омулевая бочка!..

К голосу курьера присоединились дальние голоса, хор начал разрастаться, и, наконец, песня загремела во всех углах филиала. В ближайшей комнате № 6, где помещался счетно-проверочный отдел, особенно выделялась чья-то мощная с хрипотцой октава. Аккомпанировал хору усиливающийся треск телефонных аппаратов.

Гей, Баргузин... пошевеливай вал!.. — орал курьер на лестнице.

Слезы текли по лицу девицы, она пыталась стиснуть зубы, но рот ее раскрывался сам собою, и она пела на октаву выше курьера:

Молодцу быть недалечко!

Поражало безмолвных посетителей филиала то, что хористы, рассеянные в разных местах, пели очень складно, как будто весь хор стоял, не спуская глаз с невидимого дирижера.

Прохожие в Ваганьковском останавливались у решетки двора, удивляясь веселью, царящему в филиале.

Как только первый куплет пришел к концу, пение стихло внезапно, опять-таки как бы по жезлу дирижера. Курьер тихо выругался и скрылся.

Тут открылись парадные двери, и в них появился гражданин в летнем пальто, из-под которого торчали полы белого халата, а с ним милиционер.

— Примите меры, доктор, умоляю, — истерически крикнула девица.

На лестницу выбежал секретарь филиала и, видимо, сгорая от стыда и смущения, заговорил, заикаясь:

— Видите ли, доктор, у нас случай массового какого-то гипноза... Так вот, необходимо... — он не закончил фразы, стал давиться словами и вдруг запел тенором:

Шилка и Нерчинск...

— Дурак! — успела выкрикнуть девица, но не объяснила, кого ругает, а вместо этого вывела насильственную руладу и сама запела про Шилку и Нерчинск.

— Держите себя в руках! Перестаньте петь! — обратился доктор к секретарю.

По всему было видно, что секретарь и сам бы отдал что угодно, чтобы перестать петь, да перестать-то он не мог и вместе с хором донес до слуха прохожих в переулке весть о том, что в дебрях его не тронул прожорливый зверь и пуля стрелков не догнала!

Лишь только куплет кончился, девица первая получила порцию валерианки от врача, а затем он побежал за секретарем к другим — поить и их.

— Простите, гражданочка, — вдруг обратился Василий Степанович к девице, — кот к вам черный не заходил?

— Какой там кот? — в злобе закричала девица, — осел у нас в филиале сидит, осел! — и, прибавив к этому: — Пусть слышит! Я все расскажу, — действительно рассказала о том, что случилось.

Оказалось, что заведующий городским филиалом, «вконец разваливши облегченные развлечения» (по словам девицы), страдал манией организации всякого рода кружков.

— Очки втирал начальству! — орала девица.

В течение года заведующий успел организовать кружок по изучению Лермонтова, шахматно-шашечный, пинг-понга и кружок верховой езды. К лету угрожал организацией кружка гребли на пресных водах и кружка альпинистов.

И вот сегодня, в обеденный перерыв, входит он, заведующий...

— И ведет под руку какого-то сукина сына, — рассказывала девица, — неизвестно откуда взявшегося, в клетчатых брючонках, в треснутом пенсне и... рожа совершенно невозможная!

И тут же, по рассказу девицы, отрекомендовал его всем обедавшим в столовой филиала как видного специалиста по организации хороших кружков.

Лица будущих альпинистов помрачнели, но заведующий тут же призвал всех к бодрости, а специалист и пошутил, и поострил, и клятвенно заверил, что времени пение берет самую малость, а пользы от этого пения, между прочим, целый вагон.

Ну, конечно, как сообщила девица, первыми выскочили Фанов и Косарчук, известнейшие филиальские подхалимы, и объявили, что запи-

сываются. Тут остальные служащие убедились, что пения не миновать, пришлось записываться и им в кружок. Петь решили в обеденном пере­рыве, так как все остальное время было занято Лермонтовым и шашками. Заведующий, чтобы подать пример, объявил, что у него тенор, и далее все пошло, как в скверном сне. Клетчатый специалист-хормейстер проорал:

— До-ми-соль-до! — вытащил наиболее застенчивых из-за шкафов, где они пытались спастись от пения, Косарчуку сказал, что у него абсо­лютный слух, заныл, заскулил, просил уважить старого регента-певуна, стучал камертоном по пальцам, умоляя грянуть «Славное море».

Грянули. И славно грянули. Клетчатый, действительно, понимал свое дело. Допели первый куплет. Тут регент извинился, сказал: «Я на минут­ку» — и... исчез. Думали, что он действительно вернется через минутку. Но прошло и десять минут, а его нету. Радость охватила филиальцев — сбежал.

И вдруг как-то сами собой запели второй куплет, всех повел за собой Косарчук, у которого, может быть, и не было абсолютного слуха, но был довольно приятный высокий тенор. Спели. Регента нету! Двинулись по своим местам, но не успели сесть, как, против своего желания, запели. Остановить, — но не тут-то было. Помолчат минуты три и опять грянут. Помолчат — грянут! Тут сообразили, что беда. Заведующий заперся у себя в кабинете от сраму.

Тут девицын рассказ прервался. Ничего валерианка не помогла.

Через четверть часа к решетке в Ваганьковском подъехали три грузо­вика, и на них погрузился весь состав филиала во главе с заведующим.

Лишь только первый грузовик, качнувшись в воротах, выехал в пере­улок, служащие, стоящие на платформе и держащие друг друга за пле­чи, раскрыли рты, и весь переулок огласился популярной песней. Вто­рой грузовик подхватил, а за ним и третий. Так и поехали. Прохожие, бегущие по своим делам, бросали на грузовики лишь беглый взгляд, ничуть не удивляясь и полагая, что это экскурсия едет за город. Ехали, действительно, за город, но только не на экскурсию, а в клинику профес­сора Стравинского.

Через полчаса совсем потерявший голову бухгалтер добрался до финзрелищного сектора, надеясь наконец избавиться от казенных денег. Уже ученый опытом, он прежде всего осторожно заглянул в продолгова­тый зал, где за матовыми стеклами с золотыми надписями сидели слу­жащие. Никаких признаков тревоги или безобразия бухгалтер здесь не обнаружил. Было тихо, как и полагается в приличном учреждении.

Василий Степанович всунул голову в то окошечко, над которым было написано: «Прием сумм», — поздоровался с каким-то незнакомым ему служащим и вежливо попросил приходный ордерок.

— А вам зачем? — спросил служащий в окошечке.

Бухгалтер изумился.

— Хочу сдать сумму. Я из Варьете.

— Одну минутку, — ответил служащий и мгновенно закрыл сеткой дыру в стекле.

«Странно!» — подумал бухгалтер. Изумление его было совершенно естественно. Впервые в жизни он встретился с таким обстоятельством. Всем известно, как трудно получить деньги; к этому всегда могут найтись препятствия. Но в тридцатилетней практике бухгалтера не было случая, чтобы кто-нибудь, будь то юридическое или частное лицо, затруднялся бы принять деньги.

Но наконец сеточка отодвинулась, и бухгалтер опять прильнул к окошечку.

— А у вас много ли? — спросил служащий.

— Двадцать одна тысяча семьсот одиннадцать рублей.

— Ого! — почему-то иронически ответил служащий и протянул бухгалтеру зеленый листок.

Хорошо зная форму, бухгалтер мигом заполнил его и начал развязывать веревочку на пакете. Когда он распаковал свой груз, в глазах у него зарябило, он что-то промычал болезненно.

Перед глазами его замелькали иностранные деньги. Тут были пачки канадских долларов, английских фунтов, голландских гульденов, латвийских лат, эстонских крон...

— Вот он, один из этих штукарей из Варьете, — слышался грозный голос над онемевшим бухгалтером. И тут же Василия Степановича арестовали.

К рубрике «Дома»

Прочитайте беседу Воланда с Левием Матвеем в 29 главе романа «Мастер и Маргарита». С какими из рассуждений Воланда вы согласны, а против каких готовы выдвинуть контраргументы? Одинаково ли ваше отношение к Воланду и к Левию Матвею? При ответе используйте примеры из романа.

ГЛАВА 29

Судьба мастера и Маргариты определена

На закате солнца высоко над городом на каменной террасе одного из самых красивых зданий в Москве, здания, построенного около полутора-ста лет назад, находились двое: Воланд и Азazelло. Они не были видны снизу, с улицы, так как их закрывала от ненужных взоров балюстрада с гипсовыми вазами и гипсовыми цветами. Но им город был виден почти до самых краев.

Воланд сидел на складном табурете, одетый в черную свою сутану. Его длинная широкая шпага была воткнута между двумя рассекшимися плитами террасы вертикально, так что получились солнечные часы. Тень шпаги медленно и неуклонно удлинялась, подползая к черным туфлям на ногах сатаны. Положив острый подбородок на кулак, скорчившись на табурете и поджав одну ногу под себя, Воланд не отрываясь смотрел на необъятное сборище дворцов, гигантских домов и маленьких, обреченных на слом лачуг. Азazelло, расставшись со своим современным нарядом, то есть пиджаком, котелком, лакированными туфлями, одетый, как и Воланд, в черное, неподвижно стоял невдалеке от своего повелителя, так же как и он не спуская глаз с города.

Воланд заговорил:

— Какой интересный город, не правда ли?

Азазелло шевельнулся и ответил почтительно:

— Мессир, мне больше нравится Рим!

— Да, это дело вкуса, — ответил Воланд.

Через некоторое время опять раздался его голос:

— А отчего этот дым там, на бульваре?

— Это горит Грибоедов, — ответил Азазелло.

— Надо полагать, что это неразлучная парочка, Коровьев и Бегемот, побывала там?

— В этом нет никакого сомнения, мессир.

Опять наступило молчание, и оба находящиеся на террасе глядели, как в окнах, повернутых на запад, в верхних этажах громад зажигалось изломанное ослепительное солнце. Глаз Воланда горел так же, как одно из таких окон, хотя Воланд был спиной к закату.

Но тут что-то заставило Воланда отвернуться от города и обратить свое внимание на круглую башню, которая была у него за спиной на крыше. Из стены ее вышел оборванный, выпачканный в глине мрачный человек в хитоне, в самодельных сандалиях, чернобородый.

— Ба! — воскликнул Воланд, с насмешкой глядя на вошедшего, — менее всего можно было ожидать тебя здесь! Ты с чем пожаловал, незванный, но предвиденный гость?

— Я к тебе, дух зла и повелитель теней, — ответил вошедший, исподлобья недружелюбно глядя на Воланда.

— Если ты ко мне, то почему же ты не поздоровался со мной, бывший сборщик податей? — заговорил Воланд сурово.

— Потому что я не хочу, чтобы ты здоровствовал, — ответил дерзко вошедший.

— Но тебе придется примириться с этим, — возразил Воланд, и усмешка искривила его рот, — не успел ты появиться на крыше, как уже сразу отвесил нелепость, и я тебе скажу, в чем она, — в твоих интонациях. Ты произнес свои слова так, как будто ты не признаешь теней, а также и зла. Не будешь ли ты так добр подумать над вопросом: что бы делало твое добро, если бы не существовало зла, и как бы выглядела земля, если бы с нее исчезли тени? Ведь тени получаются от предметов и людей. Вот тень от моей шпаги. Но бывают тени от деревьев и от живых существ. Не хочешь ли ты ободрать весь земной шар, снеся с него прочь все деревья и все живое из-за твоей фантазии наслаждаться голым светом? Ты глуп.

— Я не буду с тобой спорить, старый софист, — ответил Левий Матвей.

— Ты и не можешь со мной спорить, по той причине, о которой я уже упомянул, — ты глуп, — ответил Воланд и спросил: — Ну, говори кратко, не утомляя меня, зачем появился?

— Он прислал меня.

— Что же он велел передать тебе, раб?

— Я не раб, — все более озлобляясь, ответил Левий Матвей, — я его ученик.

— Мы говорим с тобой на разных языках, как всегда, — отозвался Воланд, — но вещи, о которых мы говорим, от этого не меняются. Итак...

— Он прочитал сочинение мастера, — заговорил Левий Матвей, — и просит тебя, чтобы ты взял с собою мастера и наградил его покоем. Неужели это трудно тебе сделать, дух зла?

— Мне ничего не трудно сделать, — ответил Воланд, — и тебе это хорошо известно. — Он помолчал и добавил: — А что же вы не берете его к себе, в свет?

— Он не заслужил света, он заслужил покой, — печальным голосом проговорил Левий.

— Передай, что будет сделано, — ответил Воланд и прибавил, причем глаз его вспыхнул: — И покинь меня немедленно.

— Он просит, чтобы ту, которая любила и страдала из-за него, вы взяли бы тоже, — в первый раз моляще обратился Левий к Воланду.

— Без тебя бы мы никак не догадались об этом. Уходи.

Левий Матвей после этого исчез, а Воланд подозвал к себе Азazelло и приказал ему:

— Лети к ним и все устрой.

Азazelло покинул террасу, и Воланд остался один. Но одиночество его не было продолжительным. Послышался на плитах террасы стук шагов и оживленные голоса, и перед Воландом предстали Коровьев и Бегемот. Но теперь примуса при толстяке не было, а нагружен он был другими предметами. Так, под мышкой у него находился небольшой ландшафтик в золотой раме, через руку был перекинут поварской, наполовину обгоревший халат, а в другой руке он держал цельную семгу в шкуре и с хвостом. От Коровьева и Бегемота несло гарью, рожа Бегемота была в саже, а кепка наполовину обгорела.

— Салют, мессир, — прокричала неугомонная парочка, и Бегемот замахал семгой.

— Очень хороши, — сказал Воланд.

— Мессир, вообразите, — закричал возбужденно и радостно Бегемот, — меня за мародера приняли!

— Судя по принесенным тобою предметам, — ответил Воланд, поглядывая на ландшафтик, — ты и есть мародер.

— Верите ли, мессир... — задушевным голосом начал Бегемот.

— Нет, не верю, — коротко ответил Воланд.

— Мессир, клянусь, я делал героические попытки спасти все, что было можно, и вот все, что удалось отстоять.

— Ты лучше скажи, отчего Грибоедов загорелся? — спросил Воланд.

Оба, и Коровьев и Бегемот, развели руками, подняли глаза к небу, а Бегемот вскричал:

— Не постигаю! Сидели мирно, совершенно тихо, закусывали...

— И вдруг — трах, трах! — подхватил Коровьев, — выстрелы! Обезумев от страха, мы с Бегемотом кинулись бежать на бульвар, преследователи за нами, мы кинулись к Тимирязеву!

— Но чувство долга, — вступил Бегемот, — побороло наш постыдный страх, и мы вернулись!

— Ах, вы вернулись? — сказал Воланд, — ну, конечно, тогда здание сгорело дотла.

— Дотла! — горестно подтвердил Коровьев, — то есть буквально, мессир, дотла, как вы изволили метко выразиться. Одни головешки!

— Я устремился, — рассказывал Бегемот, — в зал заседаний, — это который с колоннами, мессир, — рассчитывая вытащить что-нибудь ценное. Ах, мессир, моя жена, если б только она у меня была, двадцать раз рисковала остаться вдовой! Но, к счастью, мессир, я не женат, и скажу вам прямо — счастлив, что не женат. Ах, мессир, можно ли променять холостую свободу на тягостное ярмо!

— Опять началась какая-то чушь, — заметил Воланд.

— Слушаю и продолжаю, — ответил кот, — да-с, вот ландшаптик. Более ничего невозможно было унести из зала, пламя ударило мне в лицо. Я побежал в кладовку, спас семгу. Я побежал в кухню, спас халат. Я считаю, мессир, что я сделал все, что мог, и не понимаю, чем объясняется скептическое выражение на вашем лице.

— А что делал Коровьев в то время, когда ты мародерствовал? — спросил Воланд.

— Я помогал пожарным, мессир, — ответил Коровьев, указывая на разорванные брюки.

— Ах, если так, то, конечно, придется строить новое здание.

— Оно будет построено, мессир, — отозвался Коровьев, — смею уверить вас в этом.

— Ну, что ж, остается пожелать, чтобы оно было лучше прежнего, — заметил Воланд.

— Так и будет, мессир, — сказал Коровьев.

— Уж вы мне верьте, — добавил кот, — я форменный пророк.

— Во всяком случае, мы явились, мессир, — докладывал Коровьев, — и ждем ваших распоряжений.

Воланд поднялся с своего табурета, подошел к балюстраде и долго, молча, один, повернувшись спиной к своей свите, глядел вдаль. Потом он отошел от края, опять опустился на свой табурет и сказал:

— Распоряжений никаких не будет — вы исполнили все, что могли, и более в ваших услугах я пока не нуждаюсь. Можете отдыхать. Сейчас придет гроза, последняя гроза, она довершит все, что нужно довершить, и мы тронемся в путь.

— Очень хорошо, мессир, — ответили оба гаера и скрылись где-то за круглой центральной башней, расположенной в середине террасы.

Гроза, о которой говорил Воланд, уже скоплась на горизонте. Черная туча поднялась на западе и до половины отрезала солнце. Потом она накрыла его целиком. На террасе посвежело. Еще через некоторое время стало темно.

Эта тьма, пришедшая с запада, накрыла громадный город. Исчезли мосты, дворцы. Все пропало, как будто этого никогда не было на свете. Через все небо пробежала одна огненная нитка. Потом город потряс удар. Он повторился, и началась гроза. Воланд перестал быть видим во мгле.

К рубрике «Читаем художественный текст»

К заданию 1. Прочитайте главу 13 «Явление героя» романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита». Рассмотрите рисунки Нади Рушевой, посвященные разным событиям из жизни мастера. Отвечая на последний вопрос задания 1, поделитесь своими впечатлениями от этих рисунков и расскажите, каким же изображен мастер юной художницей, как переданы его эмоции в зависимости от определенных переживаний. Обратите внимание, что герой запечатлён вместе со своей возлюбленной Маргаритой.

Маргарита утешает мастера

Возвращение мастера

Прочитайте фрагменты 13 главы романа «Мастер и Маргарита», ответьте на вопросы и выполните задания.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА 13

Явление героя

<...> Иван опустил ноги с постели и всмотрелся. С балкона осторожно заглядывал в комнату бритый, темноволосый, с острым носом, встревоженными глазами и со свешивающимся на лоб клоком волос человек примерно лет тридцати восьми.

Убедившись в том, что Иван один, и прислушавшись, таинственный посетитель осмелел и вошел в комнату. Тут увидел Иван, что пришедший одет в больничное. На нем было белье, туфли на босу ногу, на плечи наброшен бурый халат.

Пришедший подмигнул Ивану, спрятал в карман связку ключей, шепотом осведомился: «Можно присесть?» — и, получив утвердительный кивок, поместился в кресле.

— Как же вы сюда попали? — повинуюсь сухому грозящему пальцу, шепотом спросил Иван, — ведь балконные-то решетки на замках?

— Решетки-то на замках, — подтвердил гость, — но Прасковья Федоровна — милейший, но, увы, рассеянный человек. Я стащил у нее месяц тому назад связку ключей и, таким образом, получил возможность выходить на общий балкон, а он тянется вокруг всего этажа, и, таким образом, иногда навестить соседа.

— Раз вы можете выходить на балкон, то вы можете удрать. Или высоко? — заинтересовался Иван.

— Нет, — твердо ответил гость, — я не могу удрать отсюда не потому, что высоко, а потому, что мне удирать некуда. — И после паузы он добавил: — Итак, сидим?

— Сидим, — ответил Иван, вглядываясь в карие и очень беспокойные глаза пришельца.

— Да... — тут гость вдруг встревожился, — но вы, надеюсь, не буйный? А то я, знаете ли, не выношу шума, возни, насилий и всяких вещей в этом роде. В особенности ненавистен мне людской крик, будь то крик страдания, ярости или иной какой-нибудь крик. Успокойте меня, скажите, вы не буйный?

— Вчера в ресторане я одному типу по морде засветил, — мужественно признался преображенный поэт.

— Основание? — строго спросил гость.

— Да, признаться, без основания, — сконфузившись, ответил Иван.

— Безобразие, — осудил гость Ивана и добавил: — А кроме того, что это вы так выражаетесь: по морде засветил? Ведь неизвестно, что именно имеется у человека, морда или лицо. И, пожалуй, ведь все-таки лицо. Так что, знаете ли, кулаками... Нет, уж это вы оставьте, и навсегда.

Отчитав таким образом Ивана, гость осведомился:

— Профессия?

— Поэт, — почему-то неохотно признался Иван.

Пришедший огорчился.

— Ох, как мне не везет! — воскликнул он, но тут же спохватился, изменился и спросил: — А как ваша фамилия?

— Бездомный.

— Эх, эх... — сказал гость, морщась.

— А вам, что же, мои стихи не нравятся? — с любопытством спросил Иван.

— Ужасно не нравятся.

— А вы какие читали?

— Никаких я ваших стихов не читал! — нервно воскликнул посетитель.

— А как же вы говорите?

— Ну, что ж тут такого, — ответил гость, — как будто я других не читал? Впрочем... разве что чудо? Хорошо, я готов принять на веру. Хороши ваши стихи, скажите сами?

— Чудовищны! — вдруг смело и откровенно произнес Иван.

— Не пишите больше! — попросил пришедший умоляюще.

— Обещаю и клянусь! — торжественно произнес Иван.

Клятву скрепили рукопожатием, и тут из коридора донеслись мягкие шаги и голоса.

— Тсс, — шепнул гость и, выскочив на балкон, закрыл за собою решетку.

Заглянула Прасковья Федоровна, спросила, как Иван себя чувствует и желает ли он спать в темноте или со светом. Иван попросил свет оставить, и Прасковья Федоровна удалилась, пожелав больному спокойной ночи. И когда все стихло, вновь вернулся гость. <...>

— Так из-за чего же вы попали сюда?

— Из-за Понтия Пилата, — хмуро глянув в пол, ответил Иван.

— Как? — забыв осторожность, крикнул гость и сам себе зажал рот рукой, — потрясающее совпадение! Умоляю, умоляю, расскажите!

Почему-то испытывая доверие к неизвестному, Иван, первоначально запинаясь и робея, а потом осмелев, начал рассказывать вчерашнюю историю на Патриарших прудах. Да, благодарного слушателя получил Иван Николаевич в лице таинственного похитителя ключей! Гость не рядил Ивана в сумасшедшие, проявил величайший интерес к рассказываемому и по мере развития этого рассказа, наконец, пришел в восторг. Он то и дело прерывал Ивана восклицаниями:

— Ну, ну! Дальше, дальше, умоляю вас. Но только, ради всего святого, не пропускайте ничего!

Иван ничего и не пропускал, ему самому было так легче рассказывать, и постепенно добрался до того момента, как Понтий Пилат в белой мантии с кровавым подбоем вышел на балкон.

Тогда гость молитвенно сложил руки и прошептал:

— О, как я угадал! О, как я все угадал!

Описание ужасной смерти Берлиоза слушающий сопровождал загадочным замечанием, причем глаза его вспыхнули злобой:

— Об одном жалею, что на месте этого Берлиоза не было критика Латунского или литератора Мстислава Лавровича, — и испуганно, но беззвучно вскричал: — Дальше!

Кот, плативший кондукторше, чрезвычайно развеселил гостя, и он давился от тихого смеха, глядя, как взволнованный успехом своего повествования Иван тихо прыгал на корточках, изображая кота с гривенником возле усов.

— И вот, — рассказав про происшествие в Грибоедове, загрузив и затуманившись, Иван закончил: — Я и оказался здесь.

Гость сочувственно положил руку на плечо бедного поэта и сказал так:

— Несчастный поэт! Но вы сами, голубчик, во всем виноваты. Нельзя было держать себя с ним столь развязно и даже нагло. Вот вы и поплатились. И надо еще сказать спасибо, что все это обошлось вам сравнительно дешево.

— Да кто же он, наконец, такой? — в возбуждении потрясая кулаками, спросил Иван.

Гость взгляделся в Ивана и ответил вопросом:

— А вы не впадете в беспокойство? Мы все здесь люди ненадежные... Вызова врача, уколов и прочей возни не будет?

— Нет, нет! — воскликнул Иван, — скажите, кто он такой?

— Ну хорошо, — ответил гость и веско и раздельно сказал: — Вчера на Патриарших прудах вы встретились с сатаной.

Иван не впал в беспокойство, как и обещал, но был все-таки сильнее-шим образом ошарашен.

— Не может этого быть! Его не существует.

— Помилуйте! Уж кому-кому, но не вам это говорить. Вы были одним, по-видимому, из первых, кто от него пострадал. Сидите, как сами понимаете, в психиатрической лечебнице, а все толкуете о том, что его нет. Право, это странно!

Сбитый с толку Иван замолчал.

— Лишь только вы начали его описывать, — продолжал гость, — я уже стал догадываться, с кем вы вчера имели удовольствие беседовать. И, право, я удивляюсь Берлиозу! Ну вы, конечно, человек девственный, — тут гость опять извинился, — но тот, сколько я о нем слышал, все-таки хоть что-то читал! Первые же речи этого профессора рассеяли всякие мои сомнения. Его нельзя не узнать, мой друг! Впрочем, вы... вы меня опять-таки извините, ведь, я не ошибаюсь, вы человек невежественный?

— Бесспорно, — согласился неузнаваемый Иван.

— Ну вот... ведь даже лицо, которое вы описывали... разные глаза, брови! Простите, может быть, впрочем, вы даже оперы «Фауст» не слышали?

Иван почему-то страшнейшим образом сконфузился и с пылающим лицом что-то начал бормотать про какую-то поездку в санаторий в Ялту...

— Ну вот, ну вот... неудивительно! А Берлиоз, повторяю, меня поражает. Он человек не только начитанный, но и очень хитрый. Хотя в защиту его я должен сказать, что, конечно, Воланд может запорошить глаза и человеку похитрее.

— Как?! — в свою очередь крикнул Иван.

— Тише!

Иван с размаху шлепнул себя ладонью по лбу и засипел:

— Понимаю, понимаю. У него буква «В» была на визитной карточке. Ай-яй-яй, вот так штука! — он помолчал некоторое время в смятении, всматриваясь в луну, плывущую за решеткой, и заговорил: — Так он, стало быть, действительно мог быть у Понтия Пилата? Ведь он уж тогда родился? А меня сумасшедшим называют! — прибавил Иван, в возмущении указывая на дверь.

Горькая складка обозначилась у губ гостя. <...>

Гость долго грустил и дергался, но наконец заговорил:

— Видите ли, какая странная история, я здесь сижу из-за того же, что и вы, именно из-за Понтия Пилата, — тут гость пугливо оглянулся и сказал: — Дело в том, что год тому назад я написал о Пилате роман.

— Вы — писатель? — с интересом спросил поэт.

Гость потемнел лицом и погрозил Ивану кулаком, потом сказал:

— Я — мастер, — он сделался суров и вынул из кармана халата совершенно засаленную черную шапочку с вышитой на ней желтым шелком буквой «М». Он надел эту шапочку и показался Ивану в профиль и в фас, чтобы доказать, что он — мастер. — Она своими руками сшила ее мне, — таинственно добавил он.

— А как ваша фамилия?

— У меня нет больше фамилии, — с мрачным презрением ответил странный гость, — я отказался от нее, как и вообще от всего в жизни. Забудем о ней.

— Так вы хоть про роман скажите, — деликатно попросил Иван.

— Извольте-с. История моя, действительно, не совсем обыкновенная, — начал гость.

...Историк по образованию, он еще два года тому назад работал в одном из московских музеев, а кроме того, занимался переводами.

— С какого языка? — с интересом спросил Иван.

— Я знаю пять языков, кроме родного, — ответил гость, — английский, французский, немецкий, латинский и греческий. Ну, немножко еще читаю по-итальянски.

— Ишь ты! — завистливо шепнул Иван.

Жил историк одиноко, не имея нигде родных и почти не имея знакомых в Москве. И, представьте, однажды выиграл сто тысяч рублей.

— Вообразите мое изумление, — шептал гость в черной шапочке, — когда я сунул руку в корзину с грязным бельем и смотрю: на ней тот же номер, что и в газете! Облигацию, — пояснил он, — мне в музее дали.

Выиграв сто тысяч, загадочный гость Ивана поступил так: купил книг, бросил свою комнату на Мясницкой... <...>

Нанял у застройщика две комнаты в подвале маленького домика в садике. Службу в музее бросил и начал сочинять роман о Понтии Пилате.

— Ах, это был золотой век, — блестя глазами, шептал рассказчик, — совершенно отдельная квартирка, и еще передняя, и в ней раковина с водой, — почему-то особенно горделиво подчеркнул он, — маленькие оконца над самым тротуарчиком, ведущим от калитки. Напротив, в четырех шагах, под забором, сирень, липа и клен. Ах, ах, ах! Зимой я очень редко видел в оконце чьи-нибудь черные ноги и слышал хруст снега под ними. И в печке у меня вечно пылал огонь! Но внезапно наступила весна, и сквозь мутные стекла увидел я сперва голые, а затем одевающиеся в зелень кусты сирени. И вот тогда-то, прошлою весной, случилось нечто гораздо более восхитительное, чем получение ста тысяч рублей. А это, согласитесь, громадная сумма денег!

— Это верно, — признал внимательно слушающий Иван.

— Я открыл оконца и сидел во второй, совсем малюсенькой комнате, — гость стал отмеривать руками, — так... вот диван, а напротив другой диван, а между ними столик, и на нем прекрасная ночная лампа, а к окошку ближе книги, тут маленький письменный столик, а в первой комнате — громадная комната, четырнадцать метров, — книги, книги и печка. Ах, какая у меня была обстановка!

Необыкновенно пахнет сирень! И голова моя становилась легкой от утомления, и Пилат летел к концу.

— Белая мантия, красный подбой! Понимаю! — восклицал Иван.

— Именно так! Пилат летел к концу, к концу, и я уже знал, что последними словами романа будут: «...пятый прокуратор Иудеи, всадник Понтий Пилат». Ну, естественно, я выходил гулять. Сто тысяч — громадная сумма, и у меня был прекрасный серый костюм. Или отправлялся обедать в какой-нибудь дешевый ресторан. На Арбате был чудесный ресторан, не знаю, существует ли он теперь.

Тут глаза гостя широко открылись, и он продолжал шептать, глядя на луну:

— Она несла в руках отвратительные, тревожные желтые цветы. Черт их знает, как их зовут, но они первые почему-то появляются в Москве. И эти цветы очень отчетливо выделялись на черном ее весеннем пальто. Она несла желтые цветы! Нехороший цвет. Она повернула с Тверской в переулок и тут обернулась. Ну, Тверскую вы знаете? По Тверской шли тысячи людей, но я вам ручаюсь, что увидела она меня одного и поглядела не то что тревожно, а даже как будто болезненно. И меня поразила не столько ее красота, сколько необыкновенное, никем не виданное одиночество в глазах!

Повинуясь этому желтому знаку, я тоже свернул в переулок и пошел по ее следам. Мы шли по кривому, скучному переулку безмолвно, я по одной стороне, а она по другой. И не было, вообразите, в переулке ни души. Я мучился, потому что мне показалось, что с нею необходимо говорить, и тревожился, что я не вымолвлю ни одного слова, а она уйдет, и я никогда ее более не увижу...

<...>Так шли молча некоторое время, пока она не вынула у меня из рук цветы, не бросила их на мостовую, затем продела свою руку в черной перчатке с раструбом в мою, и мы пошли рядом.

— Дальше, — сказал Иван, — и не пропусайте, пожалуйста, ничего.

— Дальше? — переспросил гость, — что же, дальше вы могли бы и сами угадать. — Он вдруг вытер неожиданную слезу правым рукавом и продолжал: — Любовь выскочила перед нами, как из-под земли выскакивает убийца в переулке, и поразила нас сразу обоих!

Так поражает молния, так поражает финский нож!

Надя Рушева.
Мастер и Маргарита

Она-то, впрочем, утверждала впоследствии, что это не так, что любили мы, конечно, друг друга давным-давно, не зная друг друга, никогда не видя... <...>

Так вот она говорила, что с желтыми цветами в руках она вышла в тот день, чтобы я наконец ее нашел, и что если бы этого не произошло, она отравилась бы, потому что жизнь ее пуста.

Да, любовь поразила нас мгновенно. Я это знал в тот же день уже, через час, когда мы оказались, не замечая города, у кремлёвской стены на Набережной.

Мы разговаривали так, как будто расстались вчера, как будто знали друг друга много лет. На другой день мы сговорились встретиться там же, на Москве-реке, и встретились. Майское солнце светило нам. И скоро, скоро стала эта женщина моею тайною женой. <...>

Ивану стало известным, что мастер и незнакомка полюбили друг друга так крепко, что стали совершенно неразлучны. Иван представлял себе ясно уже и две комнаты в подвале особнячка, в которых были всегда сумерки из-за сирени и забора. Красную потертую мебель, бюро, на нем часы, звеневшие каждые полчаса, и книги, книги от крашеного пола до закопченного потолка, и печку.

Иван узнал, что гость его и тайная жена уже в первые дни своей связи пришли к заключению, что столкнула их на углу Тверской и переулка сама судьба и что созданы они друг для друга навек.

Иван узнал из рассказа гостя, как проводили день возлюбленные. Она приходила, и первым долгом надевала фартук, и в узкой передней, где находилась та самая раковина, которой гордился почему-то бедный больной, на деревянном столе зажигала керосинку и готовила завтрак, и накрывала его в первой комнате на овальном столе. Когда шли майские грозы и мимо подслеповатых окон шумно катилась в подворотню вода, угрожая залить последний приют, влюбленные растапливали печку и пекли в ней картофель. От картофеля валил пар, черная картофельная шелуха пачкала пальцы. В подвальчике слышался смех, деревья в саду сбрасывали с себя после дождя обломанные веточки, белые кисти. Когда кончились грозы и пришло душное лето, в вазе появились долгожданные и обоими любимые розы.

Тот, кто называл себя мастером, работал, а она, запустив в волосы тонкие с остро отточенными ногтями пальцы, перечитывала написанное, а перечитав, шила вот эту самую шапочку. Иногда она сидела на корточках у нижних полок или стояла на стуле у верхних и тряпкой вытирала сотни пыльных корешков. Она сулила славу, она подгоняла его и вот тут-то стала называть мастером. Она дожидалась этих обещанных уже последних слов о пятом прокураторе Иудеи, нараспев и громко повторяла отдельные фразы, которые ей нравились, и говорила, что в этом романе ее жизнь.

Он был дописан в августе месяце, был отдан какой-то безвестной машинистке, и та перепечатала его в пяти экземплярах. И, наконец, настал час, когда пришлось покинуть тайный приют и выйти в жизнь.

— И я вышел в жизнь, держа его в руках, и тогда моя жизнь кончилась, — прошептал мастер и поник головой, и долго качалась печальная

черная шапочка с желтой буквой «М». Он повел дальше свой рассказ, но тот стал несколько бессвязен. Можно было понять только одно, что тогда с гостем Ивана случилась какая-то катастрофа.

— Я впервые попал в мир литературы, но теперь, когда уже все кончилось и гибель моя налицо, вспоминаю о нем с ужасом! — торжественно прошептал мастер и поднял руку. — Да, он чрезвычайно поразил меня, ах, как поразил! <...>

Рассказ Иванова гостя становился все путаннее, все более наполнялся какими-то недомолвками. Он говорил что-то про косой дождь, и отчаяние в подвальном приюте, о том, что ходил куда-то еще. Шепотом вскрикивал, что он ее, которая толкала его на борьбу, ничуть не винит, о нет, не винит!

— Помню, помню этот проклятый вкладной лист в газету, — бормотал гость, рисуя двумя пальцами рук в воздухе газетный лист, и Иван догадался из дальнейших путаных фраз, что какой-то другой редактор напечатал большой отрывок из романа того, кто называл себя мастером.

По словам его, прошло не более двух дней, как в другой газете появилась статья критика Аримана, которая называлась «Враг под крылом редактора», в которой говорилось, что Иванов гость, пользуясь беспечностью и невежеством редактора, сделал попытку протащить в печать апологию Иисуса Христа. <...>

Статьи не прекращались. Над первыми из них я смеялся. Но чем больше их появлялось, тем более менялось моё отношение к ним. Второй стадией была стадия удивления. Что-то на редкость фальшивое и неуверенное чувствовалось буквально в каждой строчке этих статей, несмотря на их грозный и уверенный тон. Мне все казалось, — и я не мог от этого отделаться, — что авторы этих статей говорят не то, что они хотят сказать, и что их ярость вызывается именно этим. А затем, представьте себе, наступила третья стадия — страха. Нет, не страха этих статей, поймите, а страха перед другими, совершенно не относящимися к ним или к роману вещами. Так, например, я стал бояться темноты. Словом, наступила стадия психического заболевания. Стоило мне перед сном потушить лампу в маленькой комнате, как мне казалось, что через оконце, хотя оно и было закрыто, влезает какой-то спрут с очень длинными и холодными щупальцами. И спать мне пришлось с огнем.

Моя возлюбленная очень изменилась (про спрута я ей, конечно, не говорил. Но она видела, что со мной творится что-то неладное), похудела и побледнела, перестала смеяться и все просила меня простить ее за то, что она советовала мне, чтобы я напечатал отрывок. Она говорила, чтобы я, бросив все, уехал на юг к Черному морю, истратив на эту поездку все оставшиеся от ста тысяч деньги. <...>

Это было в сумерки, в половине октября. И она ушла. Я лег на диван и заснул, не зажигая лампы. Проснулся я от ощущения, что спрут здесь. Шаря в темноте, я еле сумел зажечь лампу. Карманные часы показывали два часа ночи. Я лег болевающим, а проснулся больным. Мне вдруг показалось, что осенняя тьма выдавит стекла, вольется в комнату и я

захлебнусь в ней, как в чернилах. Я стал человеком, который уже не владеет собой. Я вскрикнул, и у меня явилась мысль бежать к кому-то, хотя бы к моему застройщику наверх. Я боролся с собой как безумный. У меня хватило сил добраться до печки и разжечь в ней дрова. Когда они затрещали и дверца застучала, мне как будто стало немного легче. Я кинулся в переднюю и там зажег свет, нашел бутылку белого вина, откупорил ее и стал пить прямо из горлышка. От этого страх притупился несколько — настолько, по крайней мере, что я не побежал к застройщику и вернулся к печке. Я открыл дверцу, так что жар начал обжигать мне лицо и руки, и шептал:

— Догадайся, что со мною случилась беда. Приди, приди, приди!

Но никто не шел. В печке ревел огонь, в окна хлестал дождь. Тогда случилось последнее. Я вынул из ящика стола тяжелые списки романа и черновые тетради и начал их жечь. Это страшно трудно делать, потому что исписанная бумага горит неохотно. Ломая ногти, я раздираю тетради, стоймя вкладывал их между поленьями и кочергой трепал листы. Пепел по временам одолевал меня, душил пламя, но я боролся с ним, и роман, упорно сопротивляясь, все же погибал. Знакомые слова мелькали передо мной, желтизна неудержимо поднималась снизу вверх по страницам, но слова все-таки проступали и на ней. Они пропадали лишь тогда, когда бумага чернела и я кочергой яростно добивал их.

В это время в окно кто-то стал царапать тихо. Сердце мое прыгнуло, и я, погрузив последнюю тетрадь в огонь, бросился отворять. Кирпичные ступеньки вели из подвала к двери на двор. Спотыкаясь, я подбежал к ней и тихо спросил:

— Кто там?

И голос, ее голос, ответил мне:

— Это я.

Не помня как, я совладал с цепью и ключом. Лишь только она шагнула внутрь, она припала ко мне, вся мокрая, с мокрыми щеками и развившимися волосами, дрожащая. Я мог произнести только слово:

— Ты... ты? — и голос мой прервался, и мы побежали вниз. Она освободилась в передней от пальто, и мы быстро вошли в первую комнату. Тихо вскрикнув, она голыми руками выбросила из печки на пол последнее, что там оставалось, пачку, которая занялась снизу. Дым наполнил комнату сейчас же. Я ногами затоптал огонь, а она повалилась на диван и заплакала неудержимо и судорожно.

Когда она утихла, я сказал:

— Я возненавидел этот роман, и я боюсь. Я болен. Мне страшно.

Она поднялась и заговорила:

— Боже, как ты болен. За что это, за что? Но я тебя спасу, я тебя спасу. Что же это такое?

Я видел ее вспухшие от дыму и плача глаза, почувствовал, как холодные руки гладят мне лоб.

— Я тебя вылечу, вылечу, — бормотала она, впиваясь мне в плечи, — ты восстановишь его. Зачем, зачем я не оставила у себя один экземпляр!

Она оскалилась от ярости, что-то еще говорила невнятно. Затем, сжав губы, она принялась собирать и расправлять обгоревшие листы. Это была какая-то глава из середины романа, не помню какая. Она аккуратно сложила обгоревшие листки, завернула их в бумагу, перевязала лентой. Все ее действия показывали, что она полна решимости и что она овладела собой. Она потребовала вина и, выпив, заговорила спокойнее.

— Вот как приходится платить за ложь, — говорила она, — и больше я не хочу лгать. Я осталась бы у тебя и сейчас, но мне не хочется это делать таким образом. Я не хочу, чтобы у него навсегда осталось в памяти, что я убежала от него ночью. Он не сделал мне никогда никакого зла. Его вызвали внезапно, у них на заводе пожар. Но он вернется скоро. Я объяснюсь с ним завтра утром, скажу, что люблю другого, и навсегда вернусь к тебе. Ответь мне, ты, может быть, не хочешь этого?

— Бедная моя, бедная, — сказал я ей, — я не допущу, чтобы ты это сделала. Со мною будет нехорошо, и я не хочу, чтобы ты погибала вместе со мной.

— Только эта причина? — спросила она и приблизила свои глаза к моим.

— Только эта.

Она страшно оживилась, припала ко мне, обвивая мою шею, и сказала:

— Я погибаю вместе с тобою. Утром я буду у тебя. <...>

— Через четверть часа после того, как она покинула меня, ко мне в окна постучали.

То, о чем рассказывал больной на ухо, по-видимому, очень волновало его. Судороги то и дело проходили по его лицу. В глазах его плавал и метался страх и ярость. Рассказчик указывал рукою куда-то в сторону луны, которая давно уже ушла с балкона. Лишь тогда, когда перестали доноситься всякие звуки извне, гость отодвинулся от Ивана и заговорил погромче.

— Да, так вот, в половине января, ночью, в том же самом пальто, но с оборванными пуговицами, я жался от холода в моем дворике. Сзади меня были сугробы, скрывающие кусты сирени, а впереди меня и внизу — слабенько освещенные, закрытые шторами мои оконца, я припал к первому из них и прислушался — в комнатах моих играл патефон. Это все, что я слышал. Но разглядеть ничего не мог. Постояв немного, я вышел за калитку в переулок. В нем играла метель. Метнувшаяся мне под ноги собака испугала меня, и я перебежал от нее на другую сторону. Холод и страх, ставший моим постоянным спутником, доводили меня до иступления. Идти мне было некуда, и проще всего, конечно, было бы броситься под трамвай на той улице, в которую выходил мой переулок. Издали я видел эти наполненные светом, обледеневшие ящики и слышал их омерзительный скрежет на морозе. Но, дорогой мой сосед, вся штука заключалась в том, что страховладел каждой клеточкой моего тела. И так же точно, как собаки, я боялся и трамвая. Да, хуже моей болезни в этом здании нет, уверяю вас.

— Но вы же могли дать знать ей, — сказал Иван, сочувствуя бедному больному, — кроме того, ведь у нее же ваши деньги? Ведь она их, конечно, сохранила?

— Не сомневайтесь в этом, конечно, сохранила. Но вы, очевидно, не понимаете меня? Или, вернее, я утратил бывшую у меня некогда способность описывать что-нибудь. Мне, впрочем, ее не очень жаль, так как она мне не пригодится больше. Перед нею, — гость благоговейно посмотрел во тьму ночи, — легло бы письмо из сумасшедшего дома. Разве можно посылать письма, имея такой адрес? Душевнобольной? Вы шутите, мой друг! Нет, сделать ее несчастной? На это я не способен. <...>

— Скажите мне, а что было дальше с Иешуа и Пилатом, — попросил Иван, — умоляю, я хочу знать.

— Ах нет, нет, — болезненно дернувшись, ответил гость, — я вспомнить не могу без дрожи мой роман. А ваш знакомый с Патриарших прудов сделал бы это лучше меня. Спасибо за беседу. До свидания.

И раньше чем Иван опомнился, закрылась решетка с тихим звоном, и гость скрылся.

К заданию 2-3

Прочитайте главу 19, которую М. Булгаков назвал «Маргарита», и главу 24, названную писателем «Извлечение мастера». Рассмотрите рисунки Нади Рушевой, посвященные разным событиям из жизни главной героини, опишите свои чувства, вызванные ее поступками ради любви к мастеру.

Встреча Маргариты и Азазелло
в Александровском саду

Маргарита

Маргарита
преображённая

Полёт в бесконечность

«Прощайте!»

К заданию 2.

Прочитайте фрагменты главы 19 романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита», ответьте на вопросы и выполните задания.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ**ГЛАВА 19****Маргарита**

За мной, читатель! Кто сказал тебе, что нет на свете настоящей, верной, вечной любви? Да отрежут лгуну его гнусный язык!

За мной, мой читатель, и только за мной, и я покажу тебе такую любовь!

Нет! Мастер ошибался, когда с горечью говорил Иванушке в больнице в тот час, когда ночь перевалилась через полночь, что она позабыла его. Этого быть не могло. Она его, конечно, не забыла.

Прежде всего откроем тайну, которую мастер не пожелал открыть Иванушке. Возлюбленную его звали Маргаритой Николаевной. Все, что мастер говорил о ней, было сущей правдой. Он описал свою возлюбленную верно. Она была красива и умна. К этому надо добавить еще одно — с уверенностью можно сказать, что многие женщины все, что угодно, отдали бы за то, чтобы променять свою жизнь на жизнь Маргариты Николаевны. Бездетная тридцатилетняя Маргарита была женою очень крупного специалиста, к тому же сделавшего важнейшее открытие государственного значения. Муж ее был молод, красив, добр, честен и обожал свою жену. Маргарита Николаевна со своим мужем вдвоем занимали весь верх прекрасного особняка в саду в одном из переулков близ Арбата. Очаровательное место! Всякий может в этом убедиться, если пожелает направиться в этот сад. Пусть обратится ко мне, я скажу ему адрес, укажу дорогу — особняк еще цел до сих пор.

Маргарита Николаевна не нуждалась в деньгах. Маргарита Николаевна могла купить все, что ей понравится. Среди знакомых ее мужа попадались интересные люди. Маргарита Николаевна никогда не прикасалась к примусу. Маргарита Николаевна не знала ужасов житья в совместной квартире. Словом... Она была счастлива? Ни одной минуты! С тех пор, как девятнадцатилетней она вышла замуж и попала в особняк, она не знала счастья. Боги, боги мои! Что же нужно было этой женщине?! Что нужно было этой женщине, в глазах которой всегда горел какой-то непонятный огонечек, что нужно было этой чуть косящей на один глаз ведьме, украсившей себя тогда весной мимозами? Не знаю. Мне неизвестно. Очевидно, она говорила правду, ей нужен был он, мастер, а вовсе не готический особняк, и не отдельный сад, и не деньги. Она любила его, она говорила правду. Даже у меня, правдивого повествователя, но постороннего человека, сжимается сердце при мысли о том, что испытала Маргарита, когда пришла на другой день в домик мастера, по счастью, не успев переговорить с мужем, который не вернулся в назначенный срок, и узнала, что мастера уже нет.

Она сделала все, чтобы разузнать что-нибудь о нем, и, конечно, не разузнала ровно ничего. Тогда она вернулась в особняк и зажила на прежнем месте. <...>

— Я верую! — шептала Маргарита торжественно, — я верую! Что-то произойдет! Не может не произойти, потому что за что же, в самом деле, мне послана пожизненная мука? Сознаюсь в том, что я лгала и обманывала и жила тайной жизнью, скрытой от людей, но все же нельзя за это наказывать так жестоко. Что-то случится непременно, потому что не бывает так, чтобы что-нибудь тянулось вечно. А кроме того, сон мой был вещий, за это я ручаюсь.

<...> В руках Маргариты оказался старый альбом коричневой кожи, в котором была фотографическая карточка мастера, книжка сберегательной кассы со вкладом в десять тысяч на его имя, распластанные между листками папиросной бумаги лепестки засохшей розы и часть тетради в целый лист, исписанной на машинке и с обгоревшим нижним краем.

Вернувшись с этим богатством к себе в спальню, Маргарита Николаевна установила на трехстворчатом зеркале фотографию и просидела около часа, держа на коленях испорченную огнем тетрадь, перелистывая ее и перечитывая то, в чем после сожжения не было ни начала, ни конца: «...Тьма, пришедшая со Средиземного моря, накрыла ненавидимый прокуратором город. Исчезли висячие мосты, соединяющие храм со страшной антониевой башней, опустилась с неба бездна и залила крылатых богов над гипподромом, Хасмонецкий дворец с бойницами, базары, караван-сарай, переулки, пруды... Пропал Ершалаим — великий город, как будто не существовал на свете...»

Маргарите хотелось читать дальше, но дальше ничего не было, кроме угольной бахромы.

Утирая слезы, Маргарита Николаевна оставила тетрадь, локти положила на подзеркальный столик и, отражаясь в зеркале, долго сидела, не спуская глаз с фотографии. Потом слезы высохли. <...>

Через несколько минут Маргарита Николаевна уже сидела под кремлевской стеной на одной из скамеек, поместившись так, что ей был виден Манеж.

Маргарита щурилась на яркое солнце, вспоминала свой сегодняшний сон, вспоминала, как ровно год, день в день и час в час, на этой же самой скамье она сидела рядом с ним. И точно так же, как и тогда, черная сумочка лежала рядом с нею на скамейке. Его не было рядом в этот день, но разговаривала мысленно Маргарита Николаевна все же с ним: «Если ты сослан, то почему же не даешь знать о себе? Ведь дают же люди знать. Ты разлюбил меня? Нет, я почему-то этому не верю. Значит, ты был сослан и умер... Тогда, прошу тебя, отпусти меня, дай мне наконец свободу жить, дышать воздухом». Маргарита Николаевна отвечала за него: «Ты свободна... Разве я держу тебя?» Потом возражала ему: «Нет, что это за ответ! Нет, ты уйди из моей памяти, тогда я стану свободна». <...>

Удивленная Маргарита Николаевна повернулась и увидела на своей скамейке гражданина, который, очевидно, бесшумно подсел в то время, когда Маргарита загляделась на процессию и, надо полагать, в рассеянности вслух задала свой последний вопрос. <...>

— Да уж, конечно, чего тут интересного, Маргарита Николаевна!
Маргарита удивилась:

— Вы меня знаете?

Вместо ответа рыжий снял котелок и взял его на отлет.

«Совершенно разбойничья рожа!» — подумала Маргарита, вглядываясь в своего уличного собеседника.

— Я вас не знаю, — сухо сказала Маргарита.

— Откуда ж вам меня знать! А между тем я к вам послан по делу. <...>

— Тьма, пришедшая со Средиземного моря, накрыла ненавидимый прокуратором город. Исчезли висячие мосты, соединяющие храм со страшной Антониевой башней... Пропал Ершалаим, великий город, как будто не существовал на свете... Так пропадите же вы пропадом с вашей обгоревшей тетрадкой и сушеной розой! Сидите здесь на скамейке одна и умоляйте его, чтобы он отпустил вас на свободу, дал дышать воздухом, ушел бы из памяти!

Побелев лицом, Маргарита вернулась к скамейке. Рыжий глядел на нее, прищурившись.

— Я ничего не понимаю, — тихо заговорила Маргарита Николаевна, — про листки еще можно узнать... проникнуть, подсмотреть... Наташа подкуплена? да? Но как вы могли узнать мои мысли? — она страдальчески сморщилась и добавила: — Скажите мне, кто вы такой? Из какого вы учреждения?

— Вот скука-то, — проворчал рыжий и заговорил громче: — Простите, ведь я сказал вам, что ни из какого я не из учреждения! Сядьте, пожалуйста.

Маргарита беспрекословно повиновалась, но все-таки, садясь, спросила еще раз:

— Кто вы такой?

— Ну хорошо, зовут меня Азazelло, но ведь все равно вам это ничего не говорит.

— А вы мне не скажете, откуда вы узнали про листки и про мои мысли?

— Не скажу, — сухо ответил Азazelло.

— Но вы что-нибудь знаете о нем? — моляще шепнула Маргарита.

— Ну, скажем, знаю.

— Молю: скажите только одно, он жив? Не мучьте.

— Ну, жив, жив, — неохотно отозвался Азazelло. <...>

— Нет, погодите... Я знаю, на что иду. Но иду на все из-за него, потому что ни на что в мире больше надежды у меня нет. Но я хочу вам сказать, что, если вы меня погубите, вам будет стыдно! Да, стыдно! Я погибаю из-за любви! — и, стукнув себя в грудь, Маргарита глянула на солнце. <...>

Маргарита повернулась туда, куда указывал Азazelло, но ничего особенного не обнаружила. Тогда она обернулась к Азazelло, желая получить объяснение этому нелепому «ба!», но давать это объяснение было некому: таинственный собеседник Маргариты Николаевны исчез. Маргарита быстро сунула руку в сумочку, куда перед этим криком спрятала коробочку, и убедилась, что она там. Тогда, ни о чем не размышляя, Маргарита торопливо побежала из Александровского сада вон.

К заданию 3.

Прочитайте фрагменты 24 главы романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита», ответьте на вопросы и выполните задания.

ГЛАВА 24

Извлечение мастера

<...> Тут в комнату ворвался ветер, так что пламя свечей в канделябрах легло, тяжелая занавеска на окне отодвинулась, распахнулось окно, и в далекой высоте открылась полная, но не утренняя, а полночная луна. От подоконника на пол лег зеленоватый платок ночного света, и в нем появился ночной Иванушкин гость, называющий себя мастером. Он был в своем больничном одеянии — в халате, туфлях и черной шапочке, с которой не расставался. Небритое лицо его дергалось гримасой, он сумасшедше-пугливо косился на огни свечей, а лунный поток кипел вокруг него.

Маргарита сразу узнала его, простонала, всплеснула руками и подбежала к нему. Она целовала его в лоб, в губы, прижималась к колючей щеке, и долго сдерживаемые слезы теперь бежали ручьями по ее лицу. Она произносила только одно слово, бессмысленно повторяя его:

— Ты... ты, ты...

Мастер отстранил ее от себя и глухо сказал:

— Не плачь, Марго, не терзай меня. Я тяжело болен. — Он ухватился за подоконник рукою, как бы собираясь вскочить на него и бежать, оскалил зубы, всматриваясь в сидящих, и закричал: — Мне страшно, Марго! У меня опять начались галлюцинации.

Рыдания душили Маргариту, она шептала, давясь словами:

— Нет, нет, нет, не бойся ничего! Я с тобою! Я с тобою!

Коровьев ловко и незаметно подпихнул к мастеру стул, и тот опустился на него, а Маргарита бросилась на колени, прижалась к боку больного и так затихла. В своем волнении она не заметила, что нагота ее как-то внезапно кончилась, на ней теперь был шелковый черный плащ. Больной опустил голову и стал смотреть в землю угрюмыми больными глазами.

— Да, — заговорил после молчания Воланд, — его хорошо отделали. — Он приказал Коровьеву: — Дай-ка, рыцарь, этому человеку чего-нибудь выпить.

Маргарита упрашивала мастера дрожащим голосом:

— Выпей, выпей. Ты боишься? Нет, нет, верь мне, что тебе помогут.

Больной взял стакан и выпил то, что было в нем, но рука его дрогнула, и опустевший стакан разбился у его ног.

— К счастью! К счастью! — зашептал Коровьев Маргарите, — смотри-те, он уже приходит в себя.

Действительно, взор больного стал уже не так дик и беспокоен.

— Но это ты, Марго? — спросил лунный гость.

— Не сомневайся, это я, — ответила Маргарита.

— Еще! — приказал Воланд.

После того, как мастер осушил второй стакан, его глаза стали живыми и осмысленными.

— Ну вот, это другое дело, — сказал Воланд, прищуриваясь, — теперь поговорим. Кто вы такой?

— Я теперь никто, — ответил мастер, и улыбка искривила его рот.

— Откуда вы сейчас?

— Из дома скорби. Я — душевнобольной, — ответил пришелец.

Этих слов Маргарита не вынесла и заплакала вновь. Потом, вытерев глаза, она вскричала:

— Ужасные слова! Ужасные слова! Он мастер, мессир, я вас предупреждаю об этом. Вылечите его, он стоит этого.

— Вы знаете, с кем вы сейчас говорите, — спросил у пришедшего Воланд, — у кого вы находитесь?

— Знаю, — ответил мастер, — моим соседом в сумасшедшем доме был этот мальчик, Иван Бездомный. Он рассказал мне о вас.

— Как же, как же, — отозвался Воланд, — я имел удовольствие встретиться с этим молодым человеком на Патриарших прудах. Он едва самого меня не свел с ума, доказывая мне, что меня нету! Но вы-то верите, что это действительно я?

— Приходится верить, — сказал пришелец, — но, конечно, гораздо спокойнее было бы считать вас плодом галлюцинации. Извините меня, — спохватившись, прибавил мастер.

— Ну, что же, если спокойнее, то и считайте, — вежливо ответил Воланд.

— Нет, нет, — испуганно говорила Маргарита и трясла мастера за плечо, — опомнись! Перед тобою действительно он!

Кот ввязался и тут:

— А я действительно похож на галлюцинацию. Обратите внимание на мой профиль в лунном свете, — кот полез в лунный столб и хотел еще что-то говорить, но его попросили замолчать, и он, ответив: — Хорошо, хорошо, готов молчать. Я буду молчаливой галлюцинацией, — замолчал.

— А скажите, почему Маргарита вас называет мастером? — спросил Воланд.

Тот усмехнулся и сказал:

— Это простительная слабость. Она слишком высокого мнения о том романе, который я написал.

— О чем роман?

— Роман о Понтии Пилате.

Тут опять закачались и запрыгали язычки свечей, задрезжала посуда на столе, Воланд рассмеялся громовым образом, но никого не испугал и смехом этим никого не удивил. Бегемот почему-то зааплодировал.

— О чем, о чем? О ком? — заговорил Воланд, перестав смеяться. — Вот теперь? Это потрясающе! И вы не могли найти другой темы? Дайте-ка посмотреть, — Воланд протянул руку ладонью кверху.

— Я, к сожалению, не могу этого сделать, — ответил мастер, — потому что я сжег его в печке.

— Простите, не поверю, — ответил Воланд, — этого быть не может. Рукописи не горят. — Он повернулся к Бегемоту и сказал: — Ну-ка, Бегемот, дай сюда роман.

Кот моментально вскочил со стула, и все увидели, что он сидел на толстой пачке рукописей. Верхний экземпляр кот с поклоном подал Воланду. Маргарита задрожала и закричала, волнуясь вновь до слез:

— Вот она, рукопись! Вот она!

Она кинулась к Воланду и восхищенно добавила:

— Всесилен, всесилен!

Воланд взял в руки поданный ему экземпляр, повернул его, отложил в сторону и молча, без улыбки уставился на мастера. Но тот неизвестно отчего впал в тоску и беспокойство, поднялся со стула, заломил руки и, обращаясь к далекой луне, вздрагивая, начал бормотать:

— И ночью при луне мне нет покоя, зачем потревожили меня? О боги, боги...

Маргарита вцепилась в больничный халат, прижалась к нему и сама начала бормотать в тоске и слезах:

— Боже, почему же тебе не помогает лекарство?

— Ничего, ничего, ничего, — шептал Коровьев, извиваясь возле мастера, — ничего, ничего... Еще стаканчик, и я с вами за компанию.

И стаканчик подмигнул, блеснул в лунном свете, и помог этот стаканчик. Мастера усадили на место, и лицо больного приняло спокойное выражение.

— Ну, теперь все ясно, — сказал Воланд и постучал длинным пальцем по рукописи.

— Совершенно ясно, — подтвердил кот, забыв свое обещание стать молчаливой галлюцинацией, — теперь главная линия этого опуса ясна мне насквозь. Что ты говоришь, Азazelло? — обратился он к молчащему Азazelло.

— Я говорю, — прогнусил тот, — что тебя хорошо было бы утопить.

— Будь милосерден, Азazelло, — ответил ему кот, — и не наводи моего повелителя на эту мысль. Поверь мне, что всякую ночь я являлся бы тебе в таком же лунном одеянии, как и бедный мастер, и кивал бы тебе, и манил бы тебя за собою. Каково бы тебе было, о Азazelло?

— Ну, Маргарита, — опять вступил в разговор Воланд, — говорите же все, что вам нужно?

Глаза Маргариты вспыхнули, и она умоляюще обратилась к Воланду:

— Позвольте мне с ним пошептаться?

Воланд кивнул головой, и Маргарита, припав к уху мастера, что-то пошептала ему. Слышно было, как тот ответил ей:

— Нет, поздно. Ничего больше не хочу в жизни. Кроме того, чтобы видеть тебя. Но тебе опять советую — оставь меня. Ты пропадешь со мной.

— Нет, не оставлю, — ответила Маргарита и обратилась к Воланду: — Прошу вас опять вернуть нас в подвал в переулке на Арбате, и чтобы лампа загорелась, и чтобы все стало, как было.

Тут мастер засмеялся и, обхватив давно развившуюся кудрявую голову Маргариты, сказал:

— Ах, не слушайте бедную женщину, мессир. В этом подвале уже давно живет другой человек, и вообще не бывает так, чтобы все стало, как

было. — Он приложил щеку к голове своей подруги, обнял Маргариту и стал бормотать: — Бедная, бедная...

— Не бывает, вы говорите? — сказал Воланд. — Это верно. Но мы пробуем. — И он сказал: — Азazelло!

Тотчас с потолка обрушился на пол растерянный и близкий к умоисступлению гражданин в одном белье, но почему-то с чемоданом в руках и в кепке. От страха этот человек трясся и приседал.

— Могарыч? — спросил Азazelло у свалившегося с неба.

— Алоизий Могарыч, — ответил тот, дрожа.

— Это вы, прочитав статью Латунского о романе этого человека, написали на него жалобу с сообщением о том, что он хранит у себя нелегальную литературу? — спросил Азazelло.

Новоявившийся гражданин посинел и залился слезами раскаяния.

— Вы хотели переехать в его комнаты? — как можно задушевнее прогнул Азazelло.

Шипение разъяренной кошки послышалось в комнате, и Маргарита, завывая:

— Знай ведьму, знай! — вцепилась в лицо Алоизия Могарыча ногтями. Произошло смятение.

— Что ты делаешь? — страдальчески прокричал мастер, — Марго, не позорь себя!

— Протестую, это не позор, — орал кот.

Маргариту оттащил Коровьев.

— Я ванну пристроил, — стуча зубами, кричал окровавленный Могарыч и в ужасе понес какую-то околесицу, — одна побелка... купорос...

— Ну вот и хорошо, что ванну пристроил, — одобчительно сказал Азazelло, — ему надо брать ванны, — и крикнул: — Вон!

Тогда Могарыча перевернуло кверху ногами и вынесло из спальни Воланда через открытое окно.

Мастер вытаращил глаза, шепча:

— Однако, это будет, пожалуй, почище того, что рассказывал Иван! — совершенно потрясенный, он оглядывался и наконец сказал коту: — А простите... это ты... это вы... — он сбился, не зная, как обращаться к коту, на «ты» или на «вы», — вы — тот самый кот, что садились в трамвай?

— Я, — подтвердил польщенный кот и добавил: — Приятно слышать, что вы так вежливо обращаетесь с котом. Котам обычно почему-то говорят «ты», хотя ни один кот никогда ни с кем не пил брудершафта.

— Мне кажется почему-то, что вы не очень-то кот, — нерешительно ответил мастер, — меня все равно в больнице хватятся, — робко добавил он Воланду.

— Ну чего они будут хвататься! — успокоил Коровьев, и какие-то бумаги и книги оказались у него в руках, — история болезни вашей?

— Да.

Коровьев швырнул историю болезни в камин.

— Нет документа, нет и человека, — удовлетворенно говорил Коровьев, — а это — домовая книга вашего застройщика?

— Да-а...

— Кто прописан в ней? Алоизий Могарыч? — Коровьев дунул в страницу домовой книги, — раз, и нету его, и, прошу заметить, не было. А если застройщик удивится, скажите, что ему Алоизий снился. Могарыч? Какой такой Могарыч? Никакого Могарыча не было. — Тут прошнурованная книга испарилась из рук Коровьева. — И вот она уже в столе у застройщика.

— Вы правильно сказали, — говорил мастер, пораженный чистотой работы Коровьева, — что раз нет документа, нету и человека. Вот именно меня-то и нет, у меня нет документа.

— Я извиняюсь, — вскричал Коровьев, — это именно галлюцинация, вот он, ваш документ, — и Коровьев подал мастеру документ. Потом он завел глаза и сладко прошептал Маргарите: — А вот и ваше имущество, Маргарита Николаевна, — и он подал Маргарите тетрадь с обгоревшими краями, засохшую розу, фотографию и, с особой бережностью, сберегательную книжку, — десять тысяч, как вы изволили внести, Маргарита Николаевна. Нам чужого не надо.

— У меня скорее лапы отсохнут, чем я прикоснусь к чужому, — напыжившись, воскликнул кот, танцую на чемодане, чтобы умять в него все экземпляры злополучного романа.

— И ваш документик также, — продолжал Коровьев, подавая Маргарите документ, и затем, обратившись к Воланду, почтительно доложил: — Все, мессир! <...>

— Теперь все оставьте меня одного с ними, — приказал Воланд, указывая на мастера и Маргариту.

Приказание Воланда было исполнено мгновенно. После некоторого молчания Воланд обратился к мастеру:

— Так, стало быть, в Арбатский подвал? А кто же будет писать? А мечта, вдохновение?

— У меня больше нет никаких мечтаний и вдохновения тоже нет, — ответил мастер, — ничто меня вокруг не интересует, кроме нее, — он опять положил руку на голову Маргариты, — меня сломали, мне скучно, и я хочу в подвал.

— А ваш роман, Пилат?

— Он мне ненавистен, этот роман, — ответил мастер, — я слишком много испытал из-за него.

— Я умоляю тебя, — жалобно попросила Маргарита, — не говори так. За что же ты меня терзаешь? Ведь ты знаешь, что я всю жизнь вложила в эту твою работу. — Маргарита добавила еще, обратившись к Воланду: — Не слушайте его, мессир, он слишком замучен.

— Но ведь надо же что-нибудь описывать? — говорил Воланд, — если вы исчерпали этого прокуратора, ну, начните изображать хотя бы этого Алоизия.

Мастер улыбнулся.

— Этого Лапшенникова не напечатает, да, кроме того, это и неинтересно.

— А чем вы будете жить? Ведь придется нищенствовать.

— Охотно, охотно, — ответил мастер, притянул к себе Маргариту, обнял ее за плечи и прибавил: — Она образумится, уйдет от меня...

— Не думаю, — сквозь зубы сказал Воланд и продолжал: — Итак, человек, сочинивший историю Понтия Пилата, уходит в подвал, в намерении расположиться там у лампы и нищенствовать?

Маргарита отделилась от мастера и заговорила очень горячо:

— Я сделала все, что могла, и я нашептала ему самое соблазнительное. А он отказался от этого.

— То, что вы ему нашептали, я знаю, — возразил Воланд, — но это не самое соблазнительное. А вам скажу, — улыбнувшись, обратился он к мастеру, — что ваш роман еще принесет вам сюрпризы.

— Это очень грустно, — ответил мастер.

— Нет, нет, это не грустно, — сказал Воланд, — ничего страшного уже не будет. Ну-с, Маргарита Николаевна, все сделано. Имеете ли вы ко мне какую-нибудь претензию?

— Что вы, о, что вы, мессир!

— Так возьмите же это от меня на память, — сказал Воланд и вынул из-под подушки небольшую золотую подкову, усыпанную алмазами.

— Нет, нет, нет, с какой же стати!

— Вы хотите со мной поспорить? — улыбнувшись, спросил Воланд.

Маргарита, так как в плаще у нее не было кармана, уложила подкову в салфетку и затянула ее узлом. Тут что-то ее изумило. Она оглянулась на окно, в котором сияла луна, и сказала:

— А вот чего я не понимаю... Что же, это все полночь да полночь, а ведь давно уже должно быть утро?

— Праздничную полночь приятно немного и задержать, — ответил Воланд. — Ну, желаю вам счастья.

Маргарита молитвенно протянула обе руки к Воланду, но не посмела приблизиться к нему и тихо воскликнула:

— Прощайте! Прощайте!

— До свидания, — сказал Воланд.

И Маргарита в черном плаще, мастер в больничном халате вышли в коридор ювелиршиной квартиры, в котором горела свеча и где их дожидалась свита Воланда. <...>

Через час в подвале маленького домика в одном из Арбатских переулков, в первой комнате, где было все так же, как было до страшной осенней ночи прошлого года, за столом, накрытым бархатной скатертью, под лампой с абажуром, возле которой стояла вазочка с ландышами, сидела Маргарита и тихо плакала от пережитого потрясения и счастья. Тетрадь, исковерканная огнем, лежала перед нею, а рядом возвышалась стопка нетронутых тетрадей. Домик молчал. В соседней маленькой комнате на диване, укрытый больничным халатом, лежал в глубоком сне мастер. Его ровное дыхание было беззвучно. <...>

К заданию 2.

- В настоящее время очень популярна и востребована профессия копирайтера. По словарю, это специалист по созданию рекламных и презентационных текстов. Однако это определение устарело, и сейчас копирайтер — это человек, который обладает многопрофильными знаниями и навыками по работе с любым текстом, умением ориентироваться в теме, находить общий язык с аудиторией, писать статьи разных жанров на заданные темы. Копирайтингом занимаются не только люди, имеющие филологическое образование, но и все, кто хорошо владеет словом, грамотен и профессионален в определённой сфере. Попробуйте и вы себя в роли копирайтера: напишите статью об иллюстрациях юной художницы Нади Рушевой к роману М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» в одном из предложенных ниже жанров, самостоятельно выбрав для себя одно из периодических изданий (журналов или газет), интернет-изданий, блогов или странички в социальной сети.

Виды статей для копирайтинга**Обзорная статья**

Обзорная статья — это научная статья, цель которой — познакомить читателя с результатами определенных исследований, идеями и дискуссиями по разным темам в сжатой форме. Она основана на фактическом сборе, анализе и обсуждении опубликованной информации по определенной теме.

Правила написания обзорной статьи

- Четко определить тему обзорной статьи, которая должна быть интересной лично автору статьи и актуальной; установить целевую аудиторию, для которой предназначена статья.
- Определить источники поиска информации: разные поисковые системы, уже имеющиеся статьи и полемические высказывания по рассматриваемой теме.
- Делать пометки при чтении различных источников, чтобы потом проще было связать новые мысли с имеющимися результатами, личными идеями и т. п.
- Рассматривать проблему под разными углами, включая мнения разных специалистов.
- Быть критичным и последовательным.
- Использовать свежие данные, не забывая о тех, что являются классическими.
- Включать в обзор собственные наблюдения, остава

Проблемная статья посвящена изучению противоречивой ситуации, сложного конфликта, спорного вопроса и т. п., затрагивает серьезные, общественно значимые темы.

Алгоритм написания проблемной статьи

- Тщательно собрать информацию, исследовать происходящее.
- Оценить и описать проблему.
- Выяснить причины возникновения проблемы.
- Сделать выводы и предложить пути или варианты путей ее решения.
- Следить за грамотностью и стилистикой высказывания.

• Полемическая статья

Основой **полемической статьи** является дискуссия автора с определённым оппонентом, высказавшим своё мнение ранее. В лице оппонента может выступать как физическое лицо, так и организация. К полемическим статьям прибегают накануне крупных общественных или политических событий (выборов, референдумов), во время обсуждения новых законов, поправок к ним и т. п.

Алгоритм написания проблемной статьи

- Сформулировать собственную позицию по спорному вопросу, свою основную мысль.
- Опровергнуть аргументы своего оппонента.
- Привести свои доводы и аргументы в пользу собственной позиции, которые должны быть убедительными и понятными аудитории.
- Подвести итоги своим доказательствам по спорному вопросу.

• Занимательная статья

Занимательная статья как особый жанр отличается более лёгким стилем, более простой для понимания информацией. Её задача – информировать аудиторию, увлечь её с помощью элементов развлечения: юмора, смешных историй и высказываний.

При этом сама тема статьи, анализ ситуации остаются серьёзными.

• Статья-мнение

Статья-мнение — это статья, написанная специалистом, экспертом в определённой области и отличающаяся профессиональным подходом, глубоким знанием предмета.

В такой статье необходимо сконцентрироваться на какой-то важной для всех проблеме, обсудить спорные подходы, предложить своё обоснованное мнение, своё видение решения проблемы.

При подготовке статьи-мнения автору необходимо ориентироваться на то, мнение на какую тему сейчас больше всего интересует аудиторию.

К заданию 1.

Лингвокультурологическая справка

Фраза с двойным смыслом *Казнить нельзя помиловать* приписывалась различным русским царям, начиная с Петра I, а также императору Карлу V и английской королеве Изабелле. К последней версии происхождения высказывания отсылают В. П. Берков, В. М. Мокиенко и С. Г. Шулежкова — авторы уже известного вам по прошлому году двухтомного «Большого словаря крылатых слов и выражений русского языка» (см. тему 8, задание 8 в электронной хрестоматии для 10 класса). Они пишут: «Легенда связывает происхождение этого оборота с именем английского короля Эдуарда II, свергнутого в 1326 г. в результате заговора, во главе которого стояли его жена, королева Изабелла, и барон Роджер Мортимер. Эдуарда заточили в Тауэр, где он провел почти год в ожидании своей участи. В конце концов парламент под нажимом Изабеллы и Мортимера принял решение: «Эдуарда казнить, не смей бояться, полезно» (то есть «Казнить, нельзя помиловать»), и Эдуарда II в 1327 г. казнили. При отсутствии строгой системы пунктуации фраза могла быть истолкована двояко, но парламент подчинился воле Изабеллы и барона Мортимера».

Однако носителям русского языка фраза *Казнить нельзя помиловать*, причем именно с таким компонентным составом и такой структурой, известна как цитата из приговора, который был вынесен Виктору Перестукину, герою мультфильма «В стране невыученных уроков» (1969 г.), снятому по одноименной повести Л. Гераскиной. Ученик мучительно размышляет над записью «КАЗНИТЬ НЕЛЬЗЯ ПОМИЛОВАТЬ». См. в повести: «Что же мне делать?» — нечаянно вслух спросил я. «Рассуждать! Рассуждать! Ах! Увы! Рассуждать!» — выкрикивал Вослицательный. Слезки лились из его прекрасных глазок. Хорошенькое дело — рассуждать, когда... Но все же я решил попробовать. «Казнить нельзя помиловать... Если я поставлю запятую после слова «казнить», то будет так: «Казнить, нельзя помиловать». Значит, получится — нельзя помиловать? Нельзя!» — «Увы! Ох! Несчастье! Нельзя помиловать! — зарыдал Вослицательный. — Казнить! Увы! Ох! Ах!» — «Казнить? — спросил Кузя. — Нам это не подходит». <...> «А если поставить запятую после слов «казнить нельзя»? Тогда получится: «Казнить нельзя, помиловать». Вот это нам и надо! Решено. Ставлю».

Как шутовское высказывание оборот используется в устной речи, когда необходимо сделать выбор — наказать или обойтись без наказания. (См.: «Словарь крылатых слов и выражений нашего времени» Л. П. Дядечко (2019 г.).)

К рубрике «Дома»

Прочитайте рассказ К. Паустовского «Случай в магазине Альшванга» (в сокращении). Найдите в нем афористическое высказывание о знаках препинания. Можно ли его использовать в качестве зачина к эссе или эпиграфа к нему? Если да, то объясните почему.

Зимой 1921 года я жил в Одессе, в бывшем магазине готового платья «Альшванг и компания». Я занял явочным порядком примерочную на втором этаже. <...>

Я работал тогда секретарем в газете «Моряк». В ней вообще работало много молодых писателей, в том числе Катаев, Багрицкий, Бабель, Олеша и Ильф. Из старых, опытных писателей часто заходил к нам в редакцию только Андрей Соболев — милый, всегда чем-нибудь взволнованный, неусидчивый человек.

Однажды Соболев принес в «Моряк» свой рассказ, раздерганный, спутанный, хотя и интересный по теме и, безусловно, талантливый.

Все прочли этот рассказ и смутились: печатать его в таком небрежном виде было нельзя. Предложить Соболеву исправить его никто не решился. В этом отношении Соболев был неумолим — и не столько из-за авторского самолюбия (его-то как раз у Соболева почти не было), сколько из-за нервозности: он не мог возвращаться к написанным своим вещам и терял к ним интерес.

Мы сидели и думали: что делать? Сидел с нами и наш корректор, старик Благоев, бывший директор самой распространенной в России газеты «Русское слово», правая рука знаменитого издателя Сытина.

Это был неразговорчивый человек, напуганный своим прошлым. Всей своей солидной фигурой он совершенно не вязался с оборванной и шумной молодежью нашей редакции.

Я забрал рукопись Соболева с собой в магазин Альшванга, чтобы прочесть ее еще раз.

Поздним вечером <...> милиционер Жора Козловский постучал в дверь магазина. <...>

— К вам гражданин просится, — сказал Жора. <...>

За дверью стоял Благоев. <...>

— Вот что, — сказал Благоев. — Я все думаю об этом рассказе Соболева. Талантливая вещь. Нельзя, чтобы она пропала. У меня, знаете, как у старого газетного коня, привычка не выпускать из рук хорошие рассказы.

— Что же поделаешь! — ответил я.

— Дайте мне рукопись. Клянусь честью, я не изменю в ней ни слова. Я останусь здесь, потому что возвращаться домой, на Ланжерон, невозможно — наверняка разденут. И при вас я пройду по рукописи.

— Что значит «пройду»? — спросил я. — «Пройтись» — это значит выправить.

— Я же вам сказал, что не выброшу и не впишу ни одного слова.

— А что же вы сделаете?

— А вот увидите.

В словах Благоева я почувствовал нечто загадочное. Какая-то тайна вошла в эту зимнюю штормовую ночь в магазин Альшванга вместе с этим спокойным человеком. Надо было узнать эту тайну, и поэтому я согласился.

Благоев вынул из кармана огарок необыкновенно толстой церковной свечи. Золотые полоски вились по ней спиралью. Он зажег этот огарок, поставил его на ящик, сел на мой потрепанный чемодан и склонился над рукописью с плоским плотницким карандашом в руке. <...>

Благов кончил работу над рукописью только к утру. Мне он рукописи не показал, пока мы не пришли в редакцию и машинистка не переписала ее начисто.

Я прочел рассказ и онемел. Это была прозрачная, литая проза. Все стало выпуклым, ясным. От прежней скомканности и словесного разброда не осталось и тени. При этом действительно не было выброшено или прибавлено ни одного слова.

Я посмотрел на Благова. Он курил толстую папиросу из черного, как чай, кубанского табака и усмехался.

— Это чудо! — сказал я. — Как вы это сделали?

— Да просто расставил правильно все знаки препинания. У Соболя с ними форменный кавардак. Особенно тщательно я расставил точки. И абзацы. Это великая вещь, милый мой. Еще Пушкин говорил о знаках препинания. Они существуют, чтобы выделить мысль, привести слова в правильное соотношение и дать фразе легкость и правильное звучание. Знаки препинания — это как нотные знаки. Они твердо держат текст и не дают ему рассыпаться.

Рассказ был напечатан. А на следующий день в редакцию ворвался Сობоль. Он был, как всегда, без кепки, волосы его были растрепаны, а глаза горели непонятным огнем.

— Кто трогал мой рассказ? — закричал он неслышанным голосом и с размаху ударил палкой по столу, где лежали комплекты газет. Пыль, как извержение, взлетела над столом.

— Никто не трогал, — ответил я. — Можете проверить текст.

— Ложь! — крикнул Сობоль. — Брехня! Я все равно узнаю, кто трогал! Запахло скандалом. Робкие сотрудники начали быстро исчезать из комнаты. Но, как всегда, на шум примчались, стуча «деревяшками», обе наши машинистки — Люсьена и Люся.

Тогда Благов сказал спокойным и даже унылым голосом:

— Если вы считаете, что правильно расставить в вашем рассказе знаки препинания — это значит тронуть его, то извольте: трогал его я. По своей обязанности корректора.

Соболь бросился к Благову, схватил его за руки, крепко потряс их, потом обнял старика и троекратно, по-московски, поцеловал его.

— Спасибо! — сказал взволнованно Сობоль. — Вы дали мне чудесный урок. Но только жалко, что так поздно. Я чувствую себя преступником по отношению к своим прежним вещам.

Вечером Сობоль достал где-то полбутылки коньяка и принес в магазин Альшванга. Мы позвали Благова, пришли Багрицкий и Жора Козловский, сменившийся с поста, и мы выпили коньяк во славу литературы и знаков препинания.

После этого я окончательно убедился, с какой поразительной силой действует на читателя точка, поставленная вовремя.

57

МИХАИЛ БУЛГАКОВ.
«МАСТЕР И МАРГАРИТА»**К рубрике «Читаем художественный текст»****К заданию 1.** Прочитайте 32 главу романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита». Ответьте на вопросы и выполните задания в учебнике.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА 32

Прощение и вечный приют

Боги, боги мои! Как грустна вечерняя земля! Как таинственны туманы над болотами. Кто блуждал в этих туманах, кто много страдал перед смертью, кто летел над этой землей, неся на себе непосильный груз, тот это знает. Это знает уставший. И он без сожаления покидает туманы земли, ее болотца и реки, он отдается с легким сердцем в руки смерти, зная, что только она одна успокоит его.

Волшебные черные кони и те утомились и несли своих всадников медленно, и неизбежная ночь стала их догонять. Чужая ее за спиною, притих даже неугомонный Бегемот и, вцепившись в седло когтями, летел молчаливый и серьезный, распушив свой хвост. Ночь начала закрывать черным платком леса и луга, ночь зажигала печальные огонечки где-то далеко внизу, теперь уже неинтересные и ненужные ни Маргарите, ни мастеру, чужие огоньки. Ночь обгоняла кавалькаду, сеялась на нее сверху выбрасывала то там, то тут в загрустившем небе белые пятнышки звезд.

Ночь густела, летела рядом, хватала скачущих за плащи и, содрав их с плеч, разоблачала обманы. И когда Маргарита, обдуваемая прохладным ветром, открывала глаза, она видела, как меняется облик всех летящих к своей цели. Когда же навстречу им из-за края леса начала выходить багровая и полная луна, все обманы исчезли, свалилась в болото, утонула в туманах колдовская нестойкая одежда.

Вряд ли теперь узнали бы Коровьева-Фагота, самозванного переводчица при таинственном и не нуждающемся ни в каких переводах консультанте, в том, кто теперь летел непосредственно рядом с Воландом по правую руку подружки мастера. На месте того, кто в драной цирковой одежде покинул Воробьевы горы под именем Коровьева-Фагота, теперь скакал, тихо звеня золотою цепью повода, темно-фиолетовый рыцарь с мрачнейшим и никогда не улыбающимся лицом. Он уперся подбородком в грудь, он не глядел на луну, он не интересовался землею под собою, он думал о чем-то своем, летя рядом с Воландом.

— Почему он так изменился? — спросила тихо Маргарита под свист ветра у Воланда.

— Рыцарь этот когда-то неудачно пошутил, — ответил Воланд, поврачивая к Маргарите свое лицо с тихо горящим глазом, — его каламбур,

который он сочинил, разговаривая о свете и тьме, был не совсем хорош. И рыцарю пришлось после этого прошептуть немного больше и дольше, нежели он предполагал. Но сегодня такая ночь, когда сводятся счета. Рыцарь свой счет оплатил и закрыл!

Ночь оторвала и пушистый хвост у Бегемота, содрала с него шерсть и расшвыряла ее клочья по болотам. Тот, кто был котом, потешавшим князя тьмы, теперь оказался худеньким юношей, демоном-пажом, лучшим шутком, какой существовал когда-либо в мире. Теперь притих и он и летел беззвучно, подставив свое молодое лицо под свет, льющийся от луны.

Сбоку всех летел, блистая сталью доспехов, Азazelло. Луна изменила и его лицо. Исчез бесследно нелепый безобразный клык, и кривоглазие оказалось фальшивым. Оба глаза Азazelло были одинаковые, пустые и черные, а лицо белое и холодное. Теперь Азazelло летел в своем настоящем виде, как демон безводной пустыни, демон-убийца.

Себя Маргарита видеть не могла, но она хорошо видела, как изменился мастер. Волосы его белели теперь при луне и сзади собирались в косу, и она летела по ветру. Когда ветер отдувал плащ от ног мастера, Маргарита видела на ботфортах его то потухающие, то загорающиеся звездочки шпор. Подобно юноше-демону, мастер летел, не сводя глаз с луны, но улыбался ей, как будто знакомой хорошо и любимой, и что-то, по приобретенной в комнате № 118-й привычке, сам себе бормотал.

И, наконец, Воланд летел тоже в своем настоящем обличье. Маргарита не могла бы сказать, из чего сделан повод его коня, и думала, что возможно, что это лунные цепочки и самый конь — только глыба мрака, и грива этого коня — туча, а шпоры всадника — белые пятна звезд.

Так летели в молчании долго, пока и сама местность внизу не стала меняться. Печальные леса утонули в земном мраке и увлекли за собою и тусклые лезвия рек. Внизу появились и стали отблескивать валуны, а между ними зачернели провалы, в которые не проникал свет луны.

Воланд осадил своего коня на каменной безрадостной плоской вершине, и тогда всадники двинулись шагом, слушая, как кони их подковами давят кремни и камни. Луна заливала площадку зелено и ярко, и Маргарита скоро разглядела в пустынной местности кресло и в нем белую фигуру сидящего человека. Возможно, что этот сидящий был глух или слишком погружен в размышление. Он не слышал, как содрогалась каменная земля под тяжестью коней, и всадники, не тревожа его, приблизились к нему.

Луна хорошо помогала Маргарите, светила лучше, чем самый лучший электрический фонарь, и Маргарита видела, что сидящий, глаза которого казались слепыми, коротко потирает свои руки и эти самые незрячие глаза вперяет в диск луны. Теперь уж Маргарита видела, что рядом с тяжелым каменным креслом, на котором блестят от луны какие-то искры, лежит темная, громадная остроухая собака и так же, как ее хозяин, спокойно глядит на луну.

У ног сидящего валяются черепки разбитого кувшина и простирается невысыхающая черно-красная лужа.

Всадники остановили своих коней.

— Ваш роман прочитали, — заговорил Воланд, поворачиваясь к мастеру, — и сказали только одно, что он, к сожалению, не окончен. Так вот, мне хотелось показать вам вашего героя. Около двух тысяч лет сидит он на этой площадке и спит, но когда приходит полная луна, как видите, его терзает бессонница. Она мучает не только его, но и его верного сторожа, собаку. Если верно, что трусость — самый тяжкий порок, то, пожалуй, собака в нем не виновата. Единственно, чего боялся храбрый пес, это грозы. Ну что ж, тот, кто любит, должен разделять участь того, кого он любит.

— Что он говорит? — спросила Маргарита, и совершенно спокойное ее лицо подернулось дымкой сострадания.

— Он говорит, — раздался голос Воланда, — одно и то же, он говорит, что и при луне ему нет покоя и что у него плохая должность. Так говорит он всегда, когда не спит, а когда спит, то видит одно и то же — лунную дорогу, и хочет пойти по ней и разговаривать с арестантом Га-Ноцри, потому что, как он утверждает, он чего-то не договорил тогда, давно, четырнадцатого числа весеннего месяца нисана. Но, увы, на эту дорогу ему выйти почему-то не удастся, и к нему никто не приходит. Тогда, что же поделаешь, приходится разговаривать ему с самим собою. Впрочем, нужно же какое-нибудь разнообразие, и к своей речи о луне он нередко прибавляет, что более всего в мире ненавидит свое бессмертие и неслыханную славу. Он утверждает, что охотно бы поменялся своею участью с оборванным бродягой Левием Матвеем.

— Двенадцать тысяч лун за одну луну когда-то, не слишком ли это много? — спросила Маргарита.

— Повторяется история с Фридой? — сказал Воланд, — но, Маргарита, здесь не тревожьте себя. Все будет правильно, на этом построен мир.

— Отпустите его, — вдруг пронзительно крикнула Маргарита так, как когда-то кричала, когда была ведьмой, и от этого крика сорвался камень в горах и полетел по уступам в бездну, оглашая горы грохотом. Но Маргарита не могла сказать, был ли это грохот падения или грохот сатанинского смеха. Как бы то ни было, Воланд смеялся, поглядывая на Маргариту, и говорил:

— Не надо кричать в горах, он все равно привык к обвалам, и это его не встревожит. Вам не надо просить за него, Маргарита, потому что за него уже попросил тот, с кем он так стремится разговаривать, — тут Воланд опять повернулся к мастеру и сказал: — Ну что же, теперь ваш роман вы можете кончить одною фразой!

Мастер как будто бы этого ждал уже, пока стоял неподвижно и смотрел на сидящего прокуратора. Он сложил руки рупором и крикнул так, что эхо запрыгало по безлюдным и безлесым горам:

— Свободен! Свободен! Он ждет тебя!

Горы превратили голос мастера в гром, и этот же гром их разрушил. Проклятые скалистые стены упали. Осталась только площадка с каменным креслом. Над черной бездной, в которую ушли стены, загорелся необъятный город с царствующими над ним сверкающими идолами над

пышно разросшимся за много тысяч этих лун садом. Прямо к этому саду протянулась долгожданная прокуратором лунная дорога, и первым по ней кинулся бежать остроухий пес. Человек в белом плаще с кровавым подбоем поднялся с кресла и что-то прокричал хриплым, сорванным голосом. Нельзя было разобрать, плачет ли он или смеется, и что он кричит. Видно было только, что вслед за своим верным стражем по лунной дороге стремительно побежал и он.

— Мне туда, за ним? — спросил беспокойно мастер, тронув поводья.

— Нет, — ответил Воланд, — зачем же гнаться по следам того, что уже окончено?

— Так, значит, туда? — спросил мастер, повернулся и указал назад, туда, где соткался в тылу недавно покинутый город с монастырскими пряничными башнями, с разбитым вдребезги солнцем в стекле.

— Тоже нет, — ответил Воланд, и голос его сгустился и потек над скалами, — романтический мастер! Тот, кого так жаждет видеть выдуманый вами герой, которого вы сами только что отпустили, прочел ваш роман. — Тут Воланд повернулся к Маргарите: — Маргарита Николаевна! Нельзя не поверить в то, что вы старались выдумать для мастера наилучшее будущее, но, право, то, что я предлагаю вам, и то, о чем просил Иешуа за вас же, за вас, — еще лучше. Оставьте их вдвоем, — говорил Воланд, склоняясь со своего седла к седлу мастера и указывая вслед ушедшему прокуратору, — не будем им мешать. И, может быть, до чего-нибудь они договорятся, — тут Воланд махнул рукой в сторону Ершалаима, и он погас.

— И там тоже, — Воланд указал в тыл, — что делать вам в подвальчике? — тут потухло сломанное солнце в стекле. — Зачем? — продолжал Воланд убедительно и мягко, — о, трижды романтический мастер, неужто вы не хотите днем гулять со своею подругой под вишнями, которые начинают зацветать, а вечером слушать музыку Шуберта? Неужели ж вам не будет приятно писать при свечах гусиным пером? Неужели вы не хотите, подобно Фаусту, сидеть над ретортой в надежде, что вам удастся вылепить нового гомункула? Туда, туда. Там ждет уже вас дом и старый слуга, свечи уже горят, а скоро они потухнут, потому что вы немедленно встретите рассвет. По этой дороге, мастер, по этой. Прощайте! Мне пора.

— Прощайте! — одним криком ответили Воланду Маргарита и мастер. Тогда черный Воланд, не разбирая никакой дороги, кинулся в провал, и вслед за ним, шумя, обрушилась его свита. Ни скал, ни площадки, ни лунной дороги, ни Ершалаима не стало вокруг. Пропали и черные кони. Мастер и Маргарита увидели обещанный рассвет. Он начинался тут же, непосредственно после полуночной луны. Мастер шел со своею подругой в блеске первых утренних лучей через каменистый мшистый мостик. Он пересек его. Ручей остался позади верных любовников, и они шли по песчаной дороге.

— Слушай беззвучие, — говорила Маргарита мастеру, и песок шуршал под ее босыми ногами, — слушай и наслаждайся тем, чего тебе не давали в жизни, — тишиной. Смотри, вон впереди твой вечный дом,

который тебе дали в награду. Я уже вижу венецианское окно и вьющийся виноград, он подымается к самой крыше. Вот твой дом, вот твой вечный дом. Я знаю, что вечером к тебе придут те, кого ты любишь, кем ты интересуешься и кто тебя не встревожит. Они будут тебе играть, они будут петь тебе, ты увидишь, какой свет в комнате, когда горят свечи. Ты будешь засыпать, надевши свой засаленный и вечный колпак, ты будешь засыпать с улыбкой на губах. Сон укрепит тебя, ты станешь рассуждать мудро. А прогнать меня ты уже не сумеешь. Беречь твой сон буду я.

Так говорила Маргарита, идя с мастером по направлению к вечному их дому, и мастеру казалось, что слова Маргариты струятся так же, как струился и шептал оставленный позади ручей, и память мастера, беспокойная, исколотая иглами память стала потухать. Кто-то отпускал на свободу мастера, как сам он только что отпустил им созданного героя. Этот герой ушел в бездну, ушел безвозвратно, прощенный в ночь на воскресенье сын короля-звездочета, жестокий пятый прокуратор Иудеи, всадник Понтий Пилат.

К заданию 2. Прочитайте «Эпилог» романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита». Ответьте на вопросы и выполните задания в учебнике.

Эпилог

Но все-таки, что же было дальше-то в Москве после того, как в субботний вечер на закате Воланд покинул столицу, исчезнув вместе со своей свитой с Воробьевых гор?

О том, что в течение долгого времени по всей столице шел тяжелый гул самых невероятных слухов, очень быстро перекинувшихся и в отдаленные и глухие места провинции, и говорить не приходится, и слухи эти даже тошно повторять.

Пишущий эти правдивые строки сам лично, направляясь в Феодосию, слышал в поезде рассказ о том, как в Москве две тысячи человек вышли из театра нагишом в буквальном смысле слова и в таком виде разъехались по домам в таксомоторах.

Шепот «нечистая сила...» слышался в очередях, стоявших у молочных, в трамваях, в магазинах, в квартирах, в кухнях, в поездах, и дачных и дальнего следования, на станциях и полустанках, на дачах и на пляжах.

Наиболее развитые и культурные люди в этих рассказах о нечистой силе, навестившей столицу, разумеется, никакого участия не принимали и даже смеялись над ними и пытались рассказчиков образумить. Но факт все-таки остается фактом, и отмахнуться от него без объяснений никак нельзя: кто-то побывал в столице. Уж одни угольки, оставшиеся от Грибоедова, да и многое другое слишком красноречиво это подтверждали.

Культурные люди стали на точку зрения следствия: работала шайка гипнотизеров и чревоуещателей, великолепно владеющая своим искусством.

Меры к ее поимке, как в Москве, так и за пределами ее далеко, были, конечно, приняты немедленные и энергичные, но, к великому сожалению, результатов не дали. Именующий себя Воландом со всеми своими присны-

ми исчез и ни в Москву более не возвращался, и нигде вообще не появился, и ничем себя не проявил. Совершенно естественно, что возникло предположение о том, что он бежал за границу, но и там нигде он не обозначился.

Следствие по его делу продолжалось долго. Ведь как-никак, а дело это было чудовищно! Не говоря уже о четырех сожженных домах и о сотнях сведенных с ума людей, были и убитые. О двух это можно сказать точно: о Берлиозе и об этом несчастном служащем в бюро по ознакомлению иностранцев с достопримечательностями Москвы, бывшем бароне Майгеле. Ведь они-то были убиты. Обгоревшие кости второго были обнаружены в квартире № 50 по Садовой улице, после того как потушили пожар. Да, были жертвы, и эти жертвы требовали следствия.

Но были и еще жертвы, и уже после того, как Воланд покинул столицу, и этими жертвами стали, как это ни грустно, черные коты.

Штук сто примерно этих мирных, преданных человеку и полезных ему животных были застрелены или истреблены иными способами в разных местах страны. Десятка полтора котов, иногда в сильно изуродованном виде, были доставлены в отделения милиции в разных городах. Например, в Армавире один из ни в чем не повинных котов был приведен каким-то гражданином в милицию со связанными передними лапами. <...>

Кроме котов, некоторые незначительные неприятности постигли кое-кого из людей. Произошло несколько арестов. В числе других задержанными на короткое время оказались: в Ленинграде — граждане Вольман и Вольпер, в Саратове, Киеве и Харькове — трое Володиных, в Казани — Волох, а в Пензе, и уж совершенно неизвестно почему, — кандидат химических наук Ветчинкевич... Правда, тот был огромного роста, очень смуглый брונет.

Попались в разных местах, кроме того, девять Коровиных, четыре Коровкина и двое Караваевых.

Некоего гражданина сняли с севастопольского поезда связанным на станции Белгород. Гражданин этот вздумал развлечь едущих с ним пассажиров карточными фокусами.

В Ярославле, как раз в обеденную пору, в ресторан явился гражданин с примусом в руках, который он только что взял из починки. Двое швейцаров, лишь только увидели его, бросили свои посты в раздевалке и бежали, а за ними бежали из ресторана все посетители и служащие. При этом у кассирши непонятным образом пропала вся выручка.

Было еще многое, всего не вспомнишь. Было большое брожение умов.

Еще и еще раз нужно отдать справедливость следствию. Все было сделано не только для того, чтобы поймать преступников, но и для того, чтобы объяснить все то, что они натворили. И все это было объяснено, и объяснения эти нельзя не признать и толковыми и неопровержимыми.

Представители следствия и опытные психиатры установили, что члены преступной шайки или, по крайней мере, один из них (преимущественно подозрение в этом падало на Коровьева) являлись невиданной силы гипнотизерами, могущими показывать себя не в том месте, где они на самом деле находились, а на позициях мнимых, смещенных. Помимо

этого, они свободно внушали столкнувшимся с ними, что некие вещи или люди находятся там, где на самом деле их не было, и наоборот, удаляли из поля зрения те вещи или людей, которые действительно в этом поле зрения имелись. <...>

Итак, почти все объяснилось, и кончилось следствие, как вообще все кончается.

Прошло несколько лет, и граждане стали забывать и Воланда, и Коровьева, и прочих. Произошли многие изменения в жизни тех, кто пострадал от Воланда и его присных, и как бы ни были мелки и незначительны эти изменения, все же следует их отметить. <...>

Так, может быть, не было и Алоизия Могарыча? О, нет! Этот не только был, но и сейчас существует, и именно в той должности, от которой отказался Римский, то есть в должности финдиректора Варьете.

Опомнившись, примерно через сутки после визита к Воланду, в поезде, где-то под Вяткой, Алоизий убедился в том, что, уехав в помрачении ума зачем-то из Москвы, он забыл надеть брюки, но зато непонятно для чего украл совсем ненужную ему домовую книгу застройщика. Уплатив колоссальные деньги проводнику, Алоизий приобрел у него старую и засаленную пару штанов и из Вятки повернул обратно. Но домика застройщика он, увы, уже не нашел. Ветхое барахло начисто слизнуло огнем. Но Алоизий был человеком чрезвычайно предприимчивым, через две недели он уже жил в прекрасной комнате в Брюсовском переулке, а через несколько месяцев уже сидел в кабинете Римского. <...>

Да, прошло несколько лет, и затянулись правдиво описанные в этой книге происшествия и угасли в памяти. Но не у всех, но не у всех.

Каждый год, лишь только наступает весеннее праздничное полнолуние, под вечер появляется под липами на Патриарших прудах человек лет тридцати или тридцати с лишним. Рыжеватый, зеленоглазый, скромно одетый человек. Это — сотрудник института истории и философии, профессор Иван Николаевич Понырёв.

Придя под липы, он всегда садится на ту самую скамейку, на которой сидел в тот вечер, когда давно позабытый всеми Берлиоз в последний раз в своей жизни видел разваливающуюся на куски луну.

Теперь она, цельная, в начале вечера белая, а затем золотая, с темным коньком-драконом, плывет над бывшим поэтом, Иваном Николаевичем, и в то же время стоит на одном месте в своей высоте.

Ивану Николаевичу все известно, он все знает и понимает. Он знает, что в молодости он стал жертвой преступных гипнотизеров, лечился после этого и вылечился. Но знает он также, что кое с чем он совладать не может. Не может он совладать с этим весенним полнолунием. Лишь только оно начинает приближаться, лишь только начинает разрастаться и наливаться золотом светило, которое когда-то висело выше двух пяти-свечий, становится Иван Николаевич беспокоен, нервничает, теряет аппетит и сон, дожидается, пока созреет луна. И когда наступает полнолуние, ничто не удержит Ивана Николаевича дома. Под вечер он выходит и идет на Патриаршие пруды.

Сидя на скамейке, Иван Николаевич уже откровенно разговаривает сам с собой, курит, щурится то на луну, то на хорошо памятный ему турникет.

Час или два проводит так Иван Николаевич. Затем снимается с места и всегда по одному и тому же маршруту, через Спиридоновку, с пустыми и незрячими глазами идет в Арбатские переулки.

Он проходит мимо нефтелавки, поворачивает там, где висит покосившийся старый газовый фонарь, и подкрадывается к решетке, за которой он видит пышный, но еще не одетый сад, а в нем — окрашенный луною с того боку, где выступает фонарь с трехстворчатым окном, и темный с другого — готический особняк. <...>

И возвращается домой профессор уже совсем больной. Его жена приотворяется, что не замечает его состояния, и торопит его ложиться спать. Но сама она не ложится и сидит у лампы с книгой, смотрит горькими глазами на спящего. Она знает, что на рассвете Иван Николаевич проснется с мучительным криком, начнет плакать и метаться. Поэтому и лежит перед нею на скатерти под лампой заранее приготовленный шприц в спирту и ампула с жидкостью густого чайного цвета.

Бедная женщина, связанная с тяжело больным, теперь свободна и без опасений может заснуть. Иван Николаевич теперь будет спать до утра со счастливым лицом и видеть неизвестные ей, но какие-то возвышенные и счастливые сны.

Будит ученого и доводит его до жалкого крика в ночь полнолуния одно и то же. Он видит неестественного безносого палача, который, подпрыгнув и как-то ухнув голосом, колет копьем в сердце привязанного к столбу и потерявшего разум Гестаса. Но не столько страшен палач, сколько неестественное освещение во сне, происходящее от какой-то тучи, которая кипит и наваливается на землю, как это бывает только во время мировых катастроф.

После укола все меняется перед спящим. От постели к окну протягивается широкая лунная дорога, и на эту дорогу поднимается человек в белом плаще с кровавым подбоем и начинает идти к луне. Рядом с ним идет какой-то молодой человек в разорванном хитоне и с обезображенным лицом. Идущие о чем-то разговаривают с жаром, спорят, хотя о чем-то договориться.

— Боги, боги, — говорит, обращая надменное лицо к своему спутнику, тот человек в плаще, — какая пошлая казнь! Но ты мне, пожалуйста, скажи, — тут лицо из надменного превращается в умоляющее, — ведь ее не было! Молю тебя, скажи, не было?

— Ну, конечно не было, — отвечает хриплым голосом спутник, — тебе это померещилось.

— И ты можешь поклясться в этом? — заискивающе просит человек в плаще.

— Клянусь, — отвечает спутник, и глаза его почему-то улыбаются.

— Больше мне ничего не нужно! — сорванным голосом вскрикивает человек в плаще и поднимается все выше к луне, увлекая своего спутника. За ними идет спокойный и величественный гигантский остроухий пес.

Тогда лунный путь вскипает, из него начинает хлестать лунная река и разливается во все стороны. Луна властвует и играет, луна танцует и шалит. Тогда в потоке складывается непомерной красоты женщина и выводит к Ивану за руку пугливо озирающегося обросшего бородой человека. Иван Николаевич сразу узнает его. Это — номер сто восемнадцатый, его ночной гость. Иван Николаевич во сне протягивает к нему руки и жадно спрашивает:

— Так, стало быть, этим и кончилось?

— Этим и кончилось, мой ученик, — отвечает номер сто восемнадцатый, а женщина подходит к Ивану и говорит:

— Конечно, этим. Все кончилось, и все кончается... И я вас поцелую в лоб, и все у вас будет так, как надо.

Она наклоняется к Ивану и целует его в лоб, и Иван тянется к ней и всматривается в ее глаза, но она отступает, отступает и уходит вместе со своим спутником к луне.

Тогда луна начинает неистовствовать, она обрушивает потоки света прямо на Ивана, она разбрызгивает свет во все стороны, в комнате начинается лунное наводнение, свет качается, поднимается выше, затопляет постель. Вот тогда и спит Иван Николаевич со счастливым лицом.

Наутро он просыпается молчаливым, но совершенно спокойным и здоровым. Его исколотая память затихает, и до следующего полнолуния профессора не потревожит никто. Ни безносый убийца Гестаса, ни жестокий пятый прокуратор Иудеи всадник Понтийский Пилат.

К заданию 3. Прочитайте «Эпилог» романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита». Ответьте на вопросы и выполните задания в учебнике.

Прототипы мастера в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита»

Не много можно назвать романов, которые породили бы столько споров, как «Мастер и Маргарита». Спорят о книжных источниках тех или иных слагаемых сюжета, о философско-эстетических корнях романа и его морально-этических началах, о прототипах действующих лиц. В литературоведении укоренилось суждение о том, что прототипом мастера Булгакову послужили многие люди.

Большинство исследователей сходятся во мнении, что образ мастера во многом автобиографичен. Михаил Булгаков также сжег первую редакцию своего романа и, даже написав его заново, понимал, что опубликовать столь неортодоксальное произведение в родной стране 1930-х и 1940-х годов было почти невозможно. Кроме того, газетная кампания против Мастера отражает травлю Булгакова после публикации его пьес «Дни Турбиных», «Бег», «Зойкина квартира» и романа «Белая гвардия».

М. Булгаков в «шапочке мастера». 1936 г.

«Ударим по булгаковщине!» называлась статья в газете «Рабочая Москва». «Ударить по пилатчине» предлагает критик Лаврович после публикации мастером отрывков романа о Понтии Пилате.

Максим Горький.
Около 1900 г.

Н. В. Гоголь.
Портрет работы
Ф. Моллера.
Рим, 1841 г.

Григорий Саввич
Сковорода

Некоторые исследователи находят параллели мастера с крупным писателем Максимом Горьким: он умер в Горках под Москвой, мастер — под Москвой в клинике Стравинского; в романе тьма пришла после смерти мастера (до обретения им покоя), а в реальности затмение случилось на следующий день после смерти Горького; Азazelло передал мастеру вино цекуба, и почти так же называлось одно из детищ Горького — ЦЕКУБУ (Центральная комиссия по улучшению быта ученых).

Прототипом мастера считается также Н. В. Гоголь. М. Булгаков считал его своим главным учителем. Сожжение мастером своего романа — намек на сожжение Гоголем второго тома «Мертвых душ». По образованию мастер был историком, как и его великий предшественник. Совпадают и внешние черты мастера и Гоголя: бритый, темноволосый, с клоком волос, свешивающимся на лоб, с острым носом и встревоженными глазами. Есть и ряд стилистических параллелей с манерой письма Гоголя.

Современные литературоведы обратили внимание на то, что судьба мастера «определена» в Румянцевском музее, где издавна хранятся архивные фонды поэтов и прозаиков, деятелей отечественной культуры и просвещения, историков и философов, что наводит на мысль о наследии некоего реально существующего мастера, знатока библейских сюжетов, автора теории трех миров: земного, библейского и космического, художественно отражённой в «Мастере и Маргарите», — украинского философа XVIII в. Григория Саввича Сковороды. Собрание его рукописей было приобретено Румянцевским музеем в 1875 г.

Согласно теории «трех миров» Сковороды, самый главный мир — космический, Вселенная, всеобъемлющий макрокосм. Два других мира, по Сковороде, частные. Один из них — человеческий, микрокосм; другой — символический, т. е. мир библейский. Каждый из трех миров имеет две «натуры»: видимую и невидимую, причем внешняя и внутренняя натуры библейского мира соотносятся между собой как «знак и символ». Все три мира сотканы из зла и добра, и мир библейский выступает

у Сковороды как бы в роли связующего звена между видимыми и невидимыми натурами макрокосма и микрокосма. Видимые же натуры обитателей космического и земного миров сообщают о своих тайных формах, так называемых вечных образах. Первый в романе представляют люди. Второй — библейские персонажи. Третий — Воланд со своими спутниками.

Учение Сковороды о человеке «внешнем» и «внутреннем» говорит об «истинных» людях, о тех, в ком «внутренняя» натура преобладает над «внешней». «Всяк есть тем, чье сердце в нем: волчье сердце есть истинный волк, хотя лице человеческое, сердце боброво есть бобр, хотя вид волчий; сердце вепрово есть вепр, хотя вид бобров», — писал Сковорода, имея в виду, что «внутреннюю» натуру составляет сердце и что, таким образом, волчье сердце создаёт волка, хотя и в человеческом обличье. В соответствии с этим этическим постулатом Булгаков формирует не только духовную сущность Мастера (человека «истинного»), но и характеры тех персонажей, в коих, напротив, главенствует брменная натура (так, сосед Маргариты Николай Иванович оказывается, например, «боровом»).

Известно также, что реальный Сковорода ни одно из своих сочинений при жизни не напечатал (как и булгаковский герой). Жизненные обстоятельства побудили Сковороду однажды притвориться сумасшедшим. В результате обманутый им киевский архиерей, желавший посвятить Сковороду в священники, исключил его из бursы и, признав неспособным к духовному сану, «разрешил жить, где угодно». Мастер у Булгакова сам пришёл в клинику для душевнобольных.

Другой случай, когда Сковорода, недовольный своей книгой «Асхань», «ожелчившись, спалил ее», а позже оказалось, что список книги сохранился у одного из друзей философа. Сжигает свой роман об Иешуа и мастер, но «рукописи не горят»!

Не менее четко отражена в романе Булгакова и концепция поиска покоя Сковородой, которая является одной из постоянных тем его философских трудов и поэзии. Покой мнится ему наградой за все земные страдания человека, покой для философа-поэта олицетворяет вечность, вечный дом. А символом воскресения и последнего отрезка пути к покою является луна, «посредствующая между землёй и солнцем», вернее, походящая на мост лунная дорожка. По ней, отрешившись от всего тленного, земного, человек якобы восходит к вечному своему дому, где и обретает желанный покой. Именно такую судьбу заслужил в конечном счете у Булгакова Мастер. То есть заслужил не свет, уготованный исключительно для святых, а покой, предназначенный «истинному» человеку. О том же мечтал лирический герой стихов Сковороды:

Оставь, о дух мой, вскоре все земляные места!
 Взойди, дух мой на горы, где правда живёт свята,
 Где покой, тишина от вечных царствует лет,
 Где блещет та страна, в коей неприступный свет.

Отсюда же смысл «определения свыше» посмертной судьбы Мастера в романе Булгакова: «Он не заслужил света, он заслужил покой».

По И. Л. Галинской

К рубрике «Читаем художественный текст»

К заданию 2. Прочитайте рассказ В. Шукшина «Чудик», ответьте на вопросы и выполните задания, данные в учебнике.

Чудик

Жена называла его — Чудик. Иногда ласково.

Чудик обладал одной особенностью: с ним постоянно что-нибудь случалось.

Он не хотел этого, страдал, но то и дело влипал в какие-нибудь истории — мелкие, впрочем, но досадные.

Вот эпизоды одной его поездки.

Получил отпуск, решил съездить к брату на Урал: лет двенадцать не виделись.

— А где блесна такая... на-подвид битюря?! — орал Чудик из кладовой.

— Я откуда знаю?

— Да вот же все тут лежали! — Чудик пытался строго смотреть круглыми иссиня-белыми глазами. — Все тут, а этой, видите ли, нету.

— На битюря похожая?

— Ну, щучья.

— Я её, видно, зажарила по ошибке.

Чудик некоторое время молчал.

— Ну, и как?

— Что?

— Вкусная? Ха-ха-ха!.. — Он совсем не умел острить, но ему ужасно хотелось. — Зубки-то целые? Она ж — дюралевая!..

...Долго собирались — до полуночи.

— А рано утром Чудик шагал с чемоданом по селу.

— На Урал! На Урал! — отвечал он на вопрос: куда это он собрался? —

Проветриться надо! — При этом круглое мясистое лицо его, круглые глаза выражали в высшей степени плевое отношение к дальним дорогам — они его не пугали. — На Урал!

Но до Урала было еще далеко.

Пока что он благополучно доехал до районного города, где предстояло ему взять билет и сесть на поезд.

Времени оставалось много. Чудик решил пока закупить подарков племяшам — конфет, пряников... Зашел в продовольственный магазин, пристроился в очередь. Впереди него стоял мужчина в шляпе, а впереди шляпы — полная женщина с крашеными губами. Женщина негромко, быстро, горячо говорила шляпе:

— Представляете, насколько надо быть грубым, бестактным человеком! У него склероз, хорошо, у него уже семь лет склероз, одна-

ко никто не предлагал ему уходить на пенсию. А этот — без году неделя руководит коллективом — и уже: «Может, вам, Александр Семеныч, лучше на пенсию?» Нах-хал!

Шляпа поддакивала.

— Да, да... Они такие теперь. Подумаешь, склероз. А Сумбатыч?... Тоже последнее время текст не держал. А эта, как ее?..

Чудик уважал городских людей. Не всех, правда: хулиганов и продавцов не уважал. Побаивался.

Подошла его очередь. Он купил конфет, пряников, три плитки шоколада. И отошел в сторонку, чтобы уложить все в чемодан. Раскрыл чемодан на полу, стал укладывать... Что-тоглянул на полу-то, а у прилавка, где очередь, лежит в ногах у людей пятидесятирублевая бумажка. Этакая зеленая дурочка, лежит себе, никто ее не видит. Чудик даже задрожал от радости, глаза загорелись. Второпях, чтоб его не опередил кто-нибудь, стал быстро соображать, как бы повеселее, поостроумнее сказать этим, в очереди, про бумажку.

— Хорошо живете, граждане! — сказал он громко и весело.

На него оглянулись.

— У нас, например, такими бумажками не швыряются.

Тут все немного поволновались. Это ведь не тройка, не пятерка — пятьдесят рублей, полмесяца работать надо. А хозяина бумажки — нет.

«Наверно, тот, в шляпе», — догадался Чудик.

Решили положить бумажку на видное место на прилавке.

— Сейчас прибежит кто-нибудь, — сказала продавщица.

Чудик вышел из магазина в приятнейшем расположении духа. Все думал, как это у него легко, весело получилось: «У нас, например, такими бумажками, не швыряются!» Вдруг его точно жаром всего обдало: он вспомнил, что точно такую бумажку и еще двадцатипятирублевую ему дали в сберкассе дома.

Двадцатипятирублевую он сейчас разменял, пятидесятирублевая должна быть в кармане... Сунулся в карман — нету. Туда-сюда — нету.

— Моя была бумажка-то! — громко сказал Чудик. — Мать твою так-то!.. Моя бумажка-то.

Под сердцем даже как-то зазвенело от горя. Первый порыв был пойти и сказать: «Граждане, моя бумажка-то. Я их две получил в сберкассе — одну двадцатипятирублевую, другую полусотенную. Одну, двадцатипятирублевую, сейчас разменял, а другой — нету». Но только он представил, как он огорошит всех этим своим заявлением, как подумают многие: «Конечно, раз хозяина не нашлось, он и решил прикарманить». Нет, не пересилить себя — не протянуть руку за проклятой бумажкой. Могут еще и не отдать.

Геннадий Калиновский.
Иллюстрация к рассказу
В. П. Шукшина «Чудик»

— Да почему же я такой есть-то? — вслух горько рассуждал Чудик. — Что теперь делать?..

Надо было возвращаться домой.

Подошел к магазину, хотел хоть издали посмотреть на бумажку, постоял у входа... И не вошел. Совсем больно станет. Сердце может не выдержать.

Ехал в автобусе и негромко ругался — набирался духу, предстояло объяснение с женой.

Сняли с книжки еще пятьдесят рублей.

Чудик, убитый своим ничтожеством, которое ему опять разъясняла жена (она даже пару раз стукнула его шумовкой по голове), ехал в поезде. Но постепенно горечь проходила. Мелькали за окном леса, перелески, деревеньки... Входили и выходили разные люди, рассказывались разные истории.

Чудик тоже одну рассказал какому-то интеллигентному товарищу, когда стояли в тамбуре, курили.

— У нас в соседней деревне один дурак тоже... Схватил головешку — и за матерью. Пьяный. Она бежит от него и кричит. «Руки, кричит, руки-то не обожги, сынок!» О нём же и заботится... А он прет, пьяная харя. На мать. Представляете, каким надо быть грубым, бестактным...

— Сами придумали? — строго спросил интеллигентный товарищ, глядя на Чудика поверх очков.

— Зачем? — не понял тот. — У нас за рекой, деревня Раменское...

Интеллигентный товарищ отвернулся к окну и больше не говорил.

После поезда Чудик надо было еще лететь местным самолетом полтора часа. Он когда-то летал разок. Давно. Садился в самолет не без робости.

«Неужели в нем за полтора часа ни один винтик не испортится!» — думал. Потом — ничего, осмелел. Попытался даже заговорить с соседом, но тот читал газету, и так ему было интересно, что там, в газете, что уж послушать живого человека ему не хотелось. А Чудик хотел выяснить вот что он слышал, что в самолетах дают поесть. А что-то не несли. Ему очень хотелось поесть в самолете — ради любопытства.

«Зажилили», — решил он.

Стал смотреть вниз. Горы облаков внизу. Чудик почему-то не мог определенно сказать: красиво это или нет? А кругом говорили, что «ах, какая красота!» Он только ощутил вдруг глупейшее желание — упасть в них, в облака, как в вату. Еще он подумал: «Почему же я не удивляюсь? Ведь подо мной чуть ли не пять километров?» Мысленно отмерил эти пять километров на земле, поставил их «на попа» — чтоб удивиться, и не удивился.

— Вот человек!.. Придумал же, — сказал он соседу. Тот посмотрел на него, ничего не сказал, зашуршал опять газетой.

— Пристегнитесь ремнями! — сказала миловидная молодая женщина. — Идем на посадку.

Чудик послушно застегнул ремень. А сосед — ноль внимания. Чудик осторожно тронул его.

— Велят ремень застегнуть.

— Ничего, — сказал сосед. Отложил газету, откинулся на спинку сиденья и сказал, словно вспоминая что-то:

— Дети — цветы жизни, их надо сажать головками вниз.

— Как это? — не понял Чудик.

Читатель громко засмеялся и больше не стал говорить.

Быстро стали снижаться. Вот уже земля — рукой подать, стремительно летит назад. А толчка все нет. Как потом объяснили знающие люди, летчик «промазал». Наконец толчок, и всех начинает так швырять, что послышался зубовный стук и скрежет. Это читатель с газетой сорвался с места, боднул Чудика лысой головой, потом приложился к иллюминатору, потом очутился на полу. За все это время он не издал ни одного звука. И все вокруг тоже молчали — это поразило Чудика. Он тоже молчал. Стали. Первые, кто опомнился, глянули в иллюминаторы и обнаружили, что самолет — на картофельном поле. Из пилотской кабины вышел мрачноватый летчик и пошел к выходу. Кто-то осторожно спросил его.

— Мы, кажется, в картошку сели?

— Что, сами не видите, — ответил летчик.

Страх схлынул, и наиболее веселые уже пробовали робко острить.

Лысый читатель искал свою искусственную челюсть. Чудик отстегнул ремень и тоже стал искать.

— Эта?! — радостно воскликнул он, и подал.

У читателя даже лысина побагровела.

— Почему обязательно надо руками трогать? — закричал он шепеляво.

Чудик растерялся.

— А чем же?..

— Где я ее кипятить буду?! Где?!

Этого Чудик тоже не знал.

— Поедемте со мной? — предложил он. — У меня тут брат живет. Вы опасаетесь, что я туда микробов занес? У меня их нету...

Читатель удивленно посмотрел на Чудика и перестал кричать.

В аэропорту Чудик написал телеграмму жене:

«Приземлились. Ветка сирени упала на грудь, милая Груша, меня не забудь. Васятка».

Телеграфистка, строгая сухая женщина, прочитав телеграмму, предложила:

— Составьте иначе. Вы — взрослый человек, не в детсаде.

— Почему? — спросил Чудик. — Я ей всегда так пишу в письмах. Это же моя жена!.. Вы, наверно, подумали...

— В письмах можете писать что угодно, а телеграмма — это вид связи. Это открытый текст.

Чудик переписал.

«Приземлились. Все в порядке. Васятка».

Телеграфистка сама исправила два слова: «Приземлились» и «Васятка»

Стало: «Долетели. Василий».

— «Приземлились». Вы что, космонавт, что ли?

— Ну, ладно, — сказал Чудик. — Пусть так будет.

...Знал Чудик, есть у него брат Дмитрий, трое племянников... О том, что должна еще быть сноха, как-то не думалось. Он никогда не видел ее. А именно она-то, сноха, все испортила, весь отпуск. Она почему-то сразу невзлюбила Чудика.

Выпили вечером с братом, и Чудик запел дрожащим голосом:

— Тополя-а-а...

Софья Ивановна, сноха, выглянула из другой комнаты, спросила зло:

— А можно не орать? Вы же не на вокзале, верно? — И хлопнула дверью.

Брату Дмитрию стало неловко.

— Это... там ребяташки спят. Вообще-то она хорошая.

Еще выпили. Стали вспоминать молодость, мать, отца.

— А помнишь? — радостно спрашивал брат Дмитрий. — Хотя, кого ты там помнишь! Грудной был. Меня оставят с тобой, а я тебя зацеловывал. Один раз ты посинел даже. Попадало мне за это. Потом уже не стали оставлять. И все равно, только отвернутся, я около тебя — опять целую. Черт знает, что за привычка была. У самого-то еще сопли по колена, а уж... это... с поцелуями...

— А помнишь?! — тоже вспомнил Чудик. — Как ты меня...

— Вы прекратите орать? — опять спросила Софья Ивановна совсем зло, нервно. — Кому нужно слушать эти ваши разные сопли да поцелуи? Туда же — разговорились.

— Пойдем на улицу, — сказал Чудик. Вышли на улицу, сели на крыльечке.

— А помнишь? — продолжал Чудик.

Но тут с братом Дмитрием что-то случилось: он заплакал и стал колотить кулаком по колену.

— Вот она, моя жизнь! Видел? Сколько злости в человеке!.. Сколько злости!

Чудик стал успокаивать брата.

— Брось, не расстраивайся. Не надо. Никакие они не злые, они — психи. У меня такая же.

— Ну чего вот невзлюбила?! За што? Ведь она невзлюбила тебя... А за што?

Тут только понял Чудик, что — да, невзлюбила его сноха. А за что действительно?

— А вот за то, што ты — никакой не ответственный, не руководитель. Знаю я ее, дуру. Помешалась на своих ответственных. А сама-то кто! Буфетчица в управлении, шишка на ровном месте. Насмотрится там и начинает... Она и меня-то тоже ненавидит — что я не ответственный, из деревни.

— В каком управлении-то?

— В этом... горно... Не выговорить сейчас. А зачем выходить было? Што она, не знала, што ли?

Тут и Чудика задело за живое.

— А в чем дело, вообще-то? — громко спросил он, не брата, кого-то еще. — Да если хотите знать, почти все знаменитые люди вышли из де-

ревни. Как в черной рамке, так смотришь — выходец из деревни. Надо газеты читать!.. Што ни фигура, понимаешь, так — выходец, рано пошел работать.

— А сколько я ей доказывал, в деревне-то люди лучше, незаносистые.

— А Степана-то Воробьева помнишь? Ты ж знал его.

— Знал, как же.

— Уже там куда деревня!.. А — пожалуйста: Герой Советского Союза. Девять танков уничтожил. На таран шел. Матери его теперь пожизненно пенсию будут шестьдесят рублей платить. А разузнали только недавно, считали — без вести...

— А Максимов Илья!.. Мы ж вместе уходили. Пожалуйста — кавалер Славы трех степеней. Но про Степана ей не говори... Не надо.

— Ладно. А этот-то!..

Долго еще шумели возбужденные братья. Чудик даже ходил около крыльца и размахивал руками.

— Деревня, видите ли!.. Да там один воздух чего стоит! Утром окно откроешь — как, скажи, обмоет тебя всего. Хоть пей его — до того свежий да запашистый, травами разными пахнет, цветами разными...

Потом они устали.

— Крышу-то перекрыл? — спросил старший брат негромко.

— Перекрыл. — Чудик тоже тихо вздохнул. — Веранду построил — любо глядеть. Выйдешь вечером на веранду... начинаешь фантазировать: вот бы мать с отцом были бы живые, ты бы с ребяташками приехал — сидели бы все на веранде, чай с малиной попивали. Малины нынче уродилось пропасть. Ты, Дмитрий, не ругайся с ней, а то она хуже невзлюбит. А я как-нибудь поласковой буду, она, глядишь, отойдет.

— А ведь сама из деревни! — как-то тихо и грустно изумился Дмитрий. А вот... Детей замучила, дура одного на пианинах замучила, другую в фигурное катание записала. Сердце кровью обливается, а — не скажи, сразу ругань.

— Ммх!.. — опять возбудился Чудик. — Никак не понимаю эти газеты вот, мол, одна такая работает в магазине — грубая. Эх, вы!.. а она домой придет — такая же. Вот где горе-то! И я не понимаю! — Чудик тоже стукнул кулаком по колену. — Не понимаю: почему они стали злые?

Когда утром Чудик проснулся, никого в квартире не было; брат Дмитрий ушел на работу, сноха тоже, дети, постарше, играли во дворе, маленького отнесли в ясли.

Чудик прибрал постель, умылся и стал думать, что бы такое приятное сделать снохе. Тут на глаза ему

Геннадий Калиновский.
Иллюстрация к рассказу
В. П. Шукшина «Чудик»

попалась детская коляска. «Эге! — подумал Чудик. — Разрисую-ка я ее». Он дома так разрисовал печь, что все дивились. Нашел ребячьи краски, кисточку и принялся за дело. Через час все было кончено; коляску не узнать. По верху колясочки Чудик пустил журавликов — стайку уголком, по низу — цветочки разные, травку-муравку, пару петушков, цыпляток... Осмотрел коляску со всех сторон — загляденье. Не колясочка, а игрушка. Представил, как будет приятно изумлена сноха, усмехнулся.

— А ты говоришь — деревня. Чудачка. — Он хотел мира со снохой. Ребеночек-то как в корзиночке будет.

Весь день Чудик ходил по городу, глазел на витрины. Купил катер племяннику, хорошенький такой катерок, белый, с лампочкой. «Я его тоже разрисую», — думал.

Часов в 6 Чудик пришел к брату. Взошел на крыльцо и услышал, что брат Дмитрий ругается с женой. Впрочем, ругалась жена, а брат Дмитрий только повторял:

— Да ну, что тут!.. Да ладно... Сонь... Ладно уж...

— Чтоб завтра же этого дурака не было здесь! — кричала Софья Ивановна. — Завтра же пусть уезжает!

— Да ладно тебе!.. Сонь...

— Не ладно! Не ладно! Пусть не дожидается — выкину его чемодан к чертовой матери, и все!

Чудик поспешил сойти с крыльца... А дальше не знал, что делать. Опять ему стало больно. Когда его ненавидели, ему было очень больно. И страшно. Казалось: ну, теперь все, зачем же жить? И хотелось куда-нибудь уйти подальше от людей, которые ненавидят его или смеются.

— Да почему же я такой есть-то? — горько шептал он, сидя в сарайчике. Надо бы догадаться: не поймет ведь она, не поймет народного творчества.

Он досидел в сарайчике дотемна. И сердце все болело. Потом пришел брат Дмитрий. Не удивился — как будто знал, что брат Василий давно уж сидит в сарайчике.

— Вот... — сказал он. — Это... опять расшумелась. Коляску-то... не надо бы уж.

— Я думал, ей поглянется. Поеду я, братка.

Брат Дмитрий вздохнул... И ничего не сказал.

Домой Чудик приехал, когда шел рясный парной дождик. Чудик вышел из автобуса, снял новые ботинки, побежал по теплой мокрой земле — в одной руке чемодан, в другой ботинки. Подпрыгивал и пел громко:

Тополя-а-а, тополя-а...

С одного края небо уже очистилось, голубело, и близко где-то было солнышко. И дождик редел, шлёпал крупными каплями в лужи; в них вздувались и лопались пузыри.

В одном месте Чудик поскользнулся, чуть не упал. Звали его — Василий Егорыч Князев. Было ему тридцать девять лет от роду. Он работал киномехаником в селе. Обожал сыщиков и собак. В детстве мечтал быть шпионом.

К рубрике «Дома»

Грандиозный мультижанровый выставочный проект «Шукшин. Палитра героя», переосмысляющий творчество Василия Шукшина с помощью современного визуального языка, театральных и кинематографических форм, прошёл в России с 18 мая по 1 июня 2018 года. Проект был ориентирован на мыслящую молодежь, на актуализацию смыслов и ценностей, заложенных в творчестве Шукшина. Рассмотрите две работы юных художниц, представленные в данном проекте. Одна из них — иллюстрация одной из сцен рассказа «Чудик», другая представляет собой куклу — Чудика. Сопоставьте видение авторов этих работ и работы А. Кожевникова в учебнике с видением событий и героя писателем и со своими впечатлениями.

**Работы художников проекта «Шукшин. Палитра героя»
к рассказу В. М. Шукшина «Чудик»**

Дёмина Татьяна, г. Калининград,
категория до 18 лет.

Петрушкина Мария, г. Можайск,
категория от 14 до 18 лет

- Василий Шукшин — писатель, режиссер, киносценарист и актер. Трудно сказать, какое из этих направлений было для него приоритетным. Он вкладывал всю душу в любую работу, за которую брался. Такие блестящие фильмы, как «Странные люди» и «Калина красная», сделали Василия Шукшина одним из самых заметных деятелей кинематографа, а выход каждого нового рассказа сопровождался пристальным вниманием публики. Познакомьтесь со сведениями о фильме «Странные люди», режиссером и сценаристом которого был Шукшин, используйте полученную информацию при подготовке домашнего задания.

Кинофильм «Странные люди» 1969 г.

В 1968 году Василий Шукшин начинает работать над сценарием фильма «Странные люди», который был поставлен по трём рассказам: «Чудик», «Миль пардон, мадам!» и «Думы». Чтобы создать эту кинокартину, у Шукшина ушло восемь месяцев.

Киноальманах состоит из новелл про чудиков — про тех, кто любит собак и сыщиков, кто с детства мечтал стать шпионом, кто травит

Постер фильма
«Странные люди»

байки, в которые первый сам и верит, кому до смерти хочется увидеть себя в гробу. В фильме они имеют названия: «Братка», «Роковой выстрел», «Думы».

В новелле «Братка» повествуется о том, как деревенский парень Васька едет в Ялту, где давно живёт его старший брат. Брат разведен, однако обеспокоен тем, что ему «надо устраивать быт», и берёт с собой Ваську в гости к одинокой женщине Лидии Николаевне, которую он рассматривает как «вариант». Дома, после визита к Лидии Николаевне, брат говорит Ваське, что есть у него и ещё один вариант, но только там «вывеска не та». После этого на следующий день Васька решает ехать обратно в деревню и дома говорит, что у брата не был, так как потерял деньги, а три дня прожил у дружка в райцентре. Роли главных героев исполняют:

Васька-чудик — Сергей Никоненко, брат Васьки — Евгений Евстигнеев, Лидия Николаевна — Лидия Федосеева-Шукшина.

Новелла «Роковой выстрел» о том, как в сибирскую деревню к пожилому охотнику Броньке приезжает группа молодежи, чтобы поохотиться. Бронька отправляется с ними на охоту и во время привала рассказывает молодым людям, что покушений на Гитлера было два. И второе пытался совершить именно он, Бронька: переодетый немецким офицером, с пакетом для фюрера он проник в бункер Гитлера, выстрелил в фюрера из браунинга, но промазал. Несмотря на необыкновенный надрыв, с которым Бронька рассказывает свою историю, у всех остаются сомнения в ее правдивости. В роли Броньки Пупкова — Евгений Лебедев.

Герой новеллы «Думы» Матвей Иванович Рязанцев, председатель колхоза, на протяжении тридцати лет не может уснуть по ночам из-за того, что гармонист распевает на улице песни. Он становится раздражителен, спорит с механиком Колькой, который увлекается вырезанием скульптур из дерева, пытается доказать дочери, что никакой любви нет и молодежь только выдумывает ее, следуя моде. Учитель истории Вениамин Захарович, напротив, поддерживает Кольку, который вырезает скульптуру связанного Стеньки Разина. Он ставит Кольке песню про Кудеяра-атамана в исполнении Шаляпина. Впечатлённый песней, Колька сжигает скульптуру, сочтя ее неудачной, но говорит, что будет резать новую. Роли исполняют: Матвей Иванович Рязанцев — Всеволод Санаев, Колька-скульптор — Юрий Скоп, учитель истории Вениамин Захарович Дулич — Пантелеймон Крымов.

По материалам Интернета

60 ДИСКУССИЯ НА АКТУАЛЬНУЮ ТЕМУ

К заданию 3. Умение вести дискуссию — очень важный навык, который пригодится как в реальной жизни, так и карьере. Например, когда вам нужно будет представить проект, обсудить его сильные и слабые стороны, убедить работодателей в его необходимости, установить баланс между моралью и прибылью от его реализации и т. п. Научившись вести конструктивную дискуссию, вы сможете отстаивать свою точку зрения без вовлечения ненужных эмоций и прислушиваться к собеседнику. Ознакомьтесь с возможными актуальными темами дискуссий и организуйте соответствующую дискуссию в классе по формуле ПОПС (или МОПС), данной в учебнике.

Примеры актуальных дискуссионных тем

- Что считать хорошим образованием, а что плохим? Необходимо ли хорошее образование современному человеку?
- Что является научным знанием, а что мифами и легендами? Чему верить?
- Следует ли восхищаться очередными достижениями человечества или стоит осуждать их и сомневаться в их полезности?
- Является ли моральным использование животных в медицинских исследованиях и помогает ли это людям?
- Имеет ли преимущества клонирование и стоит ли активно внедрять его в жизнь?

- Велика ли наша зависимость от компьютеров?
- Является ли компьютерное пиратство преступлением и стоит ли с ним бороться?
- Устарел ли брак в том виде, в котором существует сегодня? Что такое отношения в браке и до брака? Как найти девушку мечты или как найти молодого человека мечты?
- Можно ли иметь счастливую семью и делать отличную карьеру одновременно?
- Всегда ли отношения взрослых детей с родителями бывают сложными? От чего это зависит?
- Кто-то придерживается мнения, что мужчины и женщины должны быть наделены равными правами, а кто-то считает, что женщине надо сидеть дома, а мужчине — зарабатывать деньги. А как считаете вы?
- Должно ли быть запрещено во всём мире курение как вредная привычка, пагубно влияющая на здоровье?
- Делают ли людей жестокими видеоигры или они их развивают?
- Необходимо ли ограничивать подростков в использовании Интернета?
- Общественные нормы постоянно меняются, и то, что вчера было в порядке вещей, сегодня уже выглядит варварством. Какие нравственные нормы навсегда останутся неизменными, а какие могут изменяться?
- На кого должна быть нацелена реклама и может ли она быть направлена на детей?
- Велико ли значение моды в нашей жизни?
- Несет ли особый смысл современное искусство или оно бессмысленно и отвратительно?

61

ВАСИЛИЙ ШУКШИН. «ВЫБИРАЮ ДЕРЕВНЮ НА ЖИТЕЛЬСТВО»

К рубрике «Читаем художественный текст»

К заданию 1. Прочитайте рассказ В. Шукшина «Выбираю деревню на жительство», ответьте на вопросы и выполните задания в учебнике.

Выбираю деревню на жительство

Некто Кузовников Николай Григорьевич вполне нормально и хорошо прожил. Когда-то, в начале тридцатых годов, великая сила, которая тогда передвигала народы, взяла и увела его из деревни. Он сперва тосковал в городе, потом присмотрелся и понял: если немного смекалки, хитрости и если особенно не залупаться, то и не обязательно эти котлованы рыть, можно прожить легче. И он пошел по складскому делу — стал кладовщиком и всю жизнь был кладовщиком, даже в войну. И теперь он жил в большом городе в хорошей квартире (отдельно от детей, которые тоже вышли в люди), старел, собирался на пенсию. Воровал ли он со складов? Как вам сказать... С точки зрения какого-нибудь сопляка с высшим юридическим образованием — да, воровал, с точки зрения человека рассудительного, трезвого — это не воровство: брал ровно столько, сколько требовалось, чтобы не испытывать ни в чем недостатка, причем, если учесть — окинуть взором — сколько добра прошло через его руки, то сама мысль о воровстве станет смешной. Разве так воруют! Он брал, но никогда не забывался, никогда не показывал, что живет лучше других. Потому-то ни один из этих, с университетскими значками, ни разу не поймал его за руку. С совестью Николай Григорьевич был в ладах: она его не тревожила. И не потому, что он был бессовестный человек, нет, просто это так изначально повелось: при чем тут совесть! Сумей только аккуратно сделать, не психуй и не жадничай и не будь идиотом, а совесть — это... знаете... Когда есть в загашнике, можно и про совесть поговорить, но все же спится тогда спокойней, когда ты все досконально продумал, всё взвесил, проверил, свел концы с концами — тогда пусть у кого-нибудь другого совесть болит. А это — сверкать голым задом да про совесть трещать, — это, знаете, неумно.

Словом, все было хорошо и нормально. Николай Григорьевич прошел свою тропку жизни почти всю. В минуту добрую, задумчивую говорил себе: «Молодец: и в тюрьме не сидел, и в войну не укокошили».

Но была одна странность у Николая Григорьевича, которую он сам себе не сумел бы объяснить, наверно, если б даже захотел. Но он и не хотел объяснять и особенно не вдумывался, а подчинялся этой прихоти (надо еще понять, прихоть это или что другое), как многому в жизни подчинялся.

Вот что он делал последние лет пять-шесть.

В субботу, когда работа кончалась, когда дома, в тепле, ждала жена, когда все в порядке и на душе хорошо и мирно, он выпивал стаканчик водки и ехал в трамвае на вокзал. Вокзал в городе огромный, вечно набит людьми. И есть там место, где курят, возле туалета. Там всегда — днем и ночью — полно, дым коромыслом, и галдёж стоит непрерывный. Туда-то и шел напрямик Николай Григорьевич. И там вступал в разговоры.

— Мужики, — прямо обращался он, — кто из деревни?

Таких всегда было много. Они-то в основном и толклись там — деревенские.

— Ну?.. — спрашивали его. — А что тебе?

— Хочу деревню подобрать на жительство. Нигде, может, кто в курсе, не требуются опытные складские работники? Я тридцать четыре года проработал в этой системе... — и Николай Григорьевич доверчиво, просто, с удовольствием и подробно рассказывал, что он сам — деревенский, давно оттуда уехал, работал всю жизнь на складах, а теперь, под старость, потянуло опять в деревню... И тут-то начиналось. Его как-то сразу прекрасно понимали с его тоской, соглашались, что да, сколько по городам ни околачивайся, а если ты деревенский, то рано или поздно в деревню снова потянет. Начинили предлагать деревни на выбор. Николай Григорьевич только успевал записывать адреса. Начинили шуметь. Спорили.

— Да уж ты со своей Вязовкой!..

— А ты знаешь ее? Чего ты сразу руками-то замахал?! Ты хоть раз бывал там?

— Вязовку-то? Да я ее как облупленную знаю, вашу Вязовку! Господи, Вязовка!.. У человека — к старости, желательно, чтоб природа...

— А при чем тут природа-то? — вступали другие. — Надо не от природы отталкиваться, а от работы. Я не знаю вашей Вязовки, но склад-то там есть? Человек же прежде всего насчет работы спрашивает.

— Нет, — говорил Николай Григорьевич, — желательно, чтоб и природа, конечно...

— Да в том-то и дело! Что он тебе, склад?! Склад, он и есть склад, теперь они везде есть. И если, например...

— Ну, вы тоже рассудили, — говорил какой-нибудь степенный, — только поорать. Ну — склад, они действительно везде теперь, а как, например, с жильём? У нас вон — и склад, и река, и озеро, а постройки страшно дорогие.

— Ну, сколь так? — вникал в подробности Николай Григорьевич.

— Это смотря что требуется.

— Ну, например, пятистенок... Добрый еще.

— С постройками?

— Ну да, баня, сарай для дров... Ну, навес какой-нибудь, завозня там — я построгать люблю в свободное время.

— Если, допустим, хороший пятистенок, — начинал соображать мужик, — банешка...

— Не развалюха, конечно, хорошая баня.

- Хорошая баня, сарай из горбыля, у нас в основном все сараи из горбыля идут, из отлта...
- Пилорама в деревне?
- Не в самой деревне, а на отделении.
- Ну, ну?
- Если все честь по чести, огород нормальный...
- Огород нам со старухой большой не надо.
- Ну, нормальный, их теперь больших-то и нету — нормальный, если все честь по чести, то будет так — три, три с половиной.
- Тыщи?! — изумлялся кто-нибудь.
- Нет, рубля, — огрызнулся степенный.
- Ну, это уж ты загнул. Таких и цен-то нету, — сомневались. Степенный вмиг утрачивал свою степенность.
- А чего ради погибать-то перед вами? Что я, свой дом, что ли, навяливаю? Я говорю как есть. Человек же спрашивает...
- А чего так? Несусветные какие-то цены. Что у вас там такое?
- Ничего, совхоз.
- Да, а чего дорого-то? С ума, что ли, сошли там?
- Мы не сошли, сошли там, где постройки, я слышал, на дрова пускают. Вот там-то сошли. Это уж я тоже не понимаю...
- Это я слышал тоже. Рублей за триста, говорят, можно хороший дом взять.
- Ну, за триста не за триста...
- А как твоя деревня называется? — записывал Николай Григорьевич.
- Завалиха. Не деревня, село.
- Это где?
- А вот, если сейчас ехать... — и мужик подробно объяснял, где его село, как ехать туда.
- Райцентр, что ли?
- Был раньше райцентр, а потом, когда укрупняли районы, мы отошли к Красногорскому району, а у нас стала центральная усадьба.
- Ну, есть, наверно, перевалочная база? — допрашивал Николай Григорьевич.
- Мужик послушно, очень подробно рассказывал. И был как будто рад, что его село заинтересовало человека больше, чем другие села и деревни. Со стороны наблюдали и испытывали нечто вроде ревности. И находили возможность подпортить важную минуту.
- Это ж что ж это за цены такие! Леса, наверно, нет близко?
- А у вас какие? — нервничал мужик из дорогого села. — Ну скажи, сколько у вас добрый пятистенок станет? Только не ври.
- Чего мне врать-то? Добрый пятистенок у нас... с постройками, со всем, с огородом — тыщи полторы-две.
- Где это? — поворачивался в ту сторону Николай Григорьевич.
- И тогда тот, что перехватил интерес, начинал тоже подробно, долго объяснять, где его село, как называется река, почему у них мясо осенью...

— У меня вот свояк приезжал... как раз осенью тоже... Посмотрел. «Ну-у, — говорит, — у вас-то жить можно! Это, — говорит, — ты у нас иди сунься».

— А откуда он?

— За Уралом... Город Златоуст.

— Что ж ты город-то суешь? Мы про сельскую жизнь говорим.

— Он не из самого города, а близко к этому городу.

— Да зачем же там где-то брать, человек про наши места заинтересуется! Это я тебе могу наказать: у меня свояк в Магадане вон...

— Ну, едрена мать! Ты ещё скажи — в Америке.

— А при чем тут Америка-то?

— А при чем Магадан?

— Да при том, что — речь идет про сельскую местность, а ты куда-то в Златоуст полез! Чего ты в Златоуст-то полез?!

— Тихо, тихо, — успокаивал Николай Григорьевич горячих селян. Странно, он становился здесь неким хозяином — на манер какого-нибудь вербовщика-работодателя в толпе ищущих. — Спокойно, мужики, — говорил Николай Григорьевич, — мы же не на базаре. Меня теперь интересуется: сколько над уровнем моря твое село? — это вопрос к тому, в чьем селе дом-пятистенок стоит дешевле.

Тот не знал. И никто не знал, сколько над уровнем моря их деревни и села.

— А зачем это?

— Это очень важно, — пояснил Николай Григорьевич. — Для сердечно-сосудистой системы необходимо. Если место немного возвышенное — тоже нельзя: сразу скажется нехватка кислорода.

— Не замечали, — признавались мужики.

Но это — так, это Николай Григорьевич подпускал для пущей важности. Больше говорили про цены на постройки, на продукты, есть ли река в деревне или, может, озеро, далеко или близко лес... Потом переходили на людей — какие люди хорошие в деревне: приветливые, спокойные, не воруют, не кляузничают. И тут — незаметно для себя — начинали слегка врать друг другу. Это как-то само собой случалось, никто не преследовал никакой посторонней цели: один кто-нибудь начинал про своих людей, и уж тут другие не могли тоже умолчать, тоже рассказывали, но так, чтобы получалось, что у них — лучше.

— А у нас... обрати внимание: у нас, если баба пошла по воду, она никогда дом не запирает — зачем? Приткнёт дверь палочкой, и всё: сроду никто не зайдет. Уж на что цыганы — у нас их полно — и то не зайдут: мы их так приучили.

— Да кого!.. Вы вот возьмите: у нас один вор есть...

— Вор?!

— Вор! Мы все про него знаем, что он вор, он уже раз пять сидел за это дело. А у нас одна заслуженная учительница живет, орден имеет... И этот вор натурально пришел к ней и говорит: «Пусти пожить недели две». А он у нее учился когда-то... в первом классе, что ли. Он вообще-то детдомов-

ский, а она, видно, работала там. Да. «Пусти, — говорит, — пару недель пожить, пока не определюсь куда-нибудь».

— Пустила?

— Пустила! Ну, думаем, и обчистит же он ее!.. Жалели даже старушку.

— Дело в том, что у них такой закон есть: где живёшь, там не воруй.

— Да, да.

— Не обчистил?

— Не! Ни-ни, ни волоска не взял. Сдержался.

— Нет, это уж такой закон. Вот если бы взял... если бы он ее все же обокрал, ему бы там свои за это дело...

— Ничего не взял!

— Это странно все же... Плевали они на эти законы! Закон. У меня прошлый год стожок сена увезли, змеи ползучие...

— Ну-у это такие, что ли! Это уж... наш брат кто-нибудь, свои. На кой ему черт сено, урке?

Смеялись. Вспоминали еще случаи... Курили и курили без конца — накурено бывало так, что глаза слезились. А время, слава богу, шло: глядишь, и подойдет час ехать. Ждать на вокзале — это не самое милое из того, что нам приходится делать.

— А я как-то еду из района, — встревал в минуту затишья какой-нибудь расторопный, — гляжу, стоит бабка... ну, лет так восемьдесят — восемьдесят пять. Подняла руку, я остановился. «До Красного, сынок». До Красного шестьдесят пять километров. «Платить-то, — говорю, — есть чем?» — «Есть, милай, есть». Ну, везу... — и рассказчик заранее поблёскивает глазом. — Доехали до Красного. «Все, — говорю, — бабка, приехали. Плати». Она мне достает откуда-то из сумки... пять штук яиц!

Смех. Рассказчик доволен.

— «А раньше, — говорит, — брали. Мы, — говорит, — всегда яйцами расплачивались». — «Ладно, — говорю, — иди, бабка».

Рассказчик непременно еще повторял не один раз, как он ей сказал, старухе: «Иди, — говорю, — бабка, иди. Иди, чего с тебя взять». Это надо понимать, что — вот и он тоже добрый человек. Вообще добрых, простодушных, бесхитростных, бескорыстных, как выяснялось на этих беседах, по деревням и селам — навалом, прохода нет от бесхитростных и бескорыстных. Да все такие, чего там! А если встречаются иногда склочные, злые, жадные, то это так — придурки.

Николай Григорьевич уже не записывал адреса, а слушал, поворачивался в разные стороны, смеялся тоже... И оттого, что он так охотно и радостно слушал, рассказывали — с радостью тоже — новые истории, где раскрывалось удивительное человеческое бескорыстие. Правда, нечаянно проскакивали случаи, где высывалась вдруг морда какого-нибудь завистника или обманщика, но это — пропускали, это не суть дела, это чепуха. Все молча соглашались, что это — чепуха, а миром движет разум и добро.

— Я седня гляжу: пиво продают. Отстоял в очереди — она мне наливает... А наливает — вот так вот не долила. Сунула под кран — и дальше. Я отошел и думаю: «У нас бы ей за такие дела спасибо не сказали».

Тут же соглашались, что — да, конечно... Люди торопятся, людей много, она этим пользуется, бесстыдница. Но, если так-то подумать — ну сколько уж она там не долила! Конечно, ей копейка так и набегаёт, но ведь, правда, и не умер же ты, что не допил там глоток-другой. А у ней тоже небось — семья...

Но вот уж чего не понимали деревенские в городе — это хамства. Это уж черт знает что, этому и объяснения-то как-то нету. Кричат друг на друга, злятся. Продащицу не спроси ни о чем, в конторах тоже, если чего не понял, лучше не переспрашивай: так глянут, так тебе ответят, что дай бог ноги. Тут, как наезжали на эту тему, мужики дружно галдели — не понимали, изумлялись... И Николай Григорьевич тоже со всеми вместе не понимал и изумлялся. Прижимал кого-нибудь к стене туалета и громко втолковывал и объяснял:

— Ведь почему и уехать-то хочу!.. Вот потому и хочу-то — терпенья больше нет никакого. Ты думаешь, я плохо живу?! Я живу, дай бог каждому! У меня двухкомнатная секция, мы только двое со старухой... Но — невмоготу больше! Душу всю выворачивает такая жизнь!.. — Николай Григорьевич в эту минуту, когда кричал в лицо мужику, страдал вполне искренне, бил себя кулаком в грудь, только что не плакал... Но — и это поразительно — он вполне искренне забывал, что сам много кричит на складе, сам тоже ругается всюю на шоферов, на грузчиков, к самому тоже не подступись с вопросом каким. Это все как-то вдруг забывалось, а жила в душе обида, что хамят много, ругаются, кричат и оскорбляют. И отчётливо ясно было, что это не жизнь, пропади она пропадом такая жизнь, и двухкомнатная секция, лучше купить избу в деревне и дожить спокойно свои дни, дожить их достойно, по-человечески. Не хочется же оскотинеть здесь со всеми вместе, нельзя просто, мы ж люди! И дорого это было Николаю Григорьевичу вот эти слова про достоинство человеческое и про покой, и нужно, и больно, и сладко было кричать их... Иногда даже замолкали вокруг, а он один — в дыму этом, в запахах — говорил и кричал. Ему искренне сочувствовали, хотели помочь.

Так, выговорившись, с адресами в кармане Николай Григорьевич шёл домой. Шел с вокзала всегда пешком — это четыре остановки. Отходил после большого волнения. Тихонько еще ныла душа, чувствовалась усталость. К концу пути Николай Григорьевич всегда сильно хотел есть.

Никуда он не собирался ехать, ни в какую деревню, ничего подобного в голове не держал, но не ходить на вокзал он уже не мог теперь — это стало потребностью. Пристыди его кто-нибудь, ну, старший сын, например, запрети ходить туда, запрети записывать эти адреса, говорить с мужиками... Да нет, как запретишь? Он бы крадучись стал ходить. Он теперь не мог без этого.

К рубрике «Дома»

При написании аннотации к прочитанным вами рассказам В. М. Шукшина воспользуйтесь сведениями о важных нравственных проблемах, затронутых в них писателем.

Нравственные проблемы, поднятые В. Шукшиным в творчестве

- В. М. Шукшин — человек с великой душой. Говорить в наше время о Шукшине — это значит говорить о тех жизненных ценностях, которые взращивала и лелеяла вся русская литература.
- Любовь к родной земле, к её людям, верность народным идеалам.
- Вечные вопросы о смысле жизни и преемственности поколений, понимании собственного жизненного предназначения.
- Народное представление о труде, который осуществляется ради жизни, а не ради богатства. Честный труд — источник удовлетворения и радости.
- Любовь, дружба, сыновние и отцовские чувства, беспредельность материнства и доброты, через которые познается человек, время и сущность бытия.
- Понимание, что счастье достижимо, но надо уметь постоять за него.
- Тема правды и фальши в человеческих отношениях.
- Душевная щедрость, доброта простых людей.
- Непринятие карьеризма и корыстолюбия, хамства и невежества.

К рубрике «Осуществляем проект»

- Осуществляя творческий проект на тему: «Арт-пространства, посвященные Марии Примаченко», — воспользуйтесь материалами помещенной ниже статьи.

Арт-пространство в Киеве, посвященное произведениям Марии Примаченко

Мария Примаченко.
Стилизация

Вскоре в Печерском районе Киева будет осуществлен арт-проект, посвящённый выдающейся украинской художнице Марии Примаченко, под названием Prima Maria Art Boulevard. Это первый культурный проект подобного масштаба, аналогов которому до сих пор не было в Украине. Этот уникальный арт-объект будет представлять собой особое публичное пространство — бульвар в 500 метров, задуманный как своеобразный музей под открытым небом, где живут уникальные герои ее работ в виде необычных скульптур, муралов и лавочек.

«Мы сделали колоссальную организационную работу для того, чтобы начать этот амбициозный социально-культурный проект, который призван открыть и максимально приблизить творчество выдающейся украинской художницы Марии Примаченко к людям. Его уникальность заключается в том, что одна из улиц Киева станет целостным пространством, в котором будет воплощён фантастический мир художницы. В арт-объекты превратятся жилые дома, офисные здания, подземный переход и практически все элементы бульвара, — отмечает автор идеи Эдуард Ахрамович. — В рамках проекта будут созданы 16 тематических скульптур по мотивам работ Марии Примаченко. На бульваре появятся две входные скульптурные группы, три стилизованные тематические арки, а на фасадах зданий — 12 ярких муралов».

«Муралы будут мозаичные, в стилистике работ Примаченко... Мозаика будет антивандальной, а по вечерам панно из мозаики будут подсвечиваться при помощи современных технологий», — рассказал художник Константин Скритуцкий.

В рамках проекта будут созданы 16 тематических скульптурных композиций, 3 стилизованные тематические арки, 2 входные скульптурные группы по мотивам картин Марии Примаченко.

Запланировано также тематическое обустройство подземного перехода, который будет украшать панно из мозаики и установление мемориальной доски и монумента М. Примаченко, где каждый год в день рождения художницы 13 января будет чествовать ее память.

Тематические зоны арт-бульвара Марии Примаченко

В зоне «Добрые звери» разместят пять скульптур, выполненных в технике мозаики.

Шість арт-об'єктів зони «Странні створіння» покроють люмінесцентною фарбою і зеркальною мозаїкою. Ночью вони будуть світитися.

Персонажі зони "Дивні створіння"

(арт-бульвар Prima Maria)

Персонажі зони «Сказочні птави» будуть вилічені із зеркальною мозаїкою.

Персонажі зони "Казкові птахи"

(арт-бульвар Prima Maria)

Концепты муралов на арт-бульваре М. Примаченко

К рубрике «Читаем публицистический текст»

К заданию 1. Прочитайте фрагменты из статьи В. Шукшина «Вопросы к самому себе», ответьте на вопросы и выполните задания в учебнике.

Вопросы к самому себе

(В сокращении)

Сперва о том, что болит: фильм «Ваш сын и брат» вызвал споры. Мне в связи с этим задают вопросы. Разные. Не всегда, к сожалению, мы бываем настолько находчивы в ответах, чтобы потом не ныла душа: здесь не так сказал, там сморозил. Сейчас, «пользуясь случаем», я и хочу начать с этого — с ответов. <...>

Эти вопросы — это, вообще-то, не вопросы, а мысли, которые возникли при обсуждении фильма и определились то как упрек ему, то как недоумение.

Город и деревня. Нет ли тут противопоставления деревни городу?

Нет. Сколько ни ищу в себе «глухой злобы» к городу, не нахожу. Вызывает злость то, что вызывает ее у любого, самого потомственного горожанина. Никому не нравятся хамоватые продавцы, равнодушные аптекари, прекрасные зевающие создания в книжных магазинах, очереди, теснота в трамваях, хулиганье у кинотеатров и т. п. Если есть что-то похожее на неприязнь к городу — ревность: он сманивает из деревни молодежь. Здесь начинается боль и тревога. Больно, когда на деревню вечерами наваливается нехорошая тишина: ни гармонь «никого не ищет», ни песен не слышно... Петухи орут, но и то как-то не так, как-то «индивидуально». Не горят за рекой костры рыбаков, не бухают на заре торопливые выстрелы в островах и на озерах. Разъехались стрелки и певуны. Тревожно. Уехали... А куда? Если в городе появится еще одна хамоватая продавщица (научиться этому — раз плюнуть), то кто же тут приобрел? Город? — Нет. Деревня потеряла. Потеряла работницу, невесту, мать, хранительницу национальных обрядов, вышивальщицу, хлопотунью на свадьбах. Если крестьянский парень, подучившись в городе, метит в какое-нибудь маломальское начальство, если очертил вокруг себя круг, сделался довольный и стыдится деревенских родичей, — это явная человеческая потеря.

Если экономист, знаток социальных явлений, с цифрами в руках докажет, что отток населения из деревни — процесс неизбежный, то он никогда не докажет, что он — безболезненный, лишенный драматизма. И разве все равно искусству, куда пошагал человек. Да еще таким массовым образом. <...>

Я заявил, что в деревне нет мещанства. Попробую развить эту мысль. Что есть мещанин? Обыкновенный мещанин средней руки... Мещанин — существо, лишенное беспокойства, способное слюнявить карандаш

и раскрашивать, беспрерывно, судорожными движениями сокращающееся в сторону «сладкой жизни». Производитель культурного суррогата. Существо крайне напыщенное и самодовольное. Взрастает это существо в стороне от Труда, Человечности и Мысли. Кто придумал глиняную кошку с бантиком? Мещанин. Кто нарисовал лебедей на черном драпе и всучил мужику на базаре? Мещанин. Крестьянин не додумается до этого. Он купит лебедей, повесит на стенку и будет думать, что это красиво. Его обманули. Попробуйте теперь отнять у него этот ковер с лебедями. Не отдаст. Он привык к нему. Надо ехать и объяснять, что это плохо. И надо так же искусно объяснять и доказывать, как искусно доказывали ему на базаре, что это хорошо. <...>

Какой должен быть современный положительный герой? Знают, что он должен быть честный, неглупый, добрый, принципиальный и т. п. Знают больше: у положительного героя могут быть кое-какие и отрицательные стороны, слабости. Вообще о положительном герое знают все — какой он должен быть. И тут, по-моему, кроется ошибка: не надо знать, какой должен быть положительный герой, надо знать, какой он есть в жизни. Не надо никакого героя предлагать зрителю в качестве образца для подражания. Допустим, вышел молодой человек из кинотеатра и остановился в раздумье: не понял, с кого надо брать пример, на кого быть похожим... Ну и что? Что, если не убояться этого? На кого быть похожим? На себя. Ни на кого другого ты все равно не будешь похожим. Если ты посмотрел умный фильм, где радуются, горюют, любят, страдают, обманываются, обретают себя живые люди, значит, тебе предложили подумать о самом себе. Тебе показали, как живут такие-то и такие-то, а ты задумаешься о себе. Обязательно. В этом сила живого, искреннего реалистического искусства. Если авторы сами радуются хорошему, если ненавидят дурное в людях и если все это — правда, если ты сам знаешь, что в жизни так и бывает, как тебе только что показали, то не захочешь спрашивать: на кого быть похожим? На себя, только станешь умнее, крепче, отзывчивее. Не мог же ты не радоваться, когда все в зале радовались, что человек в трудную для себя минуту не соврал, не словчил за счет другого... А человек-то, казалось, незаметный, каких много. Радость, какую мы испытываем, глядя, как человек перемог себя и остался человеком, скоро не забудется. Мне кажется, смысл... искусства не в том, чтобы силиться создавать неких идеальных положительных героев (даже в противоположность отрицательным), а находить, обнаруживать положительные — суть качества добрые, человеческие — и подавать это как прекрасное в человеке.

И потом мы забываем, что, когда мы очень уж настойчиво начинаем предлагать зрителю образцы для подражания, мы возбуждаем в нем чувство протеста, раздражение. Попробуйте за ребенка сделать какое-нибудь мало-мальски сложное дело — он заплачет. Он хочет сам. Общение с искусством, когда тому, что мы видим, мы целиком верим, приводит нас в редкое и радостное состояние детскости. Ребенок знает, наверно, что отец делает лучше, но он хочет сам. Зритель тоже хочет сам. И кто смолоду больше делает и думает сам, тот становится потом надежнее, крепче, умнее.

Надо только стараться, чтоб мы не ввали, не открывали то, что зритель давным-давно знает без нас, не показывали ему — вот это хорошо. <...> Не надо только учить. Надо помогать исследовать жизнь, открывать прекрасное в жизни и идти с этим к людям. Надо страдать, когда торжествует зло, и тоже идти к людям. Иначе к чему все? <...>

К заданию 2.

Прочитайте фрагменты статьи В. Шукшина «Нравственность есть Правда» и строки известного поэта-шестидесятника Евгения Евтушенко о нем. Отвечая на вопросы и выполняя задания в учебнике, обратите внимание на то, как они характеризуют Василия Макаровича как писателя, общественного деятеля и как человека.

В искусстве уютно
быть удобною булкой
французской,
но так не накормишь
ни вдов,
ни калек,
ни сирот.

Шукшин был горбушкой
С калиною красной
Вприкуску,
Черняшкою той,
Без которой немислим народ...

Г. Бурков.
Василий Макарович
Шукшин.
2006 г.

Нравственность есть Правда (В сокращении)

Человек трезвый, разумный, конечно же, — везде, всегда — до конца понимает свое время, знает правду, и если обстоятельства таковы, что лучше о ней, правде, пока помолчать, он молчит. Человек умный и талантливый как-нибудь, да найдет способ выявить правду. Хоть намеком, хоть полусловом — иначе она его замучает, иначе, как ему кажется, жизнь пройдет впустую. Гений обрушит всю правду с блеском и грохотом на головы и души людские. Обстоятельства, может быть, убьют его, но он сделает свое дело. Человек просто талантливый — этот совершенно точно отразит свое время (в песне, в поступке, в тоске, в романе), быть может, сам того не поймет, но откроет глаза мыслящим и умным.

Есть на Руси еще один тип человека, в котором время, правда времени вопиет так же неистово, как в гении, так же нетерпеливо, как в талантливом, так же потаённо и неистребимо, как в мыслящем и умном... Человек этот — дурачок. Это давно заметили (юродивые, кликуши, странники не от мира сего — много их было в русской литературе, в преданиях народных, в сказках), и не стоило бы, может быть, так многозначительно вступать в статью, если бы не желание поделиться собственными наблюдениями на этот счет. <...>

Теперь предстоит самое странное и рискованное: провести параллель. Герой нашего времени — это всегда «дурачок», в котором наиболее

выразительным образом живет его время, правда этого времени. Давайте представим, что это не так. Идет война, народ напрягает все силы в борьбе с врагом, шлет и шлет лучших своих сынов на поля сражений, и они гибнут тысячами, поливая родную землю молодой кровью. Страшное время! И вот появляется повесть, роман, где героем выведен этаким философствующий нытик, эгоист с душой паралитика, которая вся мучительно — только хочет жить! Это будет — про дезертира, предателя. И пусть он будет вовсе не глуп, иногда и не трус, и любить может, и не обжирается, как свинья, когда кругом голод... Пусть — тем хуже: значит, он не только дезертир, а — еще сволочь. В другое время — что ж, что человек безнадежно смотрит на окружающую его действительность, что он любит и хочет жить — что? Ну, есть такие. Были. Будут. То есть в другое время он-то как раз и может быть героем, и вовсе не сволочью. Я не говорю о герое положительном, а о таком, который — состоянием души, характером, взглядами — выражает то, чем живет с ним вместе его народ, о типичном, что ли.

Когда герой не выдуман, он не может быть только безнравственным или только нравственным. А вот когда он выдуман в угоду кому-то, тут он, герой, — явление что ни на есть безнравственное. Здесь задумали кого-то обмануть, обокрасть чью-то душу... В делах материальных, так сказать, за это судят. В духовной жизни ущерб народу такими вот лазутчиками из мира лжи, угодничества наносится страшный.

Как у всякого, что-то делающего в искусстве, у меня с читателями и зрителями есть еще отношения «интимные» — письма. Пишут. Требуют. Требуют красивого героя. Ругают за грубость героев, за их выпивки и т. п. Удивляет, конечно, известная категоричность, с какой требуют и ругают. Действительно, редкая уверенность в собственной правоте. Но больше удивляет искренность и злость, с какой это делается. Просто поразительно! Чуть не анонимки с угрозой убить из-за угла кирпичом. А ведь чего требуют? Чтобы я выдумывал. У него, дьявола, живёт за стенкой сосед, который работает, выпивает по выходным (иногда — шумно), бывает, ссорится с женой... В него он не верит, отрицает, а поверит, если я навру с три короба; благодарен будет, всплакнет у телевизора, умиленный, и ляжет спать со спокойной душой. <...>

В общем, требуют нравственного героя. В меру моих сил я и пекусь об этом. Но только для меня нравственность — не совсем герой. И герой, конечно, но — живой, из нравственного искусства, а не глянцевиный манекен, гладкий и мертвый, от которого хочется отдернуть руку. Чем больше такой манекен «похож» на живого человека (есть большие мастера этого дела), тем неприятнее. Попробуйте долго смотреть ему (манекену) в глаза, станет не по себе.

Философия, которая — вот уж скоро сорок лет — норма моей жизни, есть философия мужественная. Так почему я, читатель, зритель, должен отказывать себе в счастье — прямо смотреть в глаза правде? <...> Правда бывает и горькой. <...> Хотел бы показывать правду. Я верю в силы своего народа, очень люблю Родину — я не отчаиваюсь. Напротив. Но когда мне

возвращают рассказ — не из-за его низкого художественного качества (это дают понять), по другим причинам — неловко, стыдно.

Нравственность есть Правда. Не просто правда, а — Правда. Ибо это мужество, честность, это значит — жить народной радостью и болью, думать, как думает народ, потому что народ всегда знает Правду.

Положим, общество живет в лихое безвременье. Так случилось, что умному, деятельному негде приложить свои силы и разум — сильные мира идиоты не нуждаются в нем, напротив, он мешает им. Нельзя рта открыть — грубая ладонь жандарма сразу закроет его. (Хорошо, если только закроет, а то и по зубам треснет.) И вот в такое тяжкое для народа и его передовых людей время появляется в литературе герой яркий, неприкаянный, непутевый. На правду он махнул рукой — она противна ему, восстать сил нет. Что, он безнравственен? Печорин безнравственен? Обломов безнравственен? Нет, тут что-то другое. Они — правдивы. Они также правдивы и безнравственны, как правдивы и безнравственны мятежники-декабристы. «Плохая им досталась доля» — и тем и другим. Царизм убил их. Но не для того же сегодня не перестают читать «Героя нашего времени» и «Обломова», чтобы учиться нравственности у Печорина или у Ильи Обломова. Они отразили свое время, а мы, их соотечественники, хотим знать то время. Лермонтов и Гончаров сделали свое дело: они рассказали Правду. Теперь мы ее познаем. Познавали ее и тогда. И появлялись другие герои — способные действовать. Общество, познавая само себя, обретает силы. И только так оно движется вперед. <...>

А что, собственно, смелее-то? Смелее постигать глубину жизни, не бояться, например, ее мрачноватых подвалов. Тогда это будет — борьба за человека. А как же иначе? <...>

64 СТИЛИСТИЧЕСКИЕ НОРМЫ. ДИНАМИЧНОСТЬ И ВАРИАТИВНОСТЬ НОРМ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

К рубрике «Дома»

С целью привлечения покупателей, клиентов в названиях магазинов, ателье, ресторанов и проч. часто используется языковая игра, т. е. ономастическая игра. Рассмотрев фотографии, объясните, на чем она построена.

Киев, 2019 г.

Харьков, 2019 г.

Одесская обл., г. Теплодар, 2019 г.

65–67

ИОСИФ БРОДСКИЙ. ВЫРАЗИТЕЛЬНОЕ ЧТЕНИЕ СТИХОТВОРЕНИЙ

К заданию 7. Прочитайте стихотворение «Конец прекрасной эпохи». О чем оно?

Первый сборник
поэзии И. Бродского.
Нью-Йорк.
1965 г.

Страница со стихотворением «Стансы» из
первого сборника стихотворений. Сост.: К.
К. Кузьминский; машинопись Б. И. Тайгин. —
Ленинград: [Самиздат], 1962. — 13 л.; 2 экз.

Конец прекрасной эпохи

Потому что искусство поэзии требует слов,
я — один из глухих, облысевших, угрюмых послов
второсортной державы, связавшейся с этой, —
не желая насилловать собственный мозг,
сам себе подавая одежду, спускаюсь в киоск
за вечерней газетой.

Ветер гонит листву. Старых лампочек тусклый накал
в этих грустных краях, чей эпиграф — победа зеркал,
при содействии луж порождает эффект изобилия.
Даже воры крадут апельсин, амальгаму* скребя.
Впрочем, чувство, с которым глядишь на себя, —
это чувство забыл я.

В этих грустных краях все рассчитано на зиму: сны,
стены тюрем, пальто; туалеты невест — белизны
новогодней, напитки, секундные стрелки.
Воробьиные кофты и грязь по числу щелочей;
пуританские нравы. Белье. И в руках скрипачей —
деревянные грелки.

Этот край недвижим. Представляя объем валовой
чугуна и свинца, обалделой тряхнешь головой,
вспомнишь прежнюю власть на штыках и казачьих нагайках.
Но садятся орлы, как магнит, на железную смесь.
Даже стулья плетеные держатся здесь
на болтах и на гайках.

Только рыбы в морях знают цену свободе; но их
немота вынуждает нас как бы к созданию своих
этикеток и касс. И пространство торчит преЙскурантом.
Время создано смертью. Нуждаясь в телах и вещах,
свойства тех и других оно ищет в сырых овощах.
Кочет внемлет курантам.

Жить в эпоху свершений, имея возвышенный нрав,
к сожалению, трудно. Красавице платью задрал,
видишь то, что искал, а не новые дивные дивы.
И не то чтобы здесь Лобачевского твердо блюдут,
но раздвинутый мир должен где-то сужаться, и тут —
тут конец перспективы.

То ли карту Европы украли агенты властей,
то ль пятерка шестых остающихся в мире частей
чересчур далека. То ли некая добрая фея
надо мной ворожит, но отсюда бежать не могу.
Сам себе наливаю кагор — не кричать же слугу —
да чешу котофея...

То ли пулю в висок, словно в место ошибки перстом,
то ли дернуть отсюда по морю новым Христом.
Да и как не смешать с пьяных глаз, обалдев от мороза,
паровоз с кораблем — все равно не сторишь от стыда:
как и челн на воде, не оставит на рельсах следа
колесо паровоза.

Что же пишут в газетах в разделе «Из зала суда»?
Приговор приведен в исполнение. Взглянувши сюда,
обыватель узрит сквозь очки в оловянной оправе,
как лежит человек вниз лицом у кирпичной стены;
но не спит. Ибо брезговать кумполом сны
продырявленным вправе.

Зоркость этой эпохи корнями вплетается в те
времена, неспособные в общей своей слепоте
отличать выпадавших из люлек от выпавших люлек**.
Белоглазая чудь*** дальше смерти не хочет взглянуть.
Жалко, блюдоц полно, только не с кем стола вертануть,****
чтоб спросить с тебя, Рюрик.

Зоркость этих времен — это зоркость к вещам тупика.
Не по древу умом растекаться пристало пока,*****
но плевком по стене. И не князя будить — динозавра.
Для последней строки, эх, не вырвать у птицы пера.
Неповинной главе всех и дел-то, что ждать топора
да зеленого лавра.

(1969 г.)

*Сплав ртути с другими металлами, используют при золочении металлических изделий, в производстве зеркал.

**Отсылка к повести Н. Гоголя «Тарас Бульба»: Четыре дня бились и боролись казаки, отбиваясь кирпичами и камнями. Но истощились запасы и силы, и решил-ся Тарас пробиться сквозь ряды. И пробились было уже казаки, и, может быть, еще раз послужили бы им верно быстрые кони, как вдруг среди самого бегу остановился Тарас и вскрикнул: «Стой! выпала люлька с табаком; не хочу, чтобы и люлька досталась вражьи́м ляхам!» И нагнулся старый атаман и стал отыскивать в траве свою люльку с табаком, неотлучную сопутницу на морях и на суше, и в походах, и дома. А тем временем набежала вдруг ватага и схватила его под могучие плечи.
***Персонаж русского и финно-угорского фольклора, древний мифический народ.

****Спиритический сеанс вызывания духа с помощью блюдца.

*****Отсылка к прологу «Слова о полку Игореве».